

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 26 (65). № 2

Серия «Исторические науки»

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2013

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н, проф., академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф.-м. н, доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф.-м. н., проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н., проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н., проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н., проф.**Климчук С. В.** – д. э. н., доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф.-м. н., проф.**Непомнящий А. А.** – д. ист. н., проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н., проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н., проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н., проф.**Шоркин А. Д.** – д. филос. н., проф.**Редакционный совет серии «Исторические науки»:****Непомнящий А. А.**, доктор исторических наук, профессор (редактор серии) (aan@home.cris.net)**Герцен А. Г.**, кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь)**Бачинская Е. А.**, доктор исторических наук, профессор**Ганкевич В. Ю.**, доктор исторических наук, профессор**Петрова Э. Б.**, доктор исторических наук, профессор**Платонова Н. И.**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник**Смынтына Е. В.**, доктор исторических наук, профессор**Тихонов И. В.**, доктор исторических наук, доцент**Тункина И. В.**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник**Филимонов С. Б.**, доктор исторических наук, профессор**Хмарский В. М.**, доктор исторических наук, профессор**Храпунов И. Н.**, доктор исторических наук, профессор**Щевелев С. С.**, доктор исторических наук, профессор

Печатается по решению Ученого совета Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 11 от 11 декабря 2013 г.

Подписано в печать 03.12.2013 г. Формат 70x100 1/16. 17,88 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 13/13-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Історичні науки». Том 26 (65), № 2

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2013

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету

ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

© Таврический национальный университет, 2013 г.

УДК 908:069 (477.75)

К ИСТОРИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ СЕВАСТОПОЛЯ В КОНЦЕ 20-х – 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Акимченков В. В.

*Центр памятниковедения Национальной академии наук Украины
и Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Киев, Украина
E-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru*

Охарактеризован процесс реорганизации Музея Севастопольской обороны в Военно-исторический музей, который был вызван изменениями в общественно-политической жизни Советского Союза. Подробно раскрыто содержание работы реорганизационной комиссии, в состав которой вошел К. Э. Гриневич, В. П. Бабенчиков, а также И. П. Ивин. Первоначально было запланировано создать на его основе Военно-исторический музей. После реорганизации музей был открыт 23 мая 1926 года. Большое внимание уделено реакции научной общественности Крымской АССР на результаты проделанной работы, ведь реорганизация вызвали шквал критики со стороны ряда музейных работников, а представители музейных учреждений страны признали результаты реорганизации музея неудачными. К концу 20-х годов XX века расширилась экспозиция музея, возросла его культурно-просветительская деятельность. При нем был создан «Кружок друзей музея», который должен был объединять молодежь для ее воспитания в рамках социалистических схем. Неизбежным становилось стирание специфики Военно-исторического музея Севастополя, как учреждения, посвященного истории Крымской войны. Он постепенно превратился в музей, главной задачей которого становился сбор разнообразных материалов о войнах и его использование в качестве орудия пропаганды. Все это и привело в результате к переименованию его в 1931 году из Военно-исторического музея в Музей Красной армии и флота. Идея создания такого хранилища возникла в конце 20-х годов XX века. В тот период данная тема пропагандировалась на страницах местных газет. Однако вскоре Музей Красной армии и флота был реорганизован в Музей Крымской войны, просуществовав в таком виде вплоть до начала Великой Отечественной. В 1940 году музей организовал выставку, которая была посвящена его истории, наглядно демонстрируя трансформацию учреждения от дореволюционного периода к настоящему времени.

Ключевые слова: Военно-исторический музей, Музей Севастопольской обороны, Музей Красной армии и флота, Музей Крымской войны.

В 30-е годы XX века коренным образом изменилось понимание функций музея, ведь после Первого Всероссийского музейного съезда, им вменялось в обязанности стать учреждениями массового политического просвещения, задачами которого определяется его научно-исследовательская работа. Предлагалось к началу 30-х годов XX века унифицировать музейные экспозиции, представив их по схеме: первобытное коммунистическое, античное рабовладельческое и средневековое феодальное общество. Очевидно, эта схема была обусловлена задачами пропаганды классовой теории общества. Для контроля над реализацией поставленных задач было организовано шефство над музеями со стороны рабочей общественности путем создания постоянных рабочих бригад.

Аналогичные процессы проходили во всех музейных учреждениях Советского Союза. Не стал исключением и Музей Севастопольской обороны, который решением Третьей Всекрымской конференции, проходившей в августе 1924 года, был закрыт на реорганизацию. Первоначально было запланировано создать на его основе Военно-исторический музей. Летом 1925 года было проведено обследование музей-

ных учреждений Крыма начальником Главнауки Ф. Н. Петровым, по результатам которого Панорама и Музей Севастопольской обороны были признаны архаическими. В отчете имеется и упоминание поставленного Наркомпросом Крымской АССР вопроса «о целесообразности поддержания памятников империалистической войны» [1, л. 208]. В результате вопрос о реорганизации был отложен.

В феврале 1926 года реорганизация Музея Севастопольской обороны была возобновлена и продолжалась в течение трех месяцев. В состав реорганизационной комиссии вошли: Константин Эдуардович Гриневиц (председатель), заместитель директора Военно-исторического музея Владимир Петрович Бабенчиков и новый заведующий Военно-историческим музеем Иван Парменович Ивин [2, л. 33]. Прежняя заведующая музеем Севастопольской обороны и Панорамой Е. Д. Шахбазьян была откомандирована в феврале 1926 года Крымским обкомом РКП(б) в распоряжение Центрального комитета партии [2, л. 22–23].

После реорганизации, музей был открыт 23 мая 1926 года [3, с. 6]. Большая часть материалов Севастопольского музея краеведения была перенесена в Военно-исторический музей, где они были размещены по принципу общественно-экономических формаций: «Первобытное общество», «Феодализм» и «Капитализм». Первую стену занимали экспонаты под вывеской «Ископаемые», вторую – «Производительные силы» с двумя подзаголовками: «Природа», «Море и его жизнь» [4, с. 56].

Стенд под названием «Первобытное общество» включал в себя следующие материалы: печатную таблицу археологических эпох, древо происхождения человека, фотоснимки и чертежи пещер Крыма. Здесь также имели место и археологические находки: топоры, кремниевые ножи, предметы из кости и др. Стенд, который был посвящен периоду феодализма, имел ряд подразделов: «Греки и генуэзцы», «Татары», «Русские». Первый был представлен такими материалами, как планшет с фотоснимками ящиков тавров и генуэзской крепости Чембало, рисунки греческих ваз, византийская посуда и кресты, рыболовецкие орудия, монеты средневекового Крыма, бронзовые скифские стрелы. Во втором подразделе представлялись уникальные экспонаты, которые были собраны силами сотрудников Музея краеведения. Это были фотоснимки татарских домов Бахчисарая, модели одежды, посуда и игрушки крымских татар конца XIX – начала XX века. Особого внимания заслуживают макеты трех татарских комнат дореволюционной эпохи и макет мечети. В третьем подразделе экспонировались такие материалы, как манифест Екатерины II «Об эмиграции крымских татар», гравюры фабричного и крепостного быта во времена Николая I, таблица роста Черноморского флота и товарного хлеба, шесть батальных и бытовых гравюр Крымской войны 1853–1856 годов, а также муляжи солдат русской армии времен обороны Севастополя 1854–1855 годов.

Материалы экспозиции сопровождалась плакатами с изречениями из сочинений классиков марксизма и В. И. Ленина. Это явилось лишь первым шагом на пути преобразования Музея Севастопольской обороны в Военно-исторический музей. Комиссия по реорганизации связывала дальнейшие перспективы пополнения экспозиции новыми материалами с детальным изучением библиотеки и архива. Ведь библиотека музея включала в себя богатейшее собрание литературы по военной истории, а архив содержал редкие изображения и рукописи времен Крымской войны.

Перед открытием музея для посетителей, реорганизационная комиссия пригласила представителей агитпрома, исполкома, райкома, органов печати и ответственного партийного работника Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусств, старины и народного быта (КрымОХРИСа) посетить учреждение с целью оценки проведенной работы. Составленная таким образом независимая экспертная группа постановила, что дело в музее обстоит благополучно с точки зрения агитационно-пропагандистского плана.

Реорганизационные работы вызвали шквал критики со стороны музейных и научных работников. 17 августа 1926 года на заседании Севастопольского отделения Российского общества по изучению Крыма, которое проходило в помещении Севастопольского музея краеведения, с докладом на эту тему выступил уполномоченный КрымОХРИСа Севастопольского района Лаврентий Алексеевич Моисеев. Он на протяжении трех лет руководил Военно-историческим музеем, это и пробудило столь живой интерес к данной проблеме. Л. А. Моисеев акцентировал внимание присутствующих на том, что «в музее нет строгого во всех деталях продуманного плана» научной работы [5, с. 503]. Вскоре в Главнауку и Центральное бюро краеведения был направлен протокол данного заседания, где были изложены взгляды докладчика на положение вещей в Военно-историческом музее. Вслед за этим Л. А. Моисеев опубликовал статью с критикой реорганизации музея, в которой говорил, что в результате проведенных работ «ушли в недра музейного архива герои войны, спрятана личность» [6]. Однако именно эти действия полностью соответствовали политике ВКП(б) в области гуманитарного знания.

15 июня 1927 года со стороны заместителя наркома просвещения Крымской АССР Ивана Федоровича Наумова, председателя реорганизационной комиссии Константина Эдуардовича Гриневича и члена комиссии Владимира Петровича Бабенчикова последовала ответная реакция. Ими был опубликован ряд статей, в которых разоблачались все обвинения в их адрес [5; 7]. Они отмечали, что реорганизация длилась на протяжении трех месяцев и не была закончена «в чистовую» ввиду наступления экскурсионного сезона, поскольку «вести работу в музее, полном посетителей, само собой, разумеется, было невозможно». В октябре 1926 года работы продолжались по утвержденному Народным комиссариатом просвещения Крыма плану. Те действия, которые «товарищески советует нам Л. А. Моисеев, мы решительно отводим по невозможности с ним согласиться: этого не позволяет ни наличие экспонатов, ни помещение, наконец, это было бы просто нецелесообразно» [5, с. 502]. Реорганизационная комиссия констатировала, что информация у автора заметки, несомненно, слабая и запоздалая. «Корниловские стулья и столы стоят в музее для мебели из квартир частных лиц, хотя и имевших отношение к войне. С той же целью из музея убраны носовые платки, коврики, нижнее белье и штаны Александра II, штаны [В. А.] Корнилова, фуражка [П. С.] Нахимова, сапоги Николая I и т. п. предметы, оставленные в свое время Л. А. Моисеевым в музее при Советской власти. В течение 3-х лет он заставлял рабоче-крестьянские массы любоваться этими реликвиями, чуждыми по духу вновь устроенному музею. И после этого у Л. А. Моисеева хватает духа бросать такой упрек: что в музее не подчеркнуты должным образом на фактах войны отдельные моменты агит[ационно]-

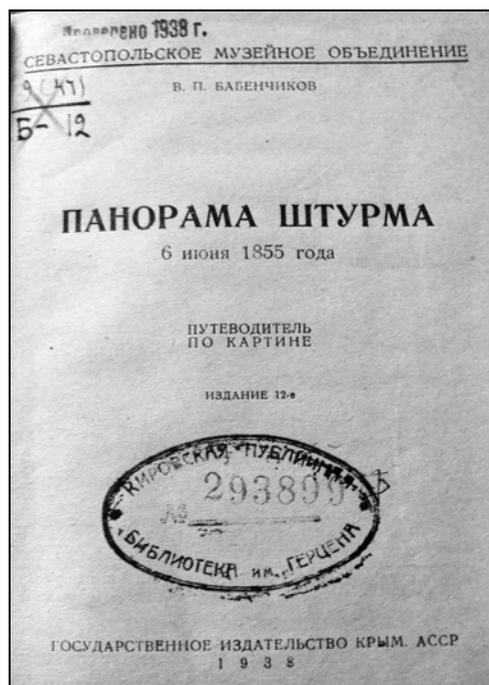
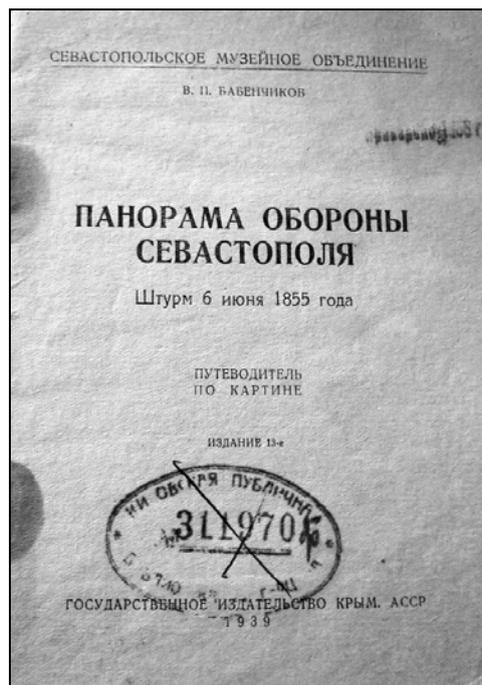
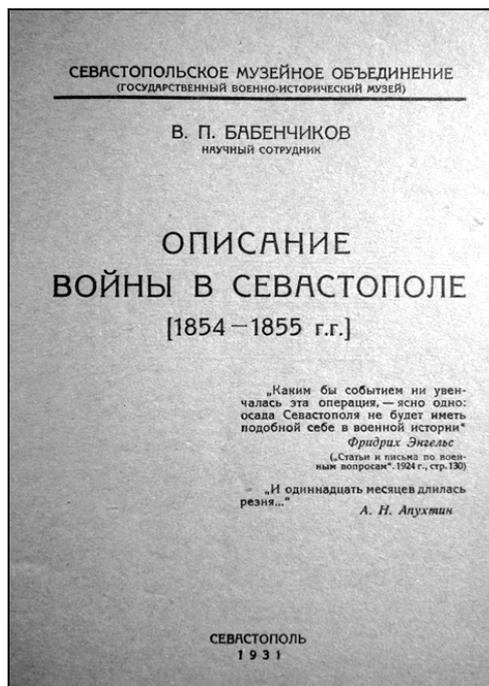
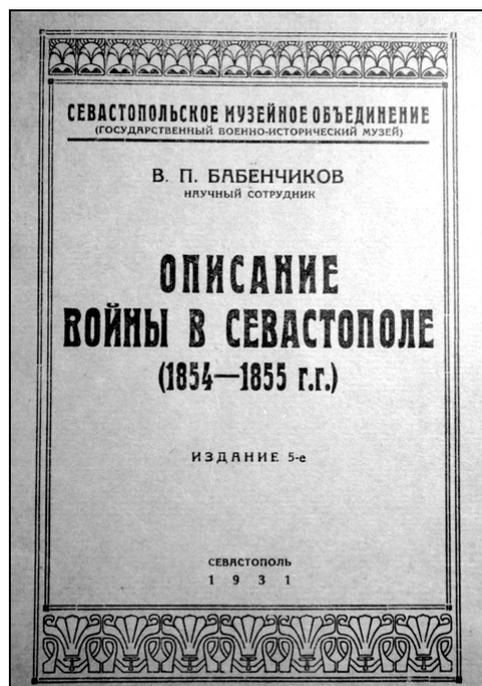
пропагандного характера. Это звучит более чем странно»[5, с. 503]. К. Э. Гриневич и В. П. Бабенчиков отстаивали свою точку зрения о недопустимости расширения музея и его усиления «общекрымских элементов, экспонированием осады Херсонеса скифами, осады Корсуня русскими при князе Владимире», что предлагал Л. А. Моисеев, поскольку содержание музея определяется 1854 и 1855 годами. Все доводы реорганизационной комиссии были поддержаны инспектором по делам музеев при отделе политического просвещения Народного комиссариата просвещения Крымской АССР Яном Петровичем Бирзгалом.

В свою очередь руководитель КрымОХРИСа Александр Иванович Полканов также негативно оценил проведенную реорганизацию музея [4]. По его мнению, экспозиция носила несистемный характер и была плохо оформлена. В начале 1934 года при НКП Крымской АССР была учреждена должность руководителя музейных учреждений и специальной комиссией произведено обследование всех музеев и чистка их личного состава. В дальнейшем представитель Музейного отдела Народного комиссариата просвещения РСФСР, старший научный сотрудник Центрального музея народоведения СССР Г. А. Самарин произвел обследование музеев Севастополя. 6 мая 1934 года им была написана докладная записка об их состоянии и работе, которая содержала следующую информацию: «Отдел Краеведения того же музея [Военно-исторического] замечателен тем, что в нем в искусственно-сделанную схему соц[иально]-эконом[ических] формаций вгоняется под вывеской формаций разнокалиберный материал, вгоняется буквально все без всякой попытки показать динамику, движение; Укажу, что раздел под вывеской капитализма состоит преимущественно почему-то из коллекций сорняков сельского хозяйства, растений, а показ татарской национальности расположен целиком под вывеской феодализма. Показ социалистического строительства в Краеведческом музее Севастополя занимает одну маленькую стену, наполненную очень малоубедительными, мелкими отрывочными фотографиями» [8, л. 6].

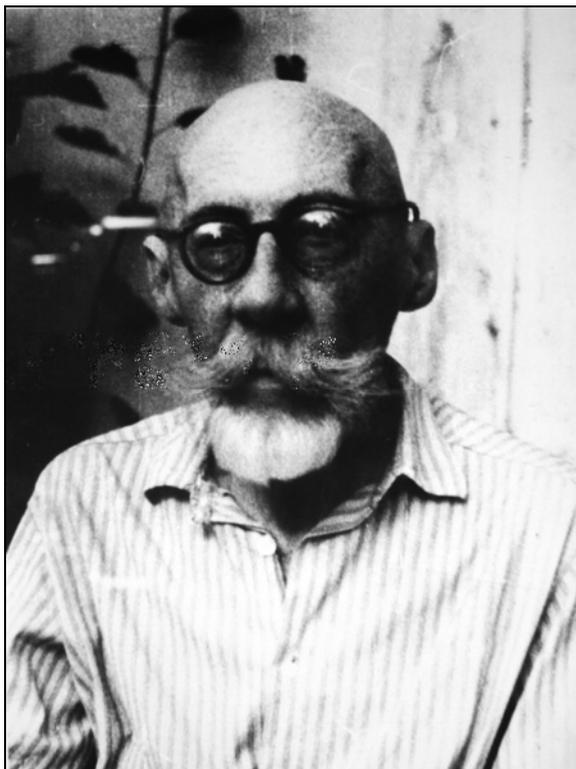
В 1934 году весь краеведческий материал был возвращен из Военно-исторического музея в Музей краеведения.

К концу 20-х годов XX века расширилась экспозиция музея, возросла его культурно-просветительская деятельность. Так, при нем был создан «Кружок друзей музея», который должен был объединять молодежь для его воспитания в рамках социалистических схем. Работа в кружке проводилась по секциям: военно-исторической, экономико-политической, художественной, историко-революционной, клубной и другим. Каждая из секций должна была, опираясь на конкретные исследования, решать отдельные задачи просвещения трудящихся в духе марксистской идеологии: военно-историческая – раскрывать сущность капиталистических войн, художественная – демонстрировать классовую основу искусства, клубная – развивать методы экскурсионной работы. В частности, были разработаны программы нескольких экскурсий по Военно-историческому музею и Панораме обороны Севастополя. Экскурсия «На путях к Октябрю» обращала главное внимание на последствия Крымской войны, представляла ее историю как крах крепостничества, экскурсия «Крымская война» более подробно останавливалась на событиях военной истории [9, с. 81].

К ИСТОРИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ СЕВАСТОПОЛЯ
В КОНЦЕ 20-х – 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Титульные страницы работ заместителя директора Военно-исторического музея В. П. Бабенчикова, изданные Севастопольским музейным объединением в 30-е годы XX века

Владимир Петрович Бабенчиков (1885–1974)

Площадь имени Ф. Ф. Ушакова (30-е годы XX века)

Постепенно пополнялись экспозиции музея: появились карты роста промышленности России в первой половине XIX века и сравнительные таблицы экономического развития стран-участниц Крымской войны, планировалось отразить историю русско-японской войны, Первой мировой войны и историю интервенции в Россию. В 1927 году началось создание отдела современной войны, для которого освобождалось место в зале, где ранее находился «уголок Пирогова».

Таким образом, неизбежным становилось стирание специфики Севастопольского Военно-исторического музея, как учреждения посвященного истории Крымской войны. Он постепенно превратился в музей, главной задачей которого становился сбор разнообразных материалов о войнах и их использование в качестве орудия пропаганды. Все это и привело, в результате, к переименованию его в 1931 году из Военно-исторического музея в Музей Красной армии и флота.

Идея создания Музея Красной армии и флота возникла в конце 20-х годов XX века. В тот период времени данная тема пропагандировалась на страницах местных газет. «Как это не странно, но факт остается фактом... В Севастополе, базе Черноморского флота, нет военного музея», гласили заголовки статей городской газеты «Маяк Коммуны». Военно-исторический музей не устраивал местную власть по причине того, что он был «далек от задач сегодняшнего дня – усиления обороны страны. Он не будит, не зовет массы трудящихся быть готовым к отпору врагу, к обороне, к защите советских границ» [10, с. 4]. Планировалось даже создать в условиях военного города Севастополя Центральный музей Красной армии и флота Крыма. К созданию подобного учреждения в Севастополе частично приступили уже в 1930 году. Было решено перестроить экспозиции Военно-исторического музея. В его структуре было создано новый отдел, посвященный современной войне и ее технике. Основная цель нового отдела – пропаганда необходимости укрепления обороноспособности страны. Тематически он был разбит на следующие подотделы: артиллерийский, минно-торпедный, авиации, химических средств обороны, механизации и моторизации, маскировки, быта солдат и красноармейцев. Создание нового отдела в структуре Военно-исторического музея должно было приблизить момент полной его реорганизации в Центральный музей Красной армии и флота Крыма.

Однако вскоре Музей Красной армии и флота был реорганизован в Музей Крымской войны, просуществовав в таком виде вплоть до начала Великой Отечественной войны. Музей имел ряд отделов: вводный, морской, сухопутный и зал – «конец Севастополя».

20 октября 1937 года Крымскую АССР посетила инспектор отдела Наркомпроса РСФСР К. А. Врочинская, которая осуществила обследование состояния крымских музеев, в том числе входящих в состав Севастопольского музейного объединения. В отчете, по результатам инспекции, было сказано, что музей требует коренной перестройки. «Так же как и два года тому назад, как при просмотре т. Бережным, так и теперь он остается аполитичным, не вскрывающим колониальной политики б[ывшей] царской России, не отражая участия местного национального населения, не отражающим антирелигиозных моментов, не дающим ведущего политически заостренного этикетажа, высказываний классиков марксизма, мало доходчивым для

отдельных посетителей и невозможным для изучения истории Крымской войны с точки зрения современности» [11, л. 8].

К. А. Врочинская отметила, что новое руководство Севастопольского музейного объединения, в лице его директора Д. М. Анкудинова, постепенно приводит музей в порядок, обратив свое внимание на художественное оформление и приступив к серьезной разработке тематического и экспозиционного плана. Подводя итоги проведенной инспекции, она констатировала, что работа, которая была проделана руководством Севастопольского музейного объединения, является удачной и своевременной. Однако было рекомендовано ускорить разработку и утверждение планов, установив календарные сроки их выполнения и персональную ответственность по разделам музея. Так же было рекомендовано к 1938 году издать путеводитель по музею, немедленно приступить к реставрации картин Ф. Рубо и И. Айвазовского, принять меры по срочной очистке от ржавчины оружия хранящегося в фондах музея [11, л. 8 об.].

В 1938 году при Музее Крымской войны был организован новый, заключительный отдел, который отражал итоги и последствия войны для Крыма. «Перестройка музея ставит своей целью показать героизм и доблесть русского солдата в защите Севастополя от иностранных союзников – Англии, Турции, Франции и Сардинии. Дополнительные материалы музея покажут войну на Кавказе и Дунае» [12, с. 4].

В 1939 году научно-исследовательская деятельность сотрудников Музея Крымской войны выразилась в разработке новых экспозиций, обработке материала для составления ряда научно-популярных изданий и заметок для газет, а также в тесном сотрудничестве с местными и столичными научно-исследовательскими учреждениями. Директором музея, в тот период времени, являлась Берта Борисовна Клебанер. Научно-исследовательская работа музея затрагивала значительный спектр вопросов музейного дела. Так, научными сотрудниками музея был разработан ряд новых экспозиций: Сютиным – «Причины поражения России в войне 1853–1856 гг.», Б. Б. Клебанер – «Россия после Крымской войны», В. П. Бабенчиковым – «Малахов курган в Крымскую войну», Корнюшиным – «Проект экспозиции музея в башне Малахова кургана». В. П. Бабенчиковым был осуществлен также отбор материала и составлен текст альбома-пособия по Крымской войне, подготовлен конспект лекций: «Черноморский флот в обороне Севастополя», «Героизм защитников Севастополя», «Крымская война», маршруты экскурсий: «По городу – памятники Крымской войны», «По братскому кладбищу», «По линии обороны» [13, л. 56].

Сотрудники музея составили текст каталога новой экспозиции, план передвижной выставки на тему «Крымская война», приуроченной к 85-летию юбилею обороны, которая побывала в семи школах и 10 избирательных участках с охватом более 9 тысяч человек, а так же подготовлен план мероприятий к 85-летию обороны Севастополя [13, л. 57].

На протяжении 1939 года музей посетило более 40 тысяч человек. Сотрудниками музея было зачитано 56 лекций для учащихся Севастополя. Особо выделяется деятельность В. П. Бабенчиков в этом направлении, который на протяжении года выступал с лекциями в санаториях и домах отдыха: 588 раз с лекцией «Крымская война», 200 раз «История Севастополя», 190 раз «История Крыма». Владимир Пет-

рович регулярно выступал и через радиоузел Черноморского флота с лекцией «Черноморский флот в защите Севастополя», а также через радиоэфир Симферопольской радиостанции с лекцией «Крымская война». На избирательных участках города также велась соответствующая пропаганда. Так, директор Музея Крымской войны, а по совместительству представитель Управления политической пропаганды Черноморского флота, Б. Б. Клебанер выступала с лекциями на тему «Крымская война» (41 раз) и «День флота» (70 раз), в свою очередь В. П. Бабенчиков также 20 раз выступил с лекцией «Крымская война» на некоторых избирательных участках. В свою очередь Сютин неоднократно выступал с лекцией «Крымская война» в парткабинетах Севастополя [13, л. 58].

Цикл статей, посвященных вопросам истории Крыма, героической обороны Севастополя, Черноморскому флоту и деятельности музея, был подготовлен В. П. Бабенчиковым и Корнюшиным для газет «Маяк Коммуны», «Красный Крым» и «Краснофлотец» [16].

Научные сотрудники музея проводили консультации и предоставляли интересные материалы по Крымской войне сотрудникам Института истории АН СССР, а также главному врачу морского госпиталя, по вопросам истории госпитального дела в Севастополе. Всего за 1939 год Музей Крымской войны осуществил выдачу ряда музейных экспонатов: Керченскому историко-археологическому музею (24 экспоната), Центральному музею Крымской АССР (133 экспоната), Евпаторийскому краеведческому музею (14 экспонатов), Дому военно-морского флота (5 экспонатов). Также было отреставрировано 310 предметов, 255 гравюр и литографий. Составлена опись рукописного архива. В целом, к концу 1939 года, была осуществлена полная передача музея В. П. Бабенчиковым новому директору Б. Б. Клебанер [13, л. 59–60].

В 1940 году музей организовал выставку, которая была посвящена истории музея, наглядно демонстрируя трансформацию учреждения от дореволюционного периода к настоящему времени. «Новый музей коренным образом отличается от старого. Теперь в экспозиции отображены дела подлинных героев обороны Севастополя. Подробно рассказывается о героизме матросов П. Кошки, И. Шевченко, солдат Рогожина и Щелкунова, казаков Зубова и Чумаченко» [14, с. 4]. Так же планировалось расширить экспозицию музея, отразив в ней историю развития флота со времен Петра I. В это же время проводились работы по ремонту и реставрации памятников, относящихся к Музею Крымской войны [15, с. 2].

Таким образом, в конце 20-х – начале 30-х годов XX века проходил процесс перелома в общественно-политической жизни страны. Решения ряда пленумов Центрального бюро краеведения были направлены на тотальную идеологизацию культуры, внедрение вульгарно-социалистических схем, отказа от научной и собирательской работы, идеологическую проверку и чистку музейных работников и краеведов. Дух того времени, безусловно, нашел свое отражение в поступках организаторов науки, продолжавших вести свою деятельность в рамках ужесточения идеологических схем. Попытки непрерывной реорганизации Музея Севастопольской обороны в Военно-исторический музей в 1926 году, затем в Музей Красной армии и флота в 1931 году, а в итоге в Музей крымской войны – яркое тому подтверждение.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив города Севастополя, ф. Р-420, оп. 1, д. 461.
Gosudarstvennyj arhiv goroda Sevastopolja, f. R-420, op. 1, d. 461.
2. Национальный заповедник «Херсонес Таврический», научный архив, д. 233.
Nacional'nyj zapovednik «Hersones Tavricheskij», nauchnyj arhiv, d. 233.
3. Ивин И. [П.] Военно-исторический музей открывается : как реорганизован музей / И. П. Ивин // Маяк Коммуны. – 1926. – 21 мая. – С. 6.
Ivin I. [P.] Voенно-istoricheskij muzej otkryvaetsja : kak reorganizovan muzej / I. P. Ivin // Majak Kommuny. – 1926. – 21 maja. – S. 6.
4. Полканов А. И. Крымские краеведческие районные музеи на грани второй пятилетки / А. И. Полканов // Советский музей. – 1934. – № 2. – С. 54–62.
Polkanov A. I. Krymskie kraevedcheskie rajonnye muzei na grani vtoroj pjatiletki / A. I. Polkanov // Sovetskij muzej. – 1934. – № 2. – S. 54–62.
5. Наумов И. [Ф.] Письма в редакцию [по поводу статьи Л. А. Моисеева] / И. Ф. Наумов, К. Э. Гриневиц, В. П. Бабенчиков // Краеведение. – 1928. – № 1. – С. 502–504.
Naumov I. [F.] Pis'ma v redakciju : po povodu stat'i L. A. Moiseeva / I. F. Naumov, K. Je. Grinevich, V. P. Babenchikov // Kraevedenie. – 1928. – № 1. – S. 502–504.
6. Моисеев Л. А. Севастопольский Военно-исторический музей и памятники обороны 1854–1855 гг. : по поводу реорганизации / Л. А. Моисеев // Краеведение. – 1927. – 1927. – № 1. – С. 126–131.
Moiseev L. A. Sevastopol'skij Voенно-istoricheskij muzej i pamjatniki oborony 1854 – 1855 gg. : po povodu reorganizacii / L. A. Moiseev // Kraevedenie. – 1927. – 1927. – № 1. – S. 126–131.
7. Наумов И. [Ф.] Ответ на заметку Л. А. Моисеева «Севастопольский Военно-исторический музей и памятники обороны 1854–1855 гг. : по поводу реорганизации», помещенную в № 1 журнала «Краеведение» за 1927 год / И. Ф. Наумов, Я. П. Бирзгал, К. Э. Гриневиц, В. П. Бабенчиков // Крым. – 1928. – № 1(5), вып. 1. – С. 109–111.
Naumov I. [F.] Otvet na zametku L. A. Moiseeva «Sevastopol'skij Voенно-istoricheskij muzej i pamjatniki oborony 1854 – 1855 gg. : po povodu reorganizacii», pomeshhennuju v № 1 zhurnala «Kraevedenie» za 1927 god / I. F. Naumov, Ja. P. Birzgal, K. Je. Grinevich, V. P. Babenchikov // Krym. – 1928. – № 1(5), vup. 1. – S. 109–111.
8. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. Р-663, оп. 6, д. 590.
Gosudarstvennyj arhiv v Avtonomnoj Respublike Krym (GAARK), f. R-663, op. 6, d. 590.
9. Бойцова Е. Е. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы / Е. Е. Бойцова, М. В. Онучина ; Севастопольский городской гуманитарный университет. – Севастополь : Рибэст, 2011. – 115 с.
Bojцова E. E. Muzejnoe stroitel'stvo v Sevastopole v 1920-e gody / E. E. Bojцова, M. V. Onuchina ; Sevastopol'skij gorodskoj gumanitarnyj universitet. – Sevastopol' : Ribjest, 2011. – 115 s.
10. [Чиликин П.] Создадим в Крыму центральный музей Красной армии и флота / П. Чиликин // Маяк Коммуны. – 1931. – 11 окт. – С. 4. – Изд. под псевд. : П. Ч.
[Chilikin P.] Sozdadim v Krymu central'nyj muzej Krasnoj armii i flota / P. Chilikin // Majak Kommuny. – 1931. – 11 okt. – S. 4. – Izd. pod psevd. : P. Ch.
11. ГААРК, ф. Р-663, оп. 16, д. 129.
GAARK, f. R-663, op. 16, d. 129.
12. Расширение музея Крымской войны // Маяк Коммуны. – 1938. – 18 авг. – С. 4. Rashirenje muzeja Krimskoj vojni // Majak Kommuny. – 1938. – 18 avg. – S. 4.
13. ГААРК, ф. Р-20, оп. 7, д. 15.
GAARK, f. R-20, op. 7, d. 15.
14. Старый и новый музей // Маяк Коммуны. – 1940. – 17 ноябр. – С. 4.
Starij i novij muzej // Majak kommuny. – 1940. – 17 nojabr. – S. 4.
15. Ремонт башни на Малаховом кургане // Маяк Коммуны. – 1940. – 3 июня. – С. 2.
Remont bashni na Malahovom kurgane // Majak Kommuny. – 1940. – 3 junja. – S. 2.
16. Бабенчиков В. [П.] Зимние экскурсии / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1938. – 8 янв. – С. 4 ; Он же. Героические защитники Севастополя / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1938. – 10 янв. – С. 3 ; Он же. Черноморские моряки в дни обороны Севастополя / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1939. – 22 июля. – С. 3.

Babenchikov V. [P.] Zimnie ekskursii / V. P. Babenchikov // Majak Kommuny. – 1938. – 8 jnv. – S. 4 ;
On zhe. Geroicheskie zahitniki Sevastopolj / V. P. Babenchikov // Majak Kommuny. – 1938. – 10 jnv. – S. 3 ;
On zhe. Chernomorskie morjki v dni oborony Sevastopolj / V. P. Babenchikov // Majak Kommuny. – 1939. –
22 ijulj. – S. 3.

Акімченков В. В. До історії Військово-історичного музею Севастополя у кінці 20-х–30-ті роки XX століття / В. В. Акімченков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 3–14.

Охарактеризовано процес реорганізації Музею Севастопольської оборони у Військово-історичний музей, який був викликаний змінами у суспільно-політичному житті Радянського Союзу. Детально розкрито зміст роботи реорганізаційної комісії, до якою увійшов К. Е. Гриневич, В. П. Бабенчиков, І. П. Івін. У першу чергу було заплановано створити на його основі Військово-історичний музей. Після реорганізації, музей було відкрито 23 травня 1926 року. Велика увага приділена реакції наукової громадськості Кримської АСРР на результати проведеної роботи, адже реорганізація викликала шквал критики зі сторони музейних співробітників, а представники музейних установ країни визнали результати реорганізації музею невдалими. До кінця 20-х років XX століття розширилася експозиція музею, зросла його культурно-просвітня діяльність. При ньому було створено «Кружок друзів музею», який повинен був об'єднати молодь для її виховання у рамках соціалістичних схем. Стирання специфіки Військово-історичного музею, як установи, присвяченій історії Кримської війни, становилося очевидним. Він поступово перетворився у музей, головним завданням якого був збір різноманітних матеріалів про війни та їх використання у якості знаряддя пропаганди. Це призвело до його перейменування у 1931 році з Військово-історичного музею у Музей Червоної армії та флоту. Ідея створення подібної установи виникла наприкінці 20-х років XX століття. У той час ця тема пропагандувалася на сторінках місцевих газет. Однак врешті решт Музей Червоної армії та флоту біло реорганізовано у Музей Кримської війни, який проіснував у такому вигляді до початку Великої Вітчизняної. У 1940 році музей організував виставку, яка була присвячена його історії, наглядно демонструючи трансформацію установи від дореволюційного минулого до сьогодення.

Ключові слова: Військово-історичний музей, Музей Севастопольської оборони, Музей Красної армії та флоту, Музей Кримської війни.

Akimchenkov V. V. To history of the Military and historical museum of Sevastopol in the late twenties – the beginning of the 30th years of the XX century / V. V. Akimchenkov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 3–14.

Process of reorganization of the Museum of the Sevastopol defense in the Military and historical museum which was caused by changes in political life of the Soviet Union is characterized. It is in detail told about a course of work of the reorganization commission which structure included K.E.Grinevich, V. P. Babenchikov, as well as. P. Ivin. Was originally planned to create on its basis the Military and Historical museum. Much attention is paid to reaction of scientific community of the Crimean ASSR to results of the done work, after all reorganization caused criticism squall from a number of museum workers, and predstavitelimuzeyny establishments of the country recognized results of reorganization of a museum unsuccessful. By the end of the 20th years of the XX century the museum exposition extended, its cultural and educational activity increased. At it «The circle of friends of a museum» which had to unite youth for its education within socialist schemes was created. Inevitable there was a deleting of specifics of the Military and historical museum of Sevastopol, as the establishment devoted stories of the Crimean war. It gradually turned into a museum collecting various materials about wars and its use as the promotion tool became which main task. All this also gave in result to renaming it in 1931 from Military and historical музєяв the Museum of Red army and fleet. The idea of creation of similar establishment arose in the late twenties of the XX century. During this period time this subject was warmed up on pages of local newspapers. However vskoremuzy Red army and fleet it was reorganized into the Museum of the Crimean war, having existed in such look up to the Great Patriotic War beginning. In 1940 the museum organized an exhibition which was devoted to museum history, visually showing establishment transformation from the pre-revolutionary period so far. In the 30th years of the XX century the understanding of functions of a museum, after all after the First All-Russian museum congress radically changed, to them was imputed duties to become establishments of the mass political education by which tasks its research work is defined. It was offered to unify museum exhibitions by the beginning of the 30th years of the XX

century, having presented them according to the scheme: primitive communistic, antique slaveholding and medieval feudal society.

Obviously, this scheme was caused by problems of promotion of the class theory of society. For control over realization of objectives patronage of museums was organized from the working public by creation of constant workers of crews. Similar processes took place in all museum establishments of the Soviet Union. I didn't become an exception and the Museum of the Sevastopol defense which the solution of the Third Vsekraysky conference which was taking place in August, 1924, was closed on reorganization. Was originally planned to create on its basis the Military and historical museum. In the summer of 1925 examination of museum establishments of the Crimea by chief Glavnauki F. was conducted N. Petrov by results of whom the Panorama and the Museum of the Sevastopol defense were recognized as the archaic. In the report there is also a mention raised Narkompros of the Crimean ASSR of the question «about expediency of maintenance of monuments of imperialistic war». As a result the question of reorganization was postponed.

After reorganization, the museum was open on May 23, 1926. The most part of materials of the Sevastopol museum of study of local lore was transferred to the Military and historical museum where they were placed by the principle of socioeconomic structures: «Primitive society», «Feudalism» and «Capitalism». The first wall exhibits under the sign «Minerals» occupied, the second – «Production forces» with two subtitles: «Nature», «The sea and his life». reorganizatsionny works caused criticism squall from museum and scientists. In 1934 all local history material was returned from the Military and historical museum in the Museum of study of local lore.

By the end of the 20th years of the XX century the museum exposition extended, its cultural and educational activity increased. So, at it «The circle of friends of a museum» which had to unite youth for its education within socialist schemes was created. Gradually museum expositions replenished: there were cards of growth of the industry of Russia in the first half of the XIX century and comparative tables of economic development of the participating countries of the Crimean war, was planned to reflect history of Russian-Japanese war, World War I and intervention history to Russia. In 1927 creation of department of modern war for which the place in a hall where earlier there was «Pirogov's corner» was released began. Thus, inevitable there was a deleting of specifics of the Sevastopol Military and historical museum, as establishments devoted to history of the Crimean war. It gradually turned into a museum collecting various materials about wars and their use as the promotion tool became which main task. All this also led, as a result, to renaming it in 1931 from Military and historical музей the Museum of Red army and fleet. Idea of creation of the Museum It is red army and fleet I arose in the late twenties of the XX century. During this period time this subject was warmed up on pages of local newspapers.

However soon the Museum of Red army and fleet was reorganized into the Museum of the Crimean war, having existed in such look up to the Great Patriotic War beginning. Thus, in the late twenties – the beginning of the 30th years of the XX century passed change process in political life of the country. The spirit of that time, certainly, found the reflection in the acts of organizers of science continuing messages the activity within toughening of ideological schemes. Attempts of continuous reorganization of the Museum of the Sevastopol defense in the Military and historical museum in 1926, then in the Museum of Red army and fleet in 1931, and a result in the Museum of the Crimean war – bright to that confirmation.

Key words: Military and historical museum, Museum of the Sevastopol defense, Museum of Red army and fleet, Museum of the Crimean war.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., доц. И. В. Тихонов

УДК 94(477.75):7.071.1:092»1862/1924»

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ Е. П. САМОКИШ-СУДКОВСКОЙ: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Андреева Л. Ю.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: lu.scs@mail.ru*

Впервые рассмотрены и проанализированы неизвестные документальные материалы, касающиеся жизни и деятельности жены выдающегося художника Н. С. Самокиша Е. П. Самокиш-Судковской. Введены в научный оборот 19 писем из эпистолярного наследия академиком Н. С. Самокиша. Исследование переписки художницы с Н. С. Самокишем позволило восстановить крымский период в ее биографии.

Ключевые слова: биография, художница, эпистолярное наследие, Е. П. Самокиш-Судковская, Н. С. Самокиш.

Рядом с выдающимся украинским художником, академиком живописи Николаем Семеновичем Самокишем [1, с. 485–486] более тридцати лет жила и творила жена, талантливейшая художница Елена Петровна Самокиш-Судковская. Согласно опубликованным до настоящего времени данным, ей в этом году должно было исполниться 150 лет со дня рождения. Энциклопедические словари содержат незначительные сведения о жизни и деятельности Е. П. Самокиш-Судковской [2, с. 467; 3, с. 454]. Она известна, как вдова академика живописи Руфина Гавриловича Судковского и жена академика, профессора мастерской батальной живописи Академии художеств Н. С. Самокиша. Даже основные даты ее рождения и смерти оставались неизвестными. Вместе с тем Е. П. Самокиш-Судковская была достаточно уважаемой художницей до Октябрьской революции. К сожалению, она так и не смогла принять изменившийся государственный строй, возможно, этим и обусловлено то, что до настоящего времени научной биографии художницы не существует.

Цель данного исследования – ввести в научный оборот неизвестные архивные материалы и переписку Е. П. Самокиш-Судковской, М. Р. Лагранж-Судковской с Н. С. Самокишем и реконструировать на их базе биографию художницы Е. П. Самокиш-Судковской и дополнить новыми фактами жизнь и деятельность академика живописи Н. С. Самокиша.

В статье используются неизвестные материалы и эпистолярное наследие Е. П. Самокиш-Судковской, хранящиеся в архиве Харьковского художественного музея. Нами впервые выявлены и изучены тринадцать писем Е. П. Самокиш-Судковской и шесть писем М. Р. Лагранж-Судковской к Н. С. Самокишу, которые представляют собой автографы.

В личном фонде академика Н. С. Самокиша (ф. 23) находятся документы его жены Е. П. Самокиш-Судковской. На одном из конвертов ее рукой начертано: «Въ случае моей смерти прошу передать моему мужу Н. С. Самокишу». Таким образом, часть личных документов и письма оказались у Н. С. Самокиша. Изучение этого материала проливает свет на многие вопросы, связанные с жизнью и деятельностью этой уникальной женщины.

Важной биографической находкой стало свидетельство о рождении Е. Бенард, написанное на немецком языке [4, л.1; фото.1]. Из которого следует, что «Елена Бенард родилась 10 февраля 1862 г. в г. Санкт-Петербурге. Крещена была 28 февраля этого же года в Евангельской Лютеранской церкви Святой Анны». Отцом девочки был «Питер (Петр) Бенард – штабс-капитан, инженер». В документе было указано, что он исповедовал веру «лютеранской конфессии». Матерью значилась «Матильда Ванде, в девичестве Пионтковская», вероисповедание которой относилось к «римско-католической конфессии». Крестными родителями были «государственный советник Якоб Шистович и доктор медицины Амалия Бенард, в девичестве – Айзенах». Это событие было засвидетельствовано в метрической книге, согласно устава и подтверждено проповедником Г. С. Нотингк 2 ноября 1862 г. Санкт-Петербурга. Поэтому можно абсолютно точно утверждать, что факт рождения Е. П. Самокиш-Судковской (в девичестве Бенард) подтвержден документально.

Военный инженер, штабс-капитан Петр Бенард проходил службу в крепости Свеаборг. Здесь же проживали его жена и четверо детей: Елена, Петр, Евгений и Владимир. Детские годы у Е. П. Бенард прошли в г. Санкт-Петербурге. Родители обеспечили дочери прекрасное образование. Она – выпускница Павловского института (г. Санкт-Петербург), о чем свидетельствовало приложение к аттестату, выданному Елене Бенард за № 199 от 3 июня 1880 года [5]. Далее она продолжила обучение в Гельсингфорской художественной школе в Финляндии, а также брала уроки живописи у профессора В. П. Верещагина.

На одной из художественных выставок Е. П. Бенард познакомилась с художником Р. Г. Судковским (1850–1885) [1, 529; 2, с. 499–500; 6], в 1883 г. стала его женой. Её первый муж был родом из семьи священника Херсонской епархии, он получил художественное образование в Императорской Академии художеств. Участие в многочисленных выставках принесло ему известность, как художника-мариниста, а после экспонирования картины «Буря близ Очакова» 12 марта 1882 г. Совет Академии удостоил его звания академика живописи морских видов. Самыми известными работами художника были: «Очаковская пристань» (1881), «Дарьяльское ущелье» (1883), «Штиль» (1884), «Прозрачная вода» (1879–1884).

Согласно метрическому свидетельству о рождении, 1 февраля 1884 г. в семье родилась дочь Маргарита [7, л. 1]. В годовалом возрасте девочка лишилась отца. 4 февраля (17) 1885 г. академик Р. Г. Судковский скоропостижно умер от тифа в возрасте 34 лет и оставил дочери и вдове немалое состояние. До совершеннолетия малолетней дочери академика Императорской Академии художеств Маргариты были назначены опекунами вдова академика Е. П. Судковская и протоирей Гавриил Дионисьевич Судковский. Е. П. Судковская приложила много усилий для увековечивания памяти мужа. Она организовала в Петербурге в залах Академии художеств посмертную персональную выставку, а год спустя на его могиле был установлен бюст по проекту Е. П. Судковской, выполненный скульптором Б. В. Эдурдсем.

Осенью 1885 г. Е. П. Судковская отправилась во Францию, чтобы продолжить свое художественное образование в частной студии «Академия Бастьен Лепажа» [8, с. 274]. Здесь и произошло знакомство с успешным выпускником Императорской академии художеств Н. С. Самокишем (1860–1944), который находился за границей

Фото 2. Е. П. Бенард, [1881]

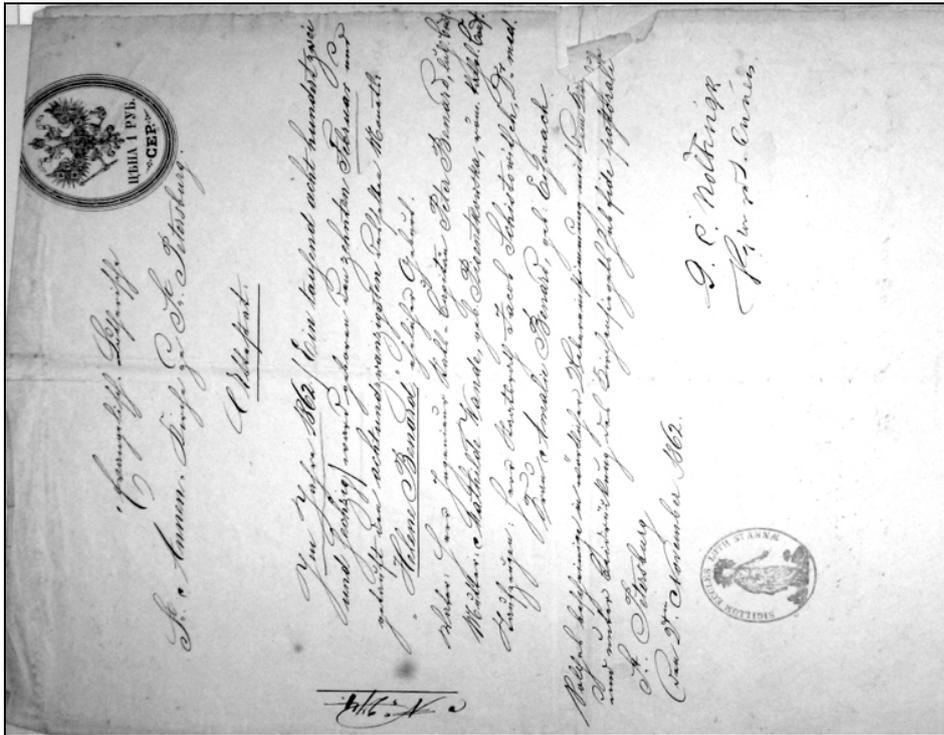

Фото 1. Свидетельство о рождении и крещении Елены Бенард,
1882 г. (публикуется впервые)

в пенсионерской поездке и совершенствовался у знаменитого художника-баталиста Эдуарда Детайля [9, с. 101]. По возвращении на родину в 1889 г. молодые люди поженились. Е. П. Самокиш-Судковская была Н. С. Самокишу другом и соратником на долгие годы. В феврале 1890 г. за картину «Табун орловских рысистых маток на водопое (Ново-Томниковского конезавода Тамбовской губернии)», показанную на выставке Императорской Академии художеств ему было присвоено звание академика живописи [9, с. 110]. Широко известны работы: «Русская кавалерия возвращается после атаки на неприятеля под Аустерлицем в 1805 году» (1885), «Прогулка» (1884), «Авлиарский бой», «Защита Наурской станицы» (1890).

Виртуозное владение различными техниками изобразительного искусства давало возможность супругам проявлять свои таланты. Достаточно плодотворно они работали с издателем А. Ф. Марксом (1838–1904). Художники оформляли журнал «Нива» и его приложения. Так, Е. П. Самокиш-Судковская выполнила иллюстрации к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина (1911) [10], «Конек-Горбунок» П. П. Ершова (1902). В своих графических работах художница использовала новомодные тенденции стиля «Арт Нуво», приобретенные в Европе. Это сразу оценили знатоки. Работы Е. П. Самокиш-Судковской широко издавались на почтовых открытках издательства «Общество Святой Евгении» (известном под названием «Издательство Красного креста»).

Издательства А. Ф. Девриена, М. О. Вольфа, П. П. Сойкина и А. Ф. Маркса загрузили Н. С. Самокиша полностью иллюстративной работой. Вместе с женой Е. П. Самокиш-Судковской была осуществлена работа над книгами «По белу свету. Путешествие доктора Елисеева» для П. П. Сойкина, «Русский чудо-вождь Граф Суворов-Рымникский» и «Севастополь и его славное прошлое» для А. Ф. Девриена, «Рассказ монет» для М. О. Вольфа и для А. Ф. Маркса к его изданию «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Самой известной совместной работой супругов стал «Коронационный сборник» [11], получивший признание при Дворе, и давший славу мастеров книжной графики авторам. Двухтомная книга, вышедшая в свет в 1899 г., содержала подробную историю традиции венчания на царство в России и обзор всех русских коронаций, включая коронацию Николая II (1896). Декоративное оформление выполнил академик Н. С. Самокиш. Супруги, в числе других приглашенных художников-создателей сборника, принимали участие в торжествах, проходивших 14 мая 1896 г. в г. Москве. Е. П. Самокиш-Судковская получила «Свидетельство за № 25 на право ношения Высочайше утвержденного нагрудного значка для художников, присутствовавших на торжествах Св. Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны августа 17 дня» [12]. Она также была награждена ценным подарком государя императора, как «принимавшая участие въ трудах по составленію «Коронаціоннаго Сборника 1896 г.»» [13]. В 1911 г. супруги выполнили панно для Царскосельского (ныне Витебского) вокзала в Петербурге. Многочисленные заказы обеспечили семье определенное благосостояние. На унаследованной Е. П. Самокиш-Судковской даче Керме-Каллио под Выборгом они построили настоящую мастерскую Н. С. Самокишу. Здесь художники обычно проводили лето и осень. Соседями были гравер, офортист В. В. Мате, художники И. Е. Репин, Н. К. Рерих и архитектор

Л. Н. Бенуа [9, с. 114]. В Санкт-Петербурге академику Н. С. Самокишу предоставили шести комнатную квартиру.

Е. П. Самокиш-Судковская участвовала в деятельности Первого Дамского художественного кружка, организованного по инициативе П. П. Куриар в 1882 г и просуществовавшего до 1918 г. Она занималась благотворительностью и была с 1910 г. почетным пожизненным членом «Общества призранія сиротъ лицъ, павшихъ жертвами долга» [14; фото. 3].

Дочь Е. П. Самокиш-Судковской Маргарита Руфиновна Судковская, стала падчерицей Н. С. Самокиша. Законченного художественного образования она не получила, а 12 ноября 1906 г. «была повенчана первымъ законнымъ бракомъ съ корнетомъ запаса гвардейской кавалеріи, потомственнымъ дворяниномъ» Владимиром Владимировичем Лагранжем в домово́й Благовещенской церкви Министерства внутренних дел [15]. От этого брака родились два сына и дочь Любочка, которую крестили 1 сентября 1917 г. [16, с.14]. Но художественные способности М. Р. Лагранж-Судковской, унаследованные от родителей, помогли ей состояться в изобразительном искусстве и стать профессиональной художницей.

Революционные бури 1917 г. прошли непреодолимой чертой по семье Самокиш. Академик, профессор мастерской батальной живописи Н. С. Самокиш, преподававший в Академии художеств с 1911 г., в целях безопасности вынужден был отъехать в начале 1917 г. жену с дочерью, внуками и тещей в Крым. Он надеялся сразу после окончания учебного года в Академии художеств воссоединиться с семьей, но судьба распорядилась по другому. Только в 1918 г. академик выехал в Крым, но после ограбления в пути Н. С. Самокиш оказался в Евпатории, в то время, как семья находилась в Алушке. Свидетелься удалось не сразу. В Крыму постоянно менялась власть. Семья оказалась в самой гуще Гражданской войны. И если академика Н. С. Самокиша от всех невзгод спасала работа и творчество, то Е. П. Самокиш-Судковской этого было недостаточно. Тонко чувствующая женщина переживала распад семьи, как трагедию всей жизни. В это время у Н. С. Самокиша развивались отношения с молодой женщиной Роскан Ивановной Авалиани, проживавшей в г. Евпатории. Даже окончательное установление Советской власти, улучшившее положение художника, не изменили статуса его официальной жены. «Кто я? Вдова? Разводка? Где правда?» – обращалась Е. П. Самокиш-Судковская к мужу. Но академик, так и не смог определиться. «Мне уже около 60 лет, четыре года состарили меня сами по себе», – с горечью писала художница [17, л.1(об)–2; 16, с. 18]. Е. П. Самокиш-Судковская устроилась на работу в школу, но за свой труд практически не получала оплаты. Зато была обязана «рисовать для Ревкома плакаты как маляр», она уставала страшно. Отсутствие продуктов питания, обесценивание денег, практически переход на натуральный обмен, следовавшие после этого болезни не могли сломить эту сильную женщину. «Муки, крупы у нас ни капли. Голод уже наступил», – в отчаянии писала она мужу, обращаясь с «мольбой о помощи в сердечных словах утешений и ободрения» [18, л. 2 (об)]. Письма Е. П. Самокиш-Судковской из личного архива академика свидетельствуют о тяжелейшем финансовом и душевном состоянии, в котором она находилась. Н. С. Самокиш помогал финансово, как мог, но, к сожалению, обстановка даже после установления Советской власти в Крыму

оставалась напряженной. «Мы жили в кредит месяца, т. е. почти голодали. За этот месяц цены выросли в 10 раз», – писала Е. П. Самокиш-Судковская [19, л. 1–1(об)]. Она продавала всё (драгоценности, вещи), чтобы выжить, чтобы прокормить себя и внуков. Голод, нужда и известие о смерти мужа В. В. Лагранжа стали причиной тяжелейшего душевного состояния М. Р. Лагранж-Судковской. Мать всеми силами пыталась поддержать дочь с внуками. Она писала: «Маргуся впала в полное отчаяние, страдала уж почти умственным упадком, потеряла память, волю и думала о самоубийстве» [20, л.2 (об)]. Благодаря усилиям родного брата В. П. Бенард удалось добиться вызова Маргариты с детьми в г. Москву «заведующей художественной студией». Вскоре она вернулась в г. Алупку, где подрабатывала, расписывая портреты на камушках (гальке). Пытаясь сохранить семью от разорения и спасти остатки средств, Е. П. Самокиш-Судковская продала все имеющиеся ценности и «купила дом в 4 комн[аты] с доходным фруктовым садом» [21, л.1]. Она писала: «бриллиантов нет, расстались со многим не ради дома, а для жизни» [22]. Но их постигла неудача, приобретенный при поддержке мужа маленький татарский домик был отобран (В 1923 г. специальным постановлением, все сделки заключенные в период голода были аннулированы) [23, л. 16]. Н. С. Самокиш по мере возможности поддерживал жену. В письме от 25 марта 1922 г. она сообщала мужу, что «переводы я получаю исправно, иногда задержка на почте – оттого, что не всегда деньги бывают... письма так долго двигаются до Евпатории, что можно три раза с голоду умереть!» [24]. В письме от 16 мая 1922 г. Е. П. Самокиш-Судковская советовалась с мужем: «Я измучилась <...> сердце <...> оно все требует решений – но каких. Я не могу решить без тебя – где, почему и как будем жить. Я лично за то, чтобы оставаться на время тут и хозяйствовать до какого-либо установ[ления] порядка» [25].

Мытарства семьи Самокишей продолжались, они не могли воссоединиться. Е. П. Самокиш-Судковская предприняла очередную попытку разыскать оставленное имущество в Петрограде и продать дачу Керме-Калло в г. Выборге, теперь уже находящуюся за границей в Финляндии. Она выехала сначала в г. Москву, где обивала пороги всех возможных учреждений, чтобы получить загранпаспорт. Ей помогали, чем могли, знакомые и особенно семья брата В. П. Бенард [26; 27; 28]. В это время её дочери Маргарите Н. С. Самокиш помогал финансово и через своих знакомых составлял протекцию на заказы портретов, чтобы поправить тяжелое положение семьи [29]. При первой же возможности сразу после получения загранпаспорта, 6 декабря 1923 г. Е.П. Самокиш-Судковская выехала в г. Выборг через г. Петроград [30]. Распорядившись с дачей, ей пришлось оставить часть имущества, что смогла она заколотила в ящики. К сожалению, так и осталась в Керме-Калию, а потом и бесследно исчезла крупнейшая коллекция вооружения, обмундирования, предметов старины, которую так бережно собирал всю свою жизнь академик батальной живописи. «Деньги получены (1000 долларов и 120 мелкими долларами). Я их не трачу», – сообщала в одном из последних писем от 9 мая 1924 г. Е. П. Самокиш-Судковская [31, л. 1]. Она ждала мужа и надеялась, что они вместе смогут решить проблемы. Розыски мебели и вещей, оставленных сразу после революции, не принесли никакого результата. Остатки найденного оказались в плачевном состоянии, но сильная женщина верила, что семья сможет вернуться к прежней жизни в Петрограде. Она

посетила Академию, но увидела, что всё «в ужасном виде», а мастерская профессора Н. С. Самокиша «заколочена». «Пока разруха в искусстве катастрофическая. Есть надежда получить тебе здесь профессию, но жалование мизерное и нет квартиры», – заключила художница [31, л.2-2(об)]. Письмо от 15 мая 1924 г. оказалось последним в архиве академика Н. С. Самокиша. Из него следовало, что Е. П. Самокиш-Судковская «уж месяц как ... в Петрограде» [32]. Она общалась со многими знакомыми художниками в Академии, они давали дельные советы. Но, к сожалению, Н. С. Самокиш не успел вырваться в Петроград. А Е. П. Самокиш-Судковская полная планов на будущее умерла в 1924 г. В письме к Н. С. Самокишу дочь М. Р. Лагранж-Судковская сообщила: «Я здорова физически, но смертью мамы совершенно убита духом» [33]. Н. С. Самокиш, став вдовцом, продолжал помогать дочери М. Р. Лагранж-Судковской и ее детям, проживавшим сначала в Алушке, а затем в Москве, и так до самого начала Великой Отечественной войны [34–37].

Таким образом, благодаря изучению и введению в научный оборот неизвестных документов из личного фонда академика живописи Н. С. Самокиша, удалось установить точные даты жизни выдающейся художницы Е. П. Самокиш-Судковской (10 февраля 1862 г. – 1924 г.). Город Санкт-Петербург (Петроград) стал и местом рождения и местом покая жены двух академиков живописи. Сведения, о том что она эмигрировала и умерла в Париже, считаем необоснованными. Н. С. Самокиш помогал дочери М. Р. Лагранж-Судковской и её детям до и после смерти своей жены Е. П. Самокиш-Судковской. Большая часть биографических данных подтверждена документально, а эпистолярное наследие позволило с большой степенью достоверности восстановить факты из жизни Е. П. Самокиш-Судковской. Это может быть использовано в дальнейшем при создании научной биографии выдающейся представительницы в области книжной графики конца XIX – начала XX века.

Выражаю признательность за помощь в научно-исследовательской работе директору Харьковского художественного музея Валентине Васильевне Мызгиной и заведующей архивным сектором Светлане Артемовне Волошкиной.

Список использованных источников и литературы

1. Художники України: енциклопедичний довідник / Ін-т проблем сучасного мистецтва АМУ; редкол.: В. Д. Сидоренко та ін. – Київ : Інтертехнологія, 2006. – 640 с.
Khudozhnyky Ukrainy: entsyklopedychnyy dovidnyk / In-t problem suchasnoho mystetstva AMU; redkol.: V. D. Sydorenko ta in. – Kyiv : Intertekhnolohiya, 2006. – 640 s.
2. Коновалов Э. Г. Новый полный словарь русских художников / Э. Г. Коновалов. – М. : Эксмо, 2012. – 624 с.
Konovalov É. N. Novyy polnyy slovar' russkykh khudozhnykov / É. N. Konovalov. – M. : Éksmo, 2012. – 624 s.
3. Русское искусство: иллюстрированная энциклопедия: архитектура, графика, живопись, скульптура, художники театра. – М. : Трилистник, 2001. – 599 с.
Russkoe yskusstvo: yllyustryrovannaya éntsyklopedyya: arkhytektura, hrafyka, zhyvopys', skul'ptura, khudozhnyky teatra. – M. : Trylystnyk, 2001. – 599 s.
4. Харьковский художественный музей (далее – ХХМ), научный архив, ф. 23 (Н. С. Самокиш), Свидетельство о рождении, крещении Е. Бенард. – 1862. – 2 ноябр.
Khar'kovskyy khudozhestvennyy muzey (dalee – ХНХМ), nauchnyy arkhyv, f. 23 (N. S. Samokysh), Svydetel'stvo o rozhdenyy, kreshchenyy E. Benard. – 1862. – 2 noyabr.

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ Е. П. САМОКИШ-СУДКОВСКОЙ:
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

5. Там же, Приложение к аттестату № 199. – 1880. – 3 июня. – 3 л.
Tam zhe, Prylozhenye k attestatu № 199. – 1880. – 3 yunya. – 3 l.
6. Судковский Руфим Гаврилович // Русский биографический словарь : в 25 т. / под наблюд. А. А. Половцева ; имп. Русское историческое общество. – СПб., 1912. – С. 103.
Sudkovskyy Rufym Navrylovych // Russkyy byohrafycheskyy slovar' : v 25 t. / pod nablyud. A. A. Polovtseva ; ymp. Russkoye ystorycheskoye obshchestvo. – SPb., 1912. – S. 103.
7. ХХМ, научный архив, фонд 23 (Н.С.Самокиш), Свидетельство о рождении М. Судковской. – №12. – 14 февраля. – 1884.
КНКНМ, nauchnyy arkhiv, fond 23 (N.S.Samokysh), Svydetel'stvo o rozhdenyy M. Sudkovskoy. – №12. – 14 fevralya. – 1884.
8. Медведева Л. А. Работы Е. П. Самокиш-Судковской в собрании Николаевского областного художественного музея имени В. В. Верещагина / Л. А. Медведева // Матер. Международ. науч.-практ. иск. конф. «Самокиш и его ученики» / КРУ «Бахчисар. ист.-культ. заповедник ; сост. И. Б. Арбитайло, Е. И. Лазаренко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – С. 272–279.
Medvedeva L. A. Raboty E. P. Samokysh-Sudkovskoy v sobranyy Nykolaevskoho oblastnoho khudozhestvennoho muzeya ymeny V. V. Vereshchahyna / L. A. Medvedeva // Mater. Mezhdunarod. nauch.-prakt. usk. konf. «Samokysh y eho uchenyky» / KRU «Bakhchysar. yst.-kul't. zapovednyk ; sost. Y. B. Arbytaylo, E. Y. Lazarenko. – Symferopol' : Byznes-Inform, 2011. – S. 272–279.
9. Николай Семенович Самокиш: мемуары / Харьк. худ. музей ; сост. Л. Абраменко. – Харьков : Золотые россыпи, 2010. – 184 с.
Nykolay Semenovich Samokysh: memuary / Khar'k. khud. muzey ; sost. L. Abramenko. – Khar'kov : Zolotyie rossypy, 2010. – 184 s.
10. Пушкин А. С. Евгений Онегин: [роман] с ил. Е. П. Самокиш-Судковской / А. С. Пушкин. – 2 изд. – СПб. : т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – 119 [1] с., ил.
Pushkyn A. S. Evhenyy Onehyn: [roman] s yl. E. P. Samokysh-Sudkovskoy / A. S. Pushkyn. – 2 yzd. – SPb. : t-vo R. Holyke y A. Vyl'borh, 1911. – 119 [1] s.: yl.
11. Коронационный сборник 14 мая 1896 года / под ред. В. С. Кривенко: 2 т. – СПб : экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. – Т. 1. – XXXIII, 415, [12], с., ил. – Т. 2. – XXVI, 336 с.
Koronatsyonnyy sbornyk 14 maya 1896 hoda / pod red. V. S. Kryvenko: 2 t. – SPb : ékspedytsyya zhotovlenyya hosudarstvennykh bumah, 1899. – T. 1. – XXXIII, 415, [12], s., il. – T. 2. – XXVI, 336 s.
12. ХХМ, научный архив, фонд 23, Свидетельство Е. П. Самокиш-Судковской, № 25. 17 августа 1896.
КНКНМ, nauchnyy arkhiv, fond 23, Svydetel'stvo E. P. Samokysh-Sudkovskoy, № 25. 17 avhusta 1896.
13. Там же, письмо В. Кривенко – Е. П. Самокиш-Судковской, № 181. 28 февраля [1896].
Tam zhe, pys'mo V. Kryvenko – E. P. Samokysh-Sudkovskoy, № 181. 28 fevralya [1896].
14. Там же, Грамота Е. П. Самокиш-Судковской, № 131. 14 декабря 1912.
Tam zhe, Gramota E. P. Samokysh-Sudkovskoy, № 131. 14 dekabrya 1912.
15. Там же, Свидетельство о венчании. 12 ноября 1906.
Tam zhe, Svydetel'stvo o venchanyu. 12 noyabrya 1906.
16. Андреева Л. Ю. Н. С. Самокиш и Е. П. Самокиш-Судковская: жизнь после Октябрьского переворота (1918–1924) / Л. Ю. Андреева // Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма: матер. V-й Междунар. науч. конф. – Симферополь; Новый Свет, 2013. – С. 13–23.
Andreeva L. YU. N. S. Samokysh y E. P. Samokysh-Sudkovskaya: zhyzn' posle Oktyabr'skoho perevorota (1918–1924) / L. YU. Andreeva // Aktual'nye voprosy ystoryy, kul'tury y étnohrafyy Yuho-Vostochnoho Kryma: mater. V-y Mezhdunar. nauch. konf. – Symferopol'; Novyy Svet, 2013. – S.13-23.
17. ХХМ, научный архив, ф. 23, письмо Е. П. Самокиш-Судковская – Н. С. Самокишу. 2 февр. 1921.
КНКНМ, nauchnyy arkhiv, f. 23, pys'mo E. P. Samokysh-Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 2 fevr. 1921.
18. Там же, письмо Е. П. Самокиш-Судковская – Н. С. Самокишу. 2 февр. 1921.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh-Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 2 fevr. 1921.
19. Там же, письмо Е. П. Самокиш-Судковская. 26 января 1922.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh-Sudkovskaya. 26 yanvarya 1922.

20. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 26 января 1922.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 26 yanvarya 1922.
21. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 24 марта 1922.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 24 marta 1922.
22. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковской – Н. С. Самокишу. [1922].
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskoy – N. S. Samokyshu. [1922].
23. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р–3814, оп. 1, д. 417.
Nosudarstvennyu arkhyv v Avtonomnoy Respublyke Krym, f. R–3814, op. 1, d. 417.
24. ХХМ, научный архив, ф. 23, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 24 марта 1922.
КНКНМ, nauchnyu arkhyv, f. 23, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 24 marta 1922.
25. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 16 мая 1922.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 16 maya 1922.
26. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 15 сентября [1923].
Tam zhe pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 15 sentyabrya [1923].
27. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 17 октября 1923.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 17 oktyabrya 1923.
28. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 19 ноября 1923.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 19 noyabrya 1923.
29. Там же, письмо М. Р. Лагранж–Судковской – Н. С. Самокишу. [3 октября 1923].
Tam zhe, pys'mo M. R. Lahranzh–Sudkovskoy – N.S.Samokyshu. [3 oktyabrya 1923].
30. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковской – Н. С. Самокишу. 5 декабря 1923.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskoy – N.S.Samokyshu. 5 dekabrya 1923.
31. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 9 мая 1924.
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 9 maya 1924.
32. Там же, письмо Е. П. Самокиш–Судковская – Н. С. Самокишу. 15 мая [1924].
Tam zhe, pys'mo E. P. Samokysh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 15 maya [1924].
33. Там же, письмо М. Р. Лагранж–Судковская – Н. С. Самокишу. [1924].
Tam zhe, pys'mo M. R. Lahranzh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. [1924].
34. Там же, письмо М. Р. Лагранж–Судковская – Н. С. Самокишу. 15 ноября 1935.
Tam zhe, pys'mo M. R. Lahranzh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 15 noyabrya 1935.
35. Там же, письмо М. Р. Лагранж–Судковская – Н. С. Самокишу. 23 февраля 1939.
Tam zhe, pys'mo M. R. Lahranzh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 23 fevralya 1939.
36. Там же, письмо М. Р. Лагранж–Судковская – Н. С. Самокишу. 11 января 1940.
Tam zhe, pys'mo M. R. Lahranzh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 11 yanvarya 1940.
37. Там же, письмо М. Р. Лагранж–Судковская – Н. С. Самокишу. 15 января 1941.
Tam zhe, pys'mo M. R. Lahranzh–Sudkovskaya – N. S. Samokyshu. 15 yanvarya 1941.

Андреева Л. Ю. Невідомі сторінки біографії Е. П. Самокіш–Судковський : до 150-річчя з дня народження / Л. Ю. Андреева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 15–25.

Вперше проаналізовано невідомі документальні матеріали, що стосуються життя і діяльності дружини академіка М. С. Самокіша Е. П. Самокіш–Судковський. Введено в науковий обіг 19 листів з епістолярної спадщини М. С. Самокіша. Дослідження листування художниці з М. С. Самокішем дозволило відновити кримський період в її біографії.

Ключові слова: біографія, художниця, епістолярна спадщина, Е. П. Самокіш–Судковська, М. С. Самокіш.

Andreeva L. U. Unknown page biography E. P. Samokish-Sudkovskaya : the 150th anniversary of the birth / L. U. Andreeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 15–25.

First reviewed and analyzed unknown documentary material relating to the life and work of the artist's wife N. Samokish E. Samokish-Sudkovskaya. Introduced in the scientific revolution of the 19 letters of the epistolary heritage of academician N. Samokish. Study correspondence allowed to restore the artist's life during the Crimean E. Samokish-Sudkovskaya. She is known as the widow of academician of painting R. Sudkovsky and wife Academician Professor battle painting workshop Academy of Arts N. Samokish. In personal fund Academician N. Samokish are personal documents of his wife, Helena Petrovna Samokish-Sudkovskaya, which made it possible to establish many unknown facts of her biography. An important finding was the biographical birth certificate E. Benard. From which it follows that Helen Benard was born February 10, 1862 in St. Petersburg in the family of a military engineer Peter Benard. Another document was the application to the certificate, a certificate of graduate education Pavlovsk Institute (St. Petersburg). In 1883 she became the wife of the artist Rufin Gavrilovic Sudkovsky (1850–1885). According to the birth certificate, February 1, 1884 in the family had a daughter Margaret. In one year old girl lost her father. February 4 (17) 1885 Academician R. Sudkovsky suddenly died of typhus at age 34 and left a widow and daughter considerable fortune. In 1889 E. Sudkovskaya married the painter N. Samokish. The family lived in St. Petersburg. They collaborated with a number of publishers, magazines and books. Artist designed the magazine «Niva» and its application. Thus, E. Samokish-Sudkovskaya completed illustrations for «Eugene Onegin» Pushkin, «Humpbacked Horse» P. Ershov. In his graphic works the artist used newfangled trend style «Art Nouveau», purchased in Europe. It immediately recognized experts. Works E. Samokish-Sudkovskaya widely published on postcards publishing «Society of St. Eugene». Most famous collaboration was the spouses «Coronation Collection» (1899). E. Samokish-Sudkovskaya received the «Certificate» and a gift for participating in the design of this two-volume work. Also E. Samokish-Sudkovskaya participated in the activities of the First Ladies of the artistic circle (1882–1918), and has been involved in charity work since 1910 an honorary life member of The Society of assisting orphans. Revolutionary storms in 1917 passed an irresistible feature for family Samokish. They lost everything : home, work, financial well-being. Caught in the Crimea, they were never able to reunite. Academician N. Samokish lived in Evpatory, then in Simferopol, and E. Samokish-Sudkovskaya in Alupka. Most severe in the artist's life became Crimean period. Surviving letters E. Samokish-Sudkovskaya to Academician N. Samokish (1921–1924) showed severe mental and financial crisis that led to the death of the artist in 1924. Thus, a large part of the biography is well documented, and epistolary heritage allowed a high degree of reliability to recover facts from the life of E. Samokish-Sudkovskaya. This can be used when creating a scholarly biography of prominent representatives of the book charts in the late XIX – early XX century.

Keywords : biography, artist, epistolary heritage, E. Samokish-Sudkovskaya, N. Samokish.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. В. Ю. Ганкевич

д.и.н., проф. С. С. Щевелев

УДК 93:281.9:246/247 «17/19» (477.75)

К ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА ПРИ ИСПРАВИТЕЛЬНОМ ПРИУТЕ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Ищенко Э. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: Face209@mail.ru*

Восстановлена история уникального культового памятника. В начале 80-х гг. XIX века в деревне Сарайлы-Кият (Сарчи-Кият) (ныне село Мирное, неподалеку от Симферополя) был основан единственный во всей Таврической губернии приют для опеки и перевоспитания малолетних преступников. Сооружения церкви при приюте было необходимо в целях нравственного перевоспитания преступников, а также в связи с удаленностью учреждения от города и, соответственно, отсутствия вблизи православного храма. Составленные гражданским инженером В. А. Геккером план и смета на постройку церкви были одобрены комитетом, вскоре получили утверждение епархиального начальства. 27 апреля 1897 г. преосвященным епископом Таврическим и Симферопольским Михаилом была совершена закладка церкви. 3 июня 1898 г. в годовщину основания Таврического исправительного приюта состоялось ее освящение. С установлением советской власти гонения постигли и храм Воскресения Христова. В 1925 г. он был передан согласно договору в бесплатное пользование православной общине деревни Сарайлы-Кият. К началу 30-х гг. XX века было принято постановление Президиума ЦИК Крымской АССР ликвидировать церковь. Только в 1994 г. святыня была восстановлена и стала называться храмом Воскресения Христова Симферопольской и Крымской епархии Украинской Православной Церкви Московского Патриархата.

Ключевые слова: церковь Воскресения Христова, Сарайлы-Кият, Мирное, Симферополь, исправительный приют малолетних преступников, православные культовые сооружения.

В XIX веке вместе с дальнейшим социально-экономическим развитием Таврической губернии, и, в частности, ее центра – Симферополя, происходило формирование сети богоугодных заведений. Увеличение населения города сопровождалось появлением здесь значительного числа бездомных и малоимущих. Таврический приказ общественного призрения не располагал достаточным количеством средств и материальных ресурсов для опеки местных нуждающихся, поэтому такие учреждения появляются благодаря частных инициатив и меценатов [1]. Характерной особенностью благотворительных заведений было возведение православных культовых сооружений на территории приютов. Домовые церкви располагались внутри здания учреждения, а в некоторых случаях храм возводился отдельной постройкой. Это давало возможность посещать святыню не только подопечным заведений, но и проживавших по соседству гражданам. Так, при странноприимном доме А. С. Таранова-Белозерова первоначально действовала церковь во имя Св. Марии Мироносицы [2], а затем возведенная отдельным сооружением во имя Рождества Богородицы [3]. При симферопольском Богоугодном заведении функционировал храм во имя Скорбящей Богоматери [4]. В приюте Амалии Максимильяновны Адлерберг существовала святыня во имя Св. Мироносицы Марии Магдалины [5]. В приюте для мальчиков «Тайного советника Фабра дом призрения сирот» находилась домовая церковь во имя Апостола Андрея Первозванного [6]. По перечисленным культовым сооружениям православной

церкви упоминания в литературе не редкость, что нельзя сказать о храме Воскресения Христова при исправительном приюте малолетних преступников.

В Научной библиотеке «Таврика» им. А. Х. Стевена нами была обнаружена публикация «Краткие сведения о постройке церкви Воскресения Христова при Таврическом исправительном приюте» 1898 года [7]. В ней содержится подробное описание периода постройки святыни. Отсутствуют какие-либо сведения о судьбе церкви в исследованиях советского периода. В современных публикациях церковь упоминается в монографии А. Н. Савочки «Благотворительность в Таврической губернии (1802–1920)» [8]. Небольшая статья, посвященная храму, опубликована в газете «Мирновский вестник» [9]. По-видимому, это попытка священника и прихожан разобраться в истории их святыни. Но, к сожалению, в статье указан неверный год основания церкви Воскресения Христова, и, соответственно, идет неправильное исчисление возраста сооружения. Автор не ссылается на источник. Предпринятая нами попытка исследования несет в себе задачу определить верную дату основания святыни на основании существующих письменных источников.

В начале 80-х гг. XIX века неподалеку от Симферополя был основан единственный во всей Таврической губернии приют для опеки и перевоспитания малолетних преступников [10]. С июня 1888 г. началась постройка здания приюта, которую удалось закончить ровно через год. Заведение, располагавшееся в трех верстах от Симферополя в деревне Сарчи-Кият (Сарайлы-Кият) (ныне село Мирное), представляло собой двухэтажную постройку с флигелем (фото 1, 2). Помещения исправительного учреждения официально открыли 3 июня 1890 г. в присутствии губернатора с супругой, епископа Таврического и ряда общественных деятелей [11]. Сооружения церкви при приюте было необходимо в целях нравственного перевоспитания преступников, а также в связи с отдаленностью учреждения от города и, соответственно, отсутствия вблизи православного храма. Уже в начале 1891 г. председателем правления были возбуждены ходатайства об оказании пособий на постройку церкви перед Таврическим губернским земством и Обер-Прокурором Святейшего Синода. Оба эти ходатайства увенчались успехом: Таврическое губернское земское собрание постановлением от 25 января 1891 года ассигновало на возведение церкви 500 руб., а статский секретарь Победоносцев разрешил выдачу для церкви 3000 руб., из находившегося в его распоряжении капитала, завещанного госпожой Медынцевой. Получив в том же 1891 году разрешение епархиального и губернского начальства на открытие сбора пожертвований для сооружения храма, правление распорядилось о раздаче особых книжечек для сбора пожертвований как членам Правления, так и всем членам Симферопольского общества Исправительных приютов, выразившим особое желание оказать в этом деле свое содействие обществу. Незамедлительно правление возбудило ходатайство об учреждении особого церковно-строительного комитета. 14 декабря 1893 г. был получен положительный ответ от епископа Таврического и Симферопольского [12]. В состав комитета под председательством законоучителя Приюта священника о. Владимира Александра, а затем заменившего его о. Владимира Серафимова, вошли все члены правления, а также А. А. Нестроев, И. Н. Николаев-Цыганков, Д. Р. Струмилло, И. Н. Лихвенцов, П. Д. Булатов, А. Н. Ильин.

Сбор денег на строительство проходил медленно, поэтому с осени 1895 г. правление сочло нужным предпринять ряд мер. Председателем правления перед еписко-

пом Таврическим и Симферопольским Мартинианом, а позже – Михаилом, было возбуждено ходатайство об ассигновании пособия из сумм епархиального свечного завода и о разрешении сбора на сооружение храма при Исправительном приюте во всех церквях Таврической епархии на 2й день после праздника Пасхи. Результатом всех этих усилий было предоставление в 1896 г. 1000 руб. из сумм свечного завода и поступление 1405 руб. 72 коп. от сбора в церквях епархии на 2-й день после Пасхи 1897 г. [13]. Частные пожертвования поступили от А. Позерн 500 руб., М. Шнейдер 500 руб., Ю. А. Попова 200 руб., П. А. Петина 1000 руб., И. Н. Лихвенцова 400 руб. (на покупку церковной утвари), от Московской Синоидальной конторы (из оставленного умершим Ф. Самойловым капитала в пользу нуждающихся церквей) 150 руб. и от благотворителя Н. Д. Стахеева 2000 руб. (в дополнение к присланным ранее 100 руб.). Возможность приступить к осуществлению постройки была получена.

При обсуждении плана постройки правление приняло во внимание, что следует отдать предпочтение сооружению отдельного храма, рассчитанного на значительное число молящихся, с сохранением за этим храмом характера домового церкви [14]. Отказ от устройства церкви в одном из зданий приюта также был обусловлен отсутствием неподалеку таковой. Неоднократные просьбы окрестного православного населения сопровождалось изъявлением с их стороны желания оказать посильную помощь даровою перевозкой необходимого для постройки камня, а со стороны некоторых из соседних землевладельцев – материальной поддержки. Было решено сделать такое сооружение, чтобы трапезная могла в случае надобности отделяться от остальной части церкви перегородкой или занавесью для превращения ее в актовъый зал для духовно-нравственных чтений.

Составленные гражданским инженером В. А. Геккером план и смета на постройку церкви были одобрены церковно-строительным комитетом и 27 апреля 1896 г. представлены на утверждение епархиального начальства [15]. 31 мая Таврическая духовная консистория уведомила комитет об утверждении плана и сметы строительным отделением Таврического губернского правления и о последовавшем со стороны архиепископа Таврического и Симферопольского Мартиниана разрешении на сооружение храма [16]. Постройка церкви была отдана подрядчику купцу П. А. Петину. По контракту, заключенному 20 ноября 1896 г., П. А. Петин взял на себя постройку здания, из своих материалов без иконостаса, за 9671 руб. 8 коп. Изготовление иконостасов, икон, построек и других принадлежностей было сдано по договору 16 июня 1897 г. купцу И. К. Амасьялову за 1800 руб.

27 апреля 1897 г. преосвященным епископом Михаилом была совершена закладка церкви [17]. Постройка храма выполнялась под личным наблюдением инженера Геккера во всем согласно контрактам П. А. Петина сверх пожертвований на церковь 1000 руб. безвозмездно произвел улучшения в постройке (общее повышение цоколя церкви на 1/2 аршина, замена в некоторых частях здания камня желтого бадрацким, замена бадрацкого камня на ступенях главного входа крыльца гранитом и пр.). И. К. Амасьяловым безвозмездно была сооружена мраморная доска над входной дверью, устроены из дубового дерева два клироса, также два аналоя и прочее [18]. 3 июня 1898 г. в годовщину основания Таврического исправительного приюта состоялось освящение выстроенной при учреждении церкви [19]. Кроме воспитанников учреждения храм посещали жители окрестных шести деревень.

К ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА
ПРИ ИСПРАВИТЕЛЬНОМ ПРИУТЕ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

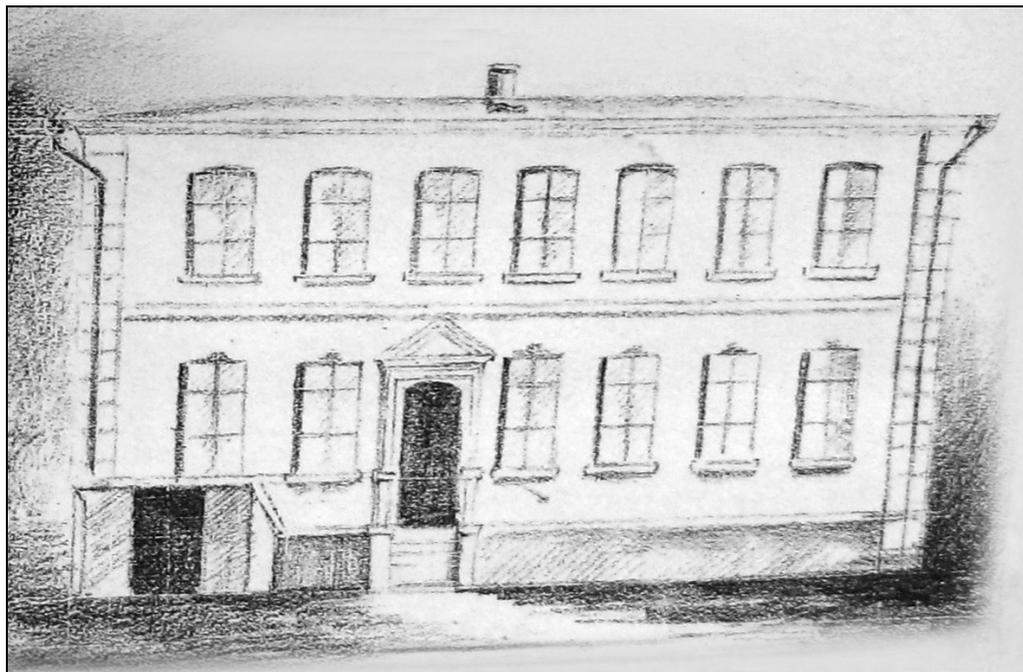

Фото 1. Исправительный приют. Зарисовка 1890 года

Фото 2. Исправительный приют, декабрь 2013 года

Фото 3. Храм Воскресения Христова, декабрь 2013 года

Фото 4. Интерьер церкви Воскресения Христова, декабрь 2013 года

С установлением советской власти гонения постигли и церковь Воскресения Христова. В 1925 г. она была передана согласно договору в бесплатное пользование православной общине деревни Сарайлы-Кият [20]. Но уже к началу 30-х гг. XX века было принято постановление Президиума ЦИК Крымской АССР ликвидировать храм. Согласно описанию на тот момент сооружение в виде ковчега составляло 30 аршин в длину, 10 в ширину, 6 в высоту. Колокольня высотой 15 аршин, шириной 3 на 3 аршина. Церковь имела 16 окон и 6 дверей. Два больших и четыре маленьких купола завершали здание. В территорию приюта также входил фруктовый сад 1/4 десятины. До 1917 г. для церковнослужителей существовало помещение в размере 15 квадратных саженой [21].

Только в 1994 г. святыня была восстановлена и стала называться храмом Воскресения Христова Симферопольской и Крымской епархии Украинской Православной Церкви Московского Патриархата (фото 3, 4). Настоятелем был назначен протоиерей Евгений Николишин. С 2000 г. здесь служит протоиерей Богдан Струмчинский [22]. В будущем 2014 году планируется отмечать 115-летие этого храма. Поскольку дата отсчета истории сооружения, установленная служителями, не является верной, хотелось бы ликвидировать данный пробел, основываясь на опубликованные данные и архивные источники.

Список использованных источников и литературы

1. Савочка А. Н. Благотворительность в Таврической губернии (1802–1920) / А. Н. Савочка ; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского ; под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь : Доля, 2012. – С. 94. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 16).
Savochka A. N. Blagotvoritel'nost' v Tavricheskoj gubernii (1802–1920) / A. N. Savochka ; Tavricheskij nac. un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol' : Dolja, 2012. – S. 94. – (Serija : «Biobibliografija krymovedenija» ; vup. 16).
2. Странноприимный дом Таранова-Белозерова // ТЕВ. – 1870. – № 18. – С. 648.
Strannopriimnyj dom Taranova-Belozerova // TEV. – 1870. – № 18. – S. 648.
3. Савочка А. Н. Указ. соч. – С. 103.
Savochka A. N. Ukaz. soch. – S. 103.
4. Гермоген. Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии / Гермоген. – Симферополь : Таврическая губернская тип., 1886. – С.164.
Germogen. Spravochnaja knizhka o prihodah i hramah Tavricheskoj eparhii / Germogen. – Simferopol' : Tavricheskaja gubernskaja tip., 1886. – S.164.
5. Савочка А. Н. Указ. соч. – С. 109.
Savochka A. N. Ukaz. soch. – S. 109.
6. О создании сиротского дома статского советника Фабра в Симферополе // ТЕВ. – 1870. – № 17. – С. 454–455.
O sozdanii sirotskogo doma statskogo sovetnika Fabra v Simferopole // TEV. – 1870. – № 17. – S. 454–455.
7. Краткие сведения о постройке церкви Воскресения Христова при Таврическом исправительном приюте. – Симферополь : типо-лит. Вересотской, 1898. – 9 с.
Kratkie svedenija o postrojke cerkvi Voskresenija Hristova pri Tavricheskom ispravitel'nom prijute. – Simf.: tipo-lit. Veresotskoj, 1898. – 9 s.
8. Савочка А. Н. Указ. соч. – С. 122–126.
Savochka A. N. Ukaz. soch. – S. 122–126.
9. Струмчинский Б. 115 лет храму Воскресения Христова // Мирновский вестник. – 2010. – Май. – № 4. – С. 4.
Strumchinskij B. 115 let hramu Voskresenija Hristova // Mirnovskij vestnik. – 2010. – Maj. – № 4. – S. 4.
10. Савочка А. Н. Указ. соч. – С. 122.
Savochka A. N. Ukaz. soch. – S. 122.

11. Там же. – С. 124.
Ibid. – S. 124.
12. Краткие сведения о постройке... – С. 2.
Kratkie svedeniya o postrojki... Ukaz. soch. – S. 2.
13. Там же. – С. 3.
Ibid. – S. 3.
14. Там же. – С. 4.
Ibid. – S. 4.
15. Там же. – С. 5.
Ibid. – S. 5.
16. Там же. – С. 5–6.
Ibid. – S. 5–6.
17. Савочка А. Н. Указ. соч. – С. 125.
Savochka A. N. Ukaz. soch. – S. 125.
18. Краткие сведения о постройке... – С. 6.
Kratkie svedeniya o postrojki... Ukaz. soch. – S. 6.
19. Савочка А. Н. Указ. соч. – С. 125.
Savochka A. N. Ukaz. soch. – S. 125.
20. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. Р-655, оп. 10, д. 1150, л. 7, 8.
Gosudarstvennyj arhiv v Avtonomnoj Respublike Krym (GAARK), f. R-655, op. 10, d. 1150, l. 7, 8.
21. Там же, д. 447, л. 1.
Ibid, d. 447, l. 1.
22. Струмчинский Б. Указ. соч. – С. 4.
Strumchinskij B. Ukaz. soch. – S. 4.

Ищенко Е. С. До історії церкви Воскресіння Христового при виправних притулках малолітніх злочинців / Е. С. Ищенко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 26–33.

Відновлена історія унікального культового пам'ятника. На початку 80-х рр. XIX століття в селі Сарайли-Кият (Сарчі-Кият) (нині село Мирне, неподалік від Сімферополя) був заснований єдиний у всій Таврійській губернії притулок для опіки та перевиховання малолітніх злочинців. Спорудити церкву при притулку було необхідно з метою морального перевиховання злочинців, а також у зв'язку з віддаленістю установи від міста і, відповідно, відсутністю поблизу православного храму. Складені цивільним інженером В. А. Геккером план і кошторис були схвалені церковно-будівельним комітетом, та незабаром отримали твердження єпархіального начальства. 27 квітня 1897 р. преосвященим єпископом Таврійським і Сімферопольським Михайлом була здійснена закладка церкви. 3 червня 1898 р. в річницю заснування Таврійського виправного притулку відбулося її освячення. Із встановленням радянської влади гоніння спіткали й храм Воскресіння Христового. У 1925 р. він був переданий згідно з договором у безкоштовне користування православної громаді села Сарайли-Кият. На початку 30-х рр. XX ст. було прийнято постанову Президії ЦВК Кримської АРСР ліквідувати церкву. Тільки в 1994 р. святиня була відновлена і стала називатися храмом Воскресіння Христового Сімферопольської і Кримської єпархії Української Православної Церкви Московського Патріархату.

Ключові слова: церква Воскресіння Христового, Сарайли-Кият, Мирне, Сімферополь, виправний притулок малолітніх злочинців, православні культові споруди.

Ischenko E. S. The History of the Church of the Resurrection of Christ In the Shelter Correctional For Juvenile Delinquents / E. S. Ischenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 26–33.

The history of the unique religious monument is reconstructed. In the early 80-ies of XIX century in the village Sarayly-Kiyat (Sarchi-Kiyat) (now the village Mirnoje, near Simferopol) was founded the only one in the Tauride province shelter for juvenile offenders. Construction of a church at the shelter was necessary for moral re-offenders, as well as due to the remoteness of the institutions of the city and, therefore, lack of closer Orthodox church. Civil engineer V. A. Hecker drafted plan and estimates for the construction of the church

**К ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА
ПРИ ИСПРАВИТЕЛЬНОМ ПРИЮТЕ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ**

were approved by the Committee, soon the approval of the diocesan authorities received. April 27, 1897 His Grace Bishop Tauride and Simferopol Michael made church bookmark. June 3, 1898 in the anniversary of the founding of the Tauride correctional orphanage sanctification was done.

With the establishment of Soviet regime everything changed. In 1925 the church was transferred under the contract in the free use of the orthodox community of village Sarayly–Kiyat. In the beginning of 30-ies of XX century it was accepted by the Central Executive Committee of the Crimean Autonomous Republic. Only in 1994, the shrine was rebuilt and became known as the Church of the Resurrection of Crimean and Simferopol Diocese of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate.

Keywords: the church of the Resurrection of Christ, Sarajly-Kijat, Mirnoje, Simferopol, correctional shelter for juvenile delinquents, orthodox cult edifices.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. В. В. Латышева

д.и.н., с.н.с. Н. И. Платонова

УДК 93:070.421(051)»1943»(477.75)

**«СОВРЕМЕННОК» 1943 ГОДА:
К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
И ПОДБОРУ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ**

Кохан А. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: a_kohan@mail.ru*

Проанализировано содержание изданного в 1943 году журнала «Современник». Рассматриваются структура, редакционная коллегия и авторский коллектив журнала. Освещается вопрос о связи материалов, размещенных на страницах «Современника» и газеты «Голоса Крыма».

Ключевые слова: оккупация Крыма 1941–1944 гг., Штаб пропаганды «Крым», пресса, журнал «Современник».

Со второй половины 90-х годов XX века значительно возрос интерес исследователей к изучению оккупационного периода в годы Великой Отечественной войны. Одним из наиболее разрабатываемых направлений является изучение периодической печати 1941–1944 гг., что связано с рядом объективных факторов: рассекречивание архивных материалов и периодических изданий, находившихся на специальном хранении, а так же большая информативность периодики, выходявшей в свет в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. Однако, по-прежнему, малоизученными остаются вопросы о деятельности редакционных коллегий периодических изданий, взаимосвязей между ними, принципы подбора и публикации статей.

В период германской оккупации в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.), на территории Крымской АССР издавалось 7 газет на русском языке, одна газета на крымско-татарском языке, одна – на немецком языке [1]. Помимо этого в 1943 году в свет вышли 2 журнала: «Ана Юрт» на крымскотатарском языке и «Современник» – на русском [2, с. 59–62; 3, с. 82; 4, с. 20].

Исходя из анализа периодических изданий, распространявшихся на оккупированных немецкими войсками советских территориях, газеты, издававшиеся в Крыму в период 1941–1944 гг., являются продуктом немецкой пропагандистской машины [5, с. 28–42].

Каждая статья, не зависимо от того, какой проблеме она посвящалась, была пропитана пропагандистскими идеями национал-социализма, Новой Европы, Новой России, Новой школы и т. д., в каждой статье делался акцент на факт невозможности осуществления тех или иных достижений без поддержки германского оружия, германской культуры, которые в свою очередь противопоставлялись большевистскому режиму. Д. В. Омельчук, описывая периодическую печать периода оккупации, указывает, что «Материалы с критикой практики большевизма, особенно в газетах, помещались часто рядом с описанием «прелестей» жизни в Германии, «научными» статьями об исторической миссии немцев на Востоке...» [6, с. 119].

К 1943 году утверждается полная гегемония немецкого оружия на территории Крыма. Эти события сопряжены с изменением установок культурной и научной интеллигенции, их целей и взглядов. С момента оккупации заметно ощущим литературный кризис: советские издания либо были запрещены, либо части их удалены из самих книг, с досоветской литературой ситуация обстояла еще хуже, т. к. многие произведения были выведены из оборота в период между 1917 и 1941 годами [7, с. 2]. Эти факторы послужили толчком для закупки редколлекцией «Голоса Крыма» произведений классиков [8, с. 4].

Газета, выполнявшая информационную роль, не могла удовлетворять запросам интеллигенции. Это послужило одним из факторов издания общественно-политического и литературного журнала «Современник».

В майском выпуске «Голоса Крыма» было помещено объявление: «В недалеком будущем начнет выходить литературно-художественный и политический журнал. К сотрудничеству в журнале приглашаются лучшие литературные силы освобожденных областей. В журнале будет отведено место поэзии, беллетристике, литературно-художественной критике, искусству, философии и общественно-политическим вопросам. Прием рукописей производится в редакции газеты «Голос Крыма» ежедневно от 9 до 12 и от 2 до 4 час. дня» [9, с. 4].

В газете «Голос Крыма» № 102 от 27 августа 1943 г. помещено объявление о выходе в свет первого номера журнала «Современник». Продажа издания производилась в книжном магазине А. З. Паньковского по адресу г. Симферополь, ул. Таврическая, 8. Цена журнала составляла 20 рублей [10, с. 4]. В следующем номере газеты размещено аналогичное объявление [11, с. 4]. В последующих рекламных объявлениях, указывалось и на содержание литературной части Современника: «В журнале помещено начало эпопеи русского писателя И. Шмелева «Солнце мертвых», которая приобрела всеевропейскую известность и переведена на многие иностранные языки, а также запрещенные большевиками стихи Макс. Волошина и К. Бальмонта» [12, с. 4; 13, с. 4].

Последнее упоминание о «Современнике» в оккупационной прессе можно датировать 1 октября 1943 г., связанное с поздравительным сообщением о праздновании Уразы Байрама: «Дорогие соотечественники и соратники в борьбе с коммунизмом! Редакция и сотрудники газет «Голос Крыма» и «Земледелец Тавриды», а также и сотрудники журнала «Современник» шлют вам свои искренние и горячие поздравления с праздником Уразы Байрама...» [14, с. 4].

Таким образом, первый и единственный номер журнала «Современник» был отпечатан в августе 1943 года в симферопольском издательстве «Крым». В журнале значится тираж 20000 экземпляров [15]. Журнал вышел объемом 6,5 печатных листов, был снабжен 8 иллюстрациями. Формат 170x234, бумага газетная, обложка с мягким теснением [16, с. 59].

В редакционную коллегию «Современника» вошли Т. А. Эристов, Б. А. Хлебов [17], В. Ф. Тархов [18], главным редактором журнала выступил А. И. Булдеев [19]. Вся редколлекция «Современника» была представлена сотрудниками газеты «Голос Крыма», которые активно сотрудничали с Отделом пропаганды, имели опыт работы

в органах периодической печати, издававшихся как в довоенное время, так и в период оккупации.

В передовой статье журнала указывалось: «если мы приступаем к изданию журнала с малым кругом сотрудников, то мы поступаем так потому, что верим в духовные и моральные силы русского народа. В хаосе оставленного большевикам наследства мы прозреваем черты нарождающегося нового мира» [20, с. 2].

Фактическим руководителем редколлегии «Голоса Крыма» являлся доктор Маурах [21] – заведующий отделом печати Штаба пропаганды Крым. Весь материал, поступавший для печати, контролировался Маурахом и только с его разрешения печатался [22, л. 17]. Так же заведующий отделом проводил инструктаж по отбору материалов и его редактированию [23, л. 18]. Кроме этого, Маурах часто бывал в типографии, где лично осматривал шрифты, станки, знакомился с рабочими [24, л. 14].

В журнал вошло 8 аналитических статей, литературные произведения, 2 статьи описательного характера, сданные в печать И. Дорониным [25]. Журнал состоял из четырех разделов. Первый раздел включал в себя статью с постановками целей редколлегии «Наши задачи», статьи А. Булдеева «Россия и Европа» и Я. Гарбузова «Невозвратимое». Особенностью этих материалов стало отображение «большевистской действительности» через историческую призму. Все иллюстрации, размещенные в «Современнике» относятся к статье «Невозвратимое». На них запечатлены уничтоженные святыни («Трапезная Симонова монастыря, взорванная большевиками»), а так же произведения искусства, проданные из Эрмитажа («Рембранд. Ян Собесский, проданный из Эрмитажа большевиками»). Так же в первый раздел вошли статьи, подготовленные Г. Барятинским [26] «Осмеянный пророк», в которой была проанализирована критическая статья В. Белинского в отношении Н. Гоголя, В. Лелонгом «Великий русский драматург», посвященная 120-летию со дня рождения А. Н. Островского. Особенностью этих статей является отсутствие антибольшевистской или прогерманской пропаганды, при этом анализируются проблемы русской философской мысли и этики, авторы формулируют идеи, относящиеся и к «новой интеллигенции». Идеи эти сводятся к следующим постулатам: христианское начало русской духовности, государство представляется как национальное целое с сильной авторитарной властью, а нравственные идеалы основаны на уважении традиций и прошлого родины, сознательном отношении к своему долгу перед собственной душой, перед семьей и обществом [27, с. 18–25]. Шестой статьей, опубликованной в первом разделе журнала был материал А. Таманского «О влиянии немецкого языка на русский».

Раздел «Беллетристика» включал отрывки из произведения И. Шмелева «Солнце мертвых», стихи К. Бальмонта, М. Волошина, К. Дмитриева, М. Кузнецовой, В. Тархова. Контрастность до 1941 года и после необходимо было подчеркивать всеми возможными способами. На вооружение пропагандистов берут русскую литературу. Основным моментом, используемым в критических статьях и размещении художественных произведений, ведущую роль занимает идея борьбы с коммунизмом, либо трагедия человека, непризнанного большевистской властью. В связи с

этим, на страницах оккупационной прессы появляются произведения Волошина, критические статьи о поэтах Серебряного века и гражданских лириках.

«Новая пресса» должна была не только указывать на грехи большевистской власти в сфере образования, развития деревни, массовых репрессий, но и акцентировать внимание читателей на гнете, оказываемом на интеллигенцию. В «Современнике» размещалось 2 произведения К. Бальмонта «Возмездие» и «Запустение» и три стиха М. Волошина «Москва», «Святая Русь» и «Владимирская Богоматерь». Подборка именно этих произведений классиков серебряного века отвечала потребностям немецкой пропаганды и интересам редакционной коллегии журнала. Стихи были написаны после 1917 года, в них авторы не скрывают неприязни к пришедшим к власти большевикам. Еще одной немаловажной причиной публикации произведений именно этих авторов стала их конфронтация с советской действительностью.

Так, А. И. Булдеев в статье «Памяти русского поэта», писал: «Большевики не признавали Бальмонта, лишая русский народ одного из лучших лирических поэтов. Русская молодежь не знает оригинального чародея и кудесника стиха, перед которым все советские поэты являются жалкими рифмачами. Такова была политика иудеев, издававших Безыменских, Альтгаузенов, Кирсановых, Сельвинских и весь прочий жидовский хлам и державших под запретом лучшие произведения русского национального искусства» [28, с. 2].

Публикация произведений Максимилиана Волошина в журнале так же объяснима. Начиная с августа 1942 г., пропаганда и печать начинают строить культ борющейся интеллигенции. Статья о М. Волошине, помещенная в «Голосе Крыма» от 2 августа 1942 г. стала первой публикацией о противопоставлении советского искусства «национальному русскому». Условно материалы, публикуемые о М. А. Волошине можно разделить на два блока: любовь к России, любовь к Коктебелю, второй блок – ненависть к большевизму и советской России: «Большевики не издавали произведений Максимилиана Волошина. Да и как их было издавать, если он враждебен каждой своей строкой большевистскому мирозерцанию и варварству» [29, с. 3]. В своих статьях о М. Волошине, А. И. Булдеев акцентировал внимание на не исследованность и отсутствие изданий самих произведений поэта-символиста [30, с. 3]. По инициативе редакции газеты «Голос Крыма» 11 августа 1942 года состоялась общественная панихида по поэте художнике М. А. Волошине. Корреспондент центральной крымской газеты описывал это событие: «Значительное число собравшихся на эту панихиду почитателей покойного показывает, что старые предания еще не умерли в русской интеллигенции. Трогательное впечатление производит эта панихида в бедном храме, еще носящем на себе следы большевистского разрушения церквей...» [31, с. 4]. Так же 11 августа 1942 г. по радио была передана первая целевая передача, посвященная поэту. Заметка в газете о радиозфире заканчивалась следующим образом: «Желательно было бы, чтобы наше радио чаще давало такие целевые радиопередачи, посвященные памяти наших поэтов и писателей. Это тем более необходимо, что большевики в течение 2-х десятилетий всячески старались исказить подлинные образы таких корифеев нашей литературы, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, или создавали вокруг них «заговор молчания», подобно тому, как это было сделано ими в отношении Достоевского» [32, с. 4]. Тема поэта-

мученика находит свое отражение и в «Современнике»: «В советской литературе процветало творческое бессилие. Если в ней появлялся талант, то он либо кончал самоубийством (Есенин, Маяковский), либо проваливался в бездонные колодцы НКВД (Гумилев), либо шел на подлую сделку со Сталиным» [33, с. 1–2].

Начиная с 1942 г. в прессе все чаще появляются статьи о писателях и поэтах, забытых во время советской власти, однако, помимо критической оценки их произведений, статьям присуща пропагандистская прогерманская окраска, которая характеризует деятелей искусства как борцов с жидо-коммунизмом либо жертв советского режима.

Третий раздел «Современника», озаглавленный «Новая Россия» включал две статьи: А. Филофеева [34] «Крестьянство и Новая Россия» и статью М. Поливанова [35] «К вопросу о переподготовке преподавателей» [36]. Раздел должен был освещать достижения германского оружия на оккупированной территории крымского полуострова. Статья Филофеева должна была подводить итог «успехам» немецкой пропаганды в разрешении земельного вопроса. В ней рассматриваются неудачи советского правительства в аграрной сфере, автор указывает на неудавшуюся большевикам политику коллективизации. Проведение в жизнь пропаганды в разрешении земельного вопроса начинается с февраля 1942 года – постановления А. Розенберга о земельном устройстве Восточных областей. С марта 1942 года в «Голосе Крыма» публикуются статьи об отмене «советского крепостного права» – разворачивается масштабная акция, главным лозунгом которой становится передача земли в частную собственность [37, с. 1]. Временной мерой, необходимой для последующей передачи земли в частную собственность должны были стать сельскохозяйственные общины [38, с. 1]. Подводя итог в статье, А. Филофеев указывал, что переход от коллективного хозяйства к единоличному возможен при наличии двух условий: «1. При достаточной обеспеченности данного хозяйства необходимым количеством рабочего скота и сельскохозяйственных машин. 2. При достаточной политической и трудовой благонадежности данного двора» [39, с. 89].

Особого внимания заслуживает размещенная в журнале статья М. Поливанова. Она отражает не столько достижения германского командования в сфере образования, сколько чаяния интеллигенции, оставшейся проживать на оккупированной территории. Вопрос о создании высшего учебного заведения в оккупированном Крыму был поставлен в начале 1942 года. «Уцелевшие в Крыму научные работники поставили перед Симферопольским Городским управлением вопрос о возобновлении научной и педагогической работы крымской высшей школы и выделили для этой цели из своей среды инициативную группу, которая образовала Правление Крымского университета» [40, с. 4]. Однако вопрос об открытии вуза оставался нерешенным и в 1943 году. Это объясняется двумя равновеликими причинами: во-первых, Крым фактически находился под военным, а не под гражданским управлением [41, с. 5–13], вследствие чего, вопросы образования рассматривались Штабом пропаганды, контролировавшим отдел культуры при городской управе и военным комендантом [42, л. 103–106]; во-вторых, необходимо учитывать расхождения во взглядах и противоречия, возникавшие по вопросам просвещения и образования в оккупированных восточных областях в верхушке Третьего Рейха [43, с. 78–79].

Темы статей, вошедших в журнал, на протяжении полутора лет освещались на страницах «Голоса Крыма»: проблемы уничтожения национального культурного наследия большевиками, репрессии по отношению к населению с одной стороны и созидательная функция Германии, ее роль в возрождении Новой России. Таким образом, пропагандистскую тематику в «Современнике» можно свести к двум направлениям: Германия непобедима и является образцом человеческого общества, большевизм – враг № 1 для человечества [44, с. 144]. Эти темы красной нитью проходят через все статьи журнала, для чего используются исторические факты, проблема разрешения церковного вопроса, а также проблема самоидентификации русского человека, которая и занимает главенствующее место в статьях журнала. Советской России противопоставлялись освобожденная Россия с ее новым обществом и новой интеллигенцией. «Установление нового социального строя в оккупированных областях Германией коренным образом меняет положение русской интеллигенции. Это обязывает ее пересмотреть свое мирозерцания, подумать о своем назначении, проверить внутреннюю сторону своих взаимоотношений с обществом людьми, работать над восстановлением или повышением своего культурного уровня» [45], – указывалось в передовице «Голоса Крыма». В целом в немецкой пропаганде в годы Великой Отечественной войны использовалось два подхода к культуре. Один из них заключался в том, что Германия – единственный носитель культуры, она распространяет и возрождает ее на оккупированных немецкими войсками территориях [46, с. 4]. Таким образом, Германия выводилась за пределы всех культурных связей и противопоставлялась всему миру: Новая Европа, создаваемая «Священной Германской Империей Немецкой нации», противопоставлялась интернационализирующейся Европе [47, с. 91–92]. Вторым подход заключался в историческом влиянии немецкой культуры на русскую. Придерживаясь доктрины германского образчика культуры, А. И. Булдеев указывал, что именно «немецкое поселение и стало проводником западно-европейской культуры в Московской Руси» [48, с. 5], А. Таманский акцентировал внимание читателя на том, что «Существование в русском большого количества слов немецкого происхождения – факт огромной важности. Это прежде всего свидетельствует о длительной и тесной культурной связи русского народа с немецким, о глубоком влиянии немецкой культуры на русскую» [49, с. 42].

Таким образом, журнал «Современник», вышедший в 1943 году подытожил работу редакционной коллегии «Голоса Крыма», осветив основные направления в национал-социалистической пропаганде в Крыму в 1941–1943 гг. Статьи, размещенные на его страницах, перекликаются с материалами, публиковавшимися в центральной крымской газете, что объясняется единым составом редакционных коллегий изданий, а так же приоритетными задачами, поставленными перед пропагандистской машиной. Большое количество литературных произведений и статей, посвященных истории литературы и формированию новой национальной идеи, размещенных в журнале, выводят немецкую пропаганду на качественно новый уровень.

Список использованных источников и литературы

1. Гуркович В. Н. Образ врага : профашистские газеты «Голос Крыма» и «Азат Кърым» о союзниках СССР в годы Второй мировой войны / В. Н. Гуркович // Историческое наследие Крыма. – № 8. – 2004. – С. 140–147 ; Окупационный режим в Крыму, 1941–1944 : за материалами прессы оккупационных влас-

тей / упор. В. М. Гуркович. – Симферополь: Таврия, 1996. – 98 с. ; Яблоновская Н. В. Проблема крымскотатарского национального возрождения на страницах газеты «Азат Кърым» (1942–1944) / Н. В. Яблоновская // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 62. – С. 107–110 ; Яблоновская Н. В. Оккупационная газета «Азат Кърым» (1942–1944) : национальная пресса в контексте информационных войн Н. В. Яблоновская // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57, т. 2. – С. 122–125.

Gurkovich V. N. Obraz vruga : profashistskie gazety «Golos Kryma» i «Azat Krym» o sojuznikah SSSR v gody Vtoroj mirovoj vojny / V. N. Gurkovich // Istoricheskoe nasledie Kryma. – № 8. – 2004. – S. 140–147 ; Okupacijnij rezhim v Krimu, 1941–1944 : za materialami presi okupacijnih vlastej / upor. V. M. Gurkovich. – Simferopol' : Tavrija, 1996. – 98 s. ; Jablonovskaja N. V. Problema krymskotatarskogo nacional'nogo vozrozhdenija na stranicah gazety «Azat Krym» (1942–1944) / N. V. Jablonovskaja // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2005. – № 62. – S. 107–110 ; Jablonovskaja N. V. Okkupacionnaja gazeta «Azat Krym» (1942–1944) : nacional'naja pressa v kontekste informacionnyh vojn N. V. Jablonovskaja // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2005. – № 57, t. 2. – S. 122–125.

2. Гуркович В. Н. И. Шмелев в журнале «Современник» 1943 года / В. Н. Гуркович // Русская литература и российское зарубежье : параллели и пересечения : тезисы докладов научной конференции «V крымские международные чтения», (Алушта, 20–25 сент. 1996) / М-во культуры Автономной Республики Крым, Алуштинский литературно-мемориальный музей С. Н. Сергеева-Ценского, Алуштинский дом-музей И. С. Шмелева, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Международная ассоциация содействия культуре. – Алушта, 1996. – С. 59–62.

Gurkovich V. N. I. Shmelev v zhurnale «Sovremennik» 1943 goda / V. N. Gurkovich // Russkaja literatura i rossijskoe zarubezh'e : paralleli i peresechenija : tezisy dokladov nauchnoj konferencii «V krymskie mezhdunarodnye chtenija», (Alushta, 20–25 sent. 1996) / M-vo kul'tury Avtonomnoj Respubliki Krym, Alushtinskij literaturno-memorial'nyj muzej S. N. Sergeeva-Censkogo, Alushtinskij dom-muzej I. S. Shmeleva, In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk, Mezhdunarodnaja asociacija sodejstvija kul'ture. – Alushta, 1996. – S. 59–62.

3. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / сост. В. К. Гарагуля. – Симферополь : Таврия, 1994. – 166 с.

Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 / sost. V. K. Garagulja. – Simferopol' : Tavrija, 1994. – 166 s.

4. Филимонов С. И вновь о крымском «Современнике» 1943 года / С. Филимонов // Крымское время. – 2010. – 4 нояб. – С. 20.

Filimonov S. I vnov' o krymskom «Sovremennike» 1943 goda / S. Filimonov // Krymskoe vremja. – 2010. – 4 nojab. – S. 20.

5. Тяглый М. И. Антисемитская пропаганда на оккупированных нацистами советских территориях : историография и методика изучения вопроса / М. И. Тяглый // Голокост і сучасність : науковий часопис / Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України; Український центр вивчення історії голокосту. – № 1. – 2005. – С. 28–42.

Tjaglyj M. I. Antisemitskaja propaganda na okkupirovannyh nacistami sovetskih territorijah : istoriografija i metodika izuchenija voprosa / M. I. Tjaglyj // Golokost i suchasnist' : naukovij chasopis / Institut politichnih i etnonacional'nih doslidzhen' NAN Ukraïni; Ukraïns'kij centr vivchennja istorii golokostu. – № 1. – 2005. – S. 28–42.

6. Омельчук Д. В. Критика большевизма в оккупационной печати на Украине и в Крыму: 1941–1944 / Д. В. Омельчук // Русская литература и российское зарубежье : параллели и пересечения : тезисы докладов научной конференции «V крымские международные чтения», (Алушта, 20–25 сент. 1996) / М-во культуры Автономной Республики Крым, Алуштинский литературно-мемориальный музей С. Н. Сергеева-Ценского, Алуштинский дом-музей И. С. Шмелева, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Международная ассоциация содействия культуре. – Алушта, 1996. – С. 119.

Omel'chuk D. V. Kritika bol'shevizma v okkupacionnoj pečati na Ukraine i v Krymu: 1941–1944 / D. V. Omel'chuk // Russkaja literatura i rossijskoe zarubezh'e : paralleli i peresechenija : tezisy dokladov nauchnoj konferencii «V krymskie mezhdunarodnye chtenija», (Alushta, 20–25 sent. 1996) / M-vo kul'tury Avtonomnoj Respubliki Krym, Alushtinskij literaturno-memorial'nyj muzej S. N. Sergeeva-Censkogo,

**«СОВРЕМЕННОК» 1943 ГОДА: К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ПОДБОРУ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ**

Alushtinskij dom-muzej I. S. Shmeleva, In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk, Mezhdunarodnaja asociacija sodejstvija kul'ture. – Alushta, 1996. – S. 119.

7. Евпаторийские известия / Орган Евпаторийского городского управления. – 1942. – № 23. – 2 мая. – С. 2.

Evpatorijskie izvestija / Organ Evpatorijskogo gorodskogo upravlenija. – 1942. – № 23. – 2 maja. – S. 2.

8. [Объявление] Редакция газеты «Голос Крыма» купит следующие книги // Голос Крыма / Орган Симферопольского городского управления. – 1942. – 30 авг. – С. 4.

[Objavlenie] Redakcija gazety «Golos Kryma» kupit sledujushhie knigi // Golos Kryma / Organ Simferopol'skogo gorodskogo upravlenija. – 1942. – 30 avg. – S. 4.

9. [Объявление] // Голос Крыма / Орган Симферопольского городского управления. – 1943. – 12 мая. – С. 4.

[Objavlenie] // Golos Kryma / Organ Simferopol'skogo gorodskogo upravlenija. – 1943. – 12 maja. – S. 4.

10. [Объявление] // Там же. – 1943. – 27 авг. – С. 4.

[Objavlenie] // Tam zhe. – 1943. – 27 avg. – S. 4.

11. [Объявление] // Там же. – 1943. – 29 авг. – С. 4.

[Objavlenie] // Tam zhe. – 1943. – 29 avg. – S. 4.

12. [Объявление] // Там же. – 1943. – 1 сент. – С. 4.

[Objavlenie] // Tam zhe. – 1943. – 1 sent. – S. 4;

13. [Объявление] // Там же. – 1943. – 3 сент. – С. 4.

[Objavlenie] // Tam zhe. – 1943. – 3 sent. – S. 4.

14. [Дорогие соотечественники] // Там же. – 1943. – 1 окт. – С. 4.

[Dorogie sootchestvenniki] // Tam zhe. – 1943. – 1 okt. – S. 4.

15. Известны 3 сохранившихся экземпляра журнала, хранящихся в Государственном архиве в АР Крым, Архиве ГУ СБ Украины в АР Крым и в одной из личных библиотек в г. Симферополе (копия с экземпляра передана в научную библиотеку «Таврика» им. А. Х. Стевена).

16. Гуркович В. Н. И. Шмелев в журнале «Современник» 1943 года... – С. 59–61.

Gurkovich V. N. I. Shmelev v zhurnale «Sovremennik» 1943 goda... – S. 59–61.

17. Хлебов Б. А. не разместил в «Современнике» ни одной своей статьи, выступив исключительно как редактор журнала. В газете «Голос Крыма» имеется ряд статей, подписанных «Борис Хлебов», «Б. Х.». Обе эти подписи являются псевдонимами Глазырина Бориса Александровича (Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 7, оп. 1, д. 8113, т. 1, л. 40 об.). Глазырин Б. А. имел высшее образование, окончил комвуз, до войны работал заведующим «партийным отделом» Красноярской областной газеты, служил в Красной Армии. Попал в плен, в 1943 году служил в министерстве пропаганды Геббельса, затем был направлен в Штаб пропаганды «Крым». В связи с чем, был назначен на должность заведующего редакцией, которая была создана специально для него, занимался он исключительно литературной деятельностью (Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 7, оп. 1, д. 8113, т. 1, л. 29.).

18. Тархов Владимир Федорович имел высшее духовное образование, до войны работал педагогом литературы, в редакции «Голоса Крыма» являлся заведующим литературным отделом и литературным редактором, пока его не сменил на этих постах, Эристов Г. А. (Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 7, оп. 1, д. 16580, л. 9 об., 17, 19 об.–20.).

19. Булдеев Александр Иванович – 24 ноября 1941 г. городским головой Старого Крыма полковником Синявинным был включен в состав городской управы города ответственным за юридическую часть и вопросы издательства (Приказ по Старо-Крымской городской управе // Освобожденный Крым. – Старый Крым, 1941. – № 3/4. – 29 нояб. – С. 4.). С марта 1942 г. по октябрь 1943 г. А. И. Булдеев занимал должность главного редактора газеты «Голос Крыма» (ГААРК, ф. Р-2638, оп. 2, д. 11а, л. 2–3.).

20. Передовая. Наши задачи // Современник : ежемесячный литературно-политический журнал. – № 1. – Симферополь: Крым, 1943. – С. 1–3.

Peredovaja. Nashi zadachi // Sovremennik : ezhemesjachnyj literaturno-politicheskij zhurnal. – № 1. – Simferopol': Krym, 1943. – S. 1–3.

21. Зондерфюрер доктор Маурах – заведующий отделом печати при Штабе пропаганды «Крым» (ГААРК, ф. Р-1466, оп. 1, д. 1, л. 12.).

22. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 018934.

- Arhiv GU SBU v ARK, f. 8, op. 1, d. 018934.
23. Там же, ф. 7, оп. 1, д. 16220.
Tam zhe, f. 7, op. 1, d. 16220.
24. Там же, оп. 1, д. 10348.
Tam zhe, op. 1, d. 10348.
25. Богомяков Андрей Александрович работал заведующим финансовым отделом Симферопольской управы, систематически размещал статьи в газете «Голос Крыма» под псевдонимом «Доронин», «Иван Доронин» (Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 7, оп. 1, д. 8113, т. 1, л. 45.).
26. Эрстов Георгий Арчилович – профессиональный пропагандист. В Крым прибыл весной 1943 года. С этого времени начинает читать лекции, посвященные РОА, в городах Крыма. После отступления немцев с Северного Кавказа, происходит реорганизация Штаба пропаганды Крым, перестраивается и редакционная коллегия «Голоса Крыма». В связи с этим, Эрстов Г. А. возглавляет литературно-художественный отдел газеты «Голоса Крыма», размещая на ее страницах статьи о литературных произведениях и общественно-политические очерки (Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 018934, л. 17–18). Практически все его статьи размещены в газете под псевдонимом «Инсаров», помимо этого он подписывался «Георгием Александровым», «Георгием Ростовым», «князем Барятинским». По окончании Дабендорфской школы пропагандистов, организованной в апреле 1943 года «Русским комитетом», Эрстов начинает отрудничать с наиболее крупными газетами, издававшимися на русском языке «Заря», «Доброволец» и «Воля народа» (Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны : [сб. док.] / Архив Главного управления СБ Украины в АР Крым; сост. А. В. Валякин, А. А. Кохан; ред. В. И. Хорошковский, В. В. Тоцкий, Г. Г. Орел. – Симферополь, 2011. – С. 377.).
27. Барятинский Г. Осмеянный пророк / Г. Барятинский // Современник : ежемесячный литературно-политический журнал. – № 1. – Симферополь: Крым, 1943. – С. 15–29.
Barjatinskij G. Osmejannyj prorok / G. Barjatinskij // Sovremennik : ezheмесjachnyj literaturno-politicheskij zhurnal. – № 1. – Simferopol': Крым, 1943. – S. 15–29.
28. Булдеев А. Памяти русского поэта : о Бальмонте / А. Булдеев // Голос Крыма / Орган Симферопольского городского управления. – 1943. – 15 февр. – С. 2.
Buldeev A. Pamjati russkogo pojeta : o Bal'monte / A. Buldeev // Golos Kryma / Organ Simferopol'skogo gorodskogo upravlenija. – 1943. – 15 fevr. – S. 2.
29. Булдеев А. Памяти поэта / А. Булдеев // Там же. – 1943. – 12 авг. – С. 3.
Buldeev A. Pamjati pojeta / A. Buldeev // Tam zhe. – 1943. – 12 avg. – S. 3.
30. Булдеев А. Поэт М. А. Волошин : к 10-летию со дня смерти / А. Булдеев // Там же. – 1943. – 12 авг. – С. 3.
Buldeev A. Pojet M. A. Voloshin : k 10-letiju so dnja smerti / A. Buldeev // Tam zhe. – 1943. – 12 avg. – S. 3.
31. Федоров В. Общественная панихида по М. А. Волошине / В. Федоров // Там же. – 1943. – 14 авг. – С. 4.
Fedorov V. Obshhestvennaja panihida po M. A. Voloshine / V. Fedorov // Tam zhe. – 1943. – 14 avg. – S. 4.
32. Федоров В. Хорошее начало / В. Федоров // Там же. – 1943. – 16 авг. – С. 4.
Fedorov V. Horoshee nachalo / V. Fedorov // Tam zhe. – 1943. – 16 avg. – S. 4.
33. Передовая. Наши задачи // Современник : ежемесячный литературно-политический журнал. – Симферополь : Крым, 1943. – С. 1–3.
Peredovaja. Nashi zadachi // Sovremennik : ezheмесjachnyj literaturno-politicheskij zhurnal. – Simferopol' : Крым, 1943. – S. 1–3.
34. А. Филофеев – псевдоним А. И. Булдеева.
35. Поливанов М. П. с 1942 по 1943 годы работал штатным сотрудником Штаба пропаганды «Крым», преподавал в школе № 1. Осенью 1943 года эвакуировался вместе с семьей из Крыма в Германию (Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 7, оп. 1, д. 16220, л. 13об).
36. Статья была написана для Штаба Розенберга. Перевод ее на немецкий язык хранится в Центральном Государственном архиве высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО, ф. 3676, оп. 1, д. 82, л. 17–27).

37. Колхозного рабства больше не будет : русский крестьянин становится свободным // Голос Крыма / Орган Симферопольского городского управления. – 1942. – 5 мар. – С. 1.
Kolhoznogo rabstva bol'she ne budet : russkij krest'janin stanovitsja svobodnym // Golos Kryma / Organ Simferopol'skogo gorodskogo upravlenija. – 1942. – 5 mar. – S. 1.
38. Новое земельное устройство – залог успешного развития сельского хозяйства : новый земельный порядок // Голос Крыма / Орган Симферопольского городского управления. – 1942. – 8 мар. – С. 1.
Novoe zemel'noe ustrojstvo – zalog uspešnogo razvitija sel'skogo hozjajstva : novyj zemel'nyj pravoporjadok // Golos Kryma / Organ Simferopol'skogo gorodskogo upravlenija. – 1942. – 8 mar. – S. 1.
39. Филофеев А. Крестьянство и Новая Россия / А. Филофеев // Современник : ежемесячный литературно-политический журнал. – Симферополь : Крым, 1943. – С. 83–91.
Filofeev A. Krest'janstvo i Novaja Rossija / A. Filofeev // Sovremennik : ezhemesjachnyj literaturno-politicheskij zhurnal. – Simferopol' : Krym, 1943. – S. 83–91.
40. Альфа. К открытию университета в Крыму / Альфа // Голос Крыма / Орган Симферопольского городского управления. – 1942. – 15 февр. – С. 4.
Al'fa. K otkrytiju universiteta v Krymu / Al'fa // Golos Kryma / Organ Simferopol'skogo gorodskogo upravlenija. – 1942. – 15 fevr. – S. 4.
41. Романько О. В. Органы управления на оккупированной территории Крыма, 1941–1944 / О. В. Романько // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 11. – С. 5–13.
Roman'ko O. V. Organy upravlenija na okkupirovannoj territorii Kryma, 1941–1944 / O. V. Roman'ko // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2005. – № 11. – S. 5–13.
42. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 7, оп. 1, д. 10118, т. 1.
Arhiv GU SBU v ARK, f. 7, op. 1, d. 10118, t. 1.
43. Беллеца С. А. Освіта в Україні під час нацистської окупації : на матеріалах Дніпропетровської області / Сімоні Аттіліо Беллеца; перекл. Ірина Кашей // Український історичний журнал. – 2010. – Вип. 3. – С. 78–91.
Belleca S. A. Osvita v Ukraїni pid chas nacists'koї okupacїї : na materialah Dnipropetrovs'koї oblasti / Simone Attilio Bellecca; perekł. Irina Kashhej // Ukraїn's'kij istorichnij zhurnal. – 2010. – Vip. 3. – S. 78–91.
44. Гуркович В. Н. Образ врага.... – С. 140–147.
Gurkovich V. N. Obraz vraga.... – S. 140–147.
45. Новому обществу – возрожденная интеллигенция // Голос Крыма / Орган Симферопольского городского управления. – 1942. – 22 февр. – С. 1.
Novomu obshhestvu – vrozozhdennaja intelligencija // Golos Kryma / Organ Simferopol'skogo gorodskogo upravlenija. – 1942. – 22 fevr. – S. 1.
46. Гогун А. Черный PR Адольфа Гитлера : СССР в зеркале нацистской пропаганды / А. Гогун. – М. : Эксмо, Яуза, 2004. – 416 с.
Gogun A. Chernyj PR Adol'fa Gitlera : SSSR v zerkale nacistskoj propagandy / A. Gogun. – M. : Jeksmo, Jauza, 2004. – 416 s.
47. Клемперер В. Язык третьего рейха : записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьева. – М. : Прогресс-Традиция, 1998. – 167 с.
Klemperer V. Jazyk tret'ego rejha : zapisnaja knizhka filologa / per. s nem. A. B. Grigor'eva. – M. : Progress-Tradicija, 1998. – 167 s.
48. Т-ий А. О влиянии немецкого языка на русский / А. Таманский // Современник : ежемесячный литературно-политический журнал. – № 1. – Симферополь : Крым, 1943. – С. 41–48.
T-ij A. O vlijanii nemeckogo jazyka na russkij / A. Tamanskij // Sovremennik : ezhemesjachnyj literaturno-politicheskij zhurnal. – № 1. – Simferopol' : Krym, 1943. – S. 41–48.

Кохан А. А. «Современник» 1943 року: до питання про діяльність редакційної колегії та підбору опублікованих матеріалів / А. А. Кохан // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 34–44.

Проаналізовано зміст виданого у 1943 року журналу «Современник». Розглядається структура редакційна колегія та авторський колектив журналу. Також у статті висвітлюється питання о зв'язку матеріалів, розміщених на сторінках «Современника» і газети «Голос Крима».

Ключові слова: окупація Криму 1941–1944 рр., Штаб пропаганди «Крим», преса, журнал «Сучасник».

Kokhan A. «Sovremennik» of 1943: to a question on activity of an editorial board and selection the published materials / A. Kokhan // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 34–44.

The article discusses the highlights of the publication of the journal «Sovremennik», the only room which was published in the summer of 1943. Editorial Board consisted of employees Staff propaganda Crimea and Staff propaganda Causasus. A.I. Buldeev was a main editor of the newspaper «Golos Kryma».

Staff propaganda propagandists acted as authors of all articles in the magazine. A magazine controlled German soldiers arrived in the Crimea with the army of General Enekke.

Attention is drawn to the fact that the magazine is a logical continuation lines of propaganda that can be followed in the newspaper «Golos Kryma» in the second half of 1942 – early 1943 's.

As a literary and political publication, the magazine «Sovremennik» covers topics such as the development of Russian culture of the Silver Age, its relationship with the German national culture of the late XIX - early XX centuries. The authors emphasize the role of German literature in the development of Russian culture. The political component of the journal is based on the need to fight against Bolshevism, which is apparent in the official German propaganda line from the beginning of the Great Patriotic War and the release of the first pro-German Russian-language editions in November 1941.

Oddly enough, but the magazine does not contain anti-Semitic and national sentiments which were intrinsic to the «Golos Kryma» until March 1944. However, there are materials that are dedicated to the development of education and culture in the «New Europe».

The study identified and clarified aliases authors had published their work in the newspaper «Golos Kryma» and published articles in the «Sovremennik». Therefore magazine can be viewed as the key to deciphering the number of aliases A.I. Buldev, P. Naumov.

In general, the magazine «Sovremennik» summarized the work of the editorial board of the newspaper «Golos Kryma», becoming the orderly collection, which presents the main ideas of pro-German inhabitants of the peninsula.

Another important feature of the publication is that the editorial board composed of representatives of the two staffs propaganda, so the magazine is a turning point in changing the propaganda model in Crimea.

Key words: occupation of Crimea 1941–1944, Staff of propaganda «Crimea», the press, magazine «Sovremennik».

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., проф. Е. В. Смынгына

К БИОГРАФИИ ТАВРИЧЕСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА

А. М. БОРОЗДИНА

Кравчук А. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: alexandrkravchuk@ukr.net*

Восстановлена биография государственного деятеля первой половины XIX в. – А. М. Бороздина. Проанализирована его работа на посту таврического гражданского губернатора. А. М. Бороздин был третьим губернатором Таврической губернии и занимал этот пост дольше всех. Во время его губернаторства в Крыму были созданы первые промышленные объекты. На новый уровень вышло виноградарство, виноделие и шелководство. Как крупный помещик, он организовал производство сукна и фесок в своем имении Саблы. Создал крупный виноградник и один из лучших садовых питомников на юге Украины. Одним из первых среди русского дворянства А. М. Бороздин возвел дачу на Южном берегу Крыма. Парковое хозяйство в Кучук-Ламбате считается одним из самых старых в Крыму. Именно при губернаторстве А. М. Бороздина начали активно расстраиваться крымские города, особенно быстро развивался Симферополь. Губернатор был одним из самых известных людей в Тавриде в первой половине XIX века. Его имения посещали русские и иностранные путешественники, большинство из которых составляли французы.

Ключевые слова: А. М. Бороздин, Таврическая губерния, губернатор, Саблы, Кучук-Ламбат.

Административное устройство и развитие коммуникаций Российской империи в XIX веке создавало особые условия реализации управленческой структуры на местах. Многое в то время зависело от человека, который назначался на должность губернатора. Анализ назначений на должность таврического гражданского губернатора в первой половине XIX века, дает нам понять, что зачастую этот пост занимали люди, не имеющие достаточно богатого административного опыта.

Таврический гражданский губернатор непосредственно подчинялся Херсонскому, а позже Новороссийскому генерал-губернатору, что существенно ограничивало его возможности. Несмотря на это, правитель Тавриды все же обладал широким кругом полномочий.

Анализируя логику назначения таврических гражданских губернаторов, следует обратить внимание на определенные факты. Первым губернатором был определен Григорий Петрович Милорадович, который пробыл в должности с 13 января 1802 по 2 августа 1803 годов [26, с. 280–284]. Чиновник просил уволить его, мотивируя это тяжелым финансовым положением и необходимостью кормить большую семью. Вторым стал Дмитрий Борисович Мертваго, занимавший пост с 26 декабря 1803 по 28 октября 1807 годов [26, с. 280–284]. Так же был уволен от должности по собственному желанию и, как его предшественник, аргументировал это тяжелым финансовым положением.

Сложное финансовое положение губернаторов было характерно для всей Российской империи [11]. Жалование губернских чиновников было настолько ничтожно, что не могло обеспечить им достойного существования. Исследуя состояние администрации начала XIX века, историк Н. Ф. Дубровин отмечал: «Губернатор, хо-

зьяин губернии, имеет расходы, превышающие его жалование, ибо правительство на письмоводство отпускает сотню рублей, когда содержание канцелярии его стоит несколько тысяч. Гражданский губернатор получает гораздо менее жалования, чем вице-губернатор. Управляющий винной продажей в уезде, один получает более жалования, чем все чиновники целого уезда» [28, с. 61].

В этой связи, следует предположить, что назначая губернатором Андрея Михайловича Бороздина немаловажным было то, что он был богатым человеком. А. М. Бороздин, занимал должность таврического гражданского губернатора дольше любого из своих коллег. Он был назначен 2 ноября 1807 года и управлял губернией до 20 июля 1816 года [26, с. 280–284].

В историографии нет исследований, комплексно изучающих жизнь и деятельность А. М. Бороздина. К этой проблеме обращались в своих работах местные краеведы С. Л. Белова [6–10], Г. А. Лапаева [32]. Их исследования связаны с деятельностью третьего таврического губернатора как крупного крымского помещика, расстраивающего свои имения в Саблах и Кучук-Ламбате. В литературно-историческом очерке Г. А. Лапаевой под названием «Долина Девы», допущен ряд неточностей и ошибок. Так характеризуя деятельность А. М. Бороздина, автор пишет: «Перед ним [А. М. Бороздиным] встали трудные задачи культурного, экономического, административного возрождения края, в котором только 8 октября 1802 года было воссоздано губернское правление. Отсутствовало практически все, что могло бы решить это проблемы, включая самое элементарное: здание для размещения управленческого аппарата, в том числе и дом губернатора <...>. В казну приобретают дом академика П. С. Палласа для размещения в нем губернатора» [32, с. 31–32]. Очевидно, что Г. А. Лапаева мало знакома с деятельностью предшественника А. М. Бороздина – Д. Б. Мертваго. Именно при нем был заложен тот фундамент развития Таврической губернии, на который опирались все те, кто занимал эту должность после. Дмитрий Борисович инициировал покупку дома у П. С. Палласа, для проживания губернаторов. Вот что говорят архивные источники. В августе 1804 года В. П. Кочубей писал херсонскому военному губернатору – А. Э. Ришелье: «Генерал Розенберг доносил, что таврический гражданский губернатор [Д. Б. Мертваго] по препоручению его представил план для дома гражданского губернатора в Симферополе, со сметой о сумме на построение и отделку оного потребной. Предоставил смету, сколько будет стоить перестройка дома действительного статского советника Палласа. Гражданский губернатор донес при том ему, что сей последний дом прочен и судя по ценам на материалы и работы, в тамошнем краю существующим стоит 14000 рублей и если употребить на небольшую поправку и переделку внутреннего расположения его до 1000 рублей, то будет оный весьма удобным для помещения губернатора. Я [В. П. Кочубей – министр внутренних дел] испрашивал высочайшего повеления об отпуске, для заплаты за оный дом и на нужную поправку и перестройку его пятнадцать тысяч рублей из строительного капитала в январе будущего 1805 года».

Исследование профессора И. А. Линниченко [33] содержит лишь краткую биографию А. М. Бороздина. Автор преследовал цель опубликования нового источника по истории Крыма – «Неизвестное путешествие по России» Ж.-Ф. Гамбы, которое и

было издано на французском языке. В наши дни профессором А. А. Непомнящим издан перевод опубликованного И. А. Линниченко отрывка [41]. Слабая изученность темы усиливает актуальность исследования.

Бороздины – старинный русский дворянский род, своими корнями, уходящий к Юрию Лозыничу, выехавшего в 1327 году из Волынской земли к тверскому князю Александру Михайловичу. Правнук его Иван Васильевич имел прозвище Борозда, а его сыновья и внуки стали называться Бороздинами. В XIV веке Бороздины были боярами Тверского княжества, а позже Московского [30]. Отец Андрея Михайловича Бороздина – Михаил Савич (1740–1796 гг.) генерал-поручик при императорах Елизавет, Петре III и Екатерине II. Участвовал во многих походах, был сенатором [30]. Мать – Анастасия Андреевна Крекшина – происходила из русского дворянского рода, берущего свое начало с XVII века. Родовые имения Бороздиных располагались в Чигиринском уезде Киевской губернии. У Михаила Савича и Анастасии Андреевны было трое сыновей – Андрей, Михаил, Николай. Андрей Михайлович был старшим сыном.

Его брат Михаил Михайлович Бороздин. В шесть лет был записан в лейб-гвардии Измайловский полк. Впоследствии стал генерал-лейтенантом, неоднократно поощрялся на военной службе. Известен так же как комендант острова Мальта, начальник обеих Сицилий, участник Бородинского сражения. Младший брат, генерал от кавалерии, Николай Михайлович Бороздин был командиром 1-й бригады 1-й кирасирской дивизии, шефом сформированного им Астраханского кирасирского полка. Бригада его отличилась в Бородинском сражении. Являлся кавалером трех орденов.

Андрей Михайлович Бороздин окончил Кембриджский университет, начал службу в 1773 году каптенармусом Семеновского полка, позже получил звание прапорщика. Участвовал в военной компании против шведов в 1789 и 1791 годах. В 1796 году получил чин полковника. В связи со смертью отца 21 января 1796 года, Андрей Михайлович как старший сын, вынужден был стать во главе семейства. В 1798 году А. М. Бороздин вышел из гвардии, был произведен в генерал-майоры и назначен шефом Троицкого мушкетерского полка. Через два года – 5 февраля 1800 года – получил звание генерал-лейтенанта. В том же году он вышел в отставку, после чего занялся управлением родовыми имениями. В 1810 году А. М. Бороздин женился на Софье Львовне Давыдовой, внучатой племяннице князя Потемкина, сестре Н. Н. Раевского.

А. М. Бороздин имел сына Льва Андреевича, впоследствии предводителя дворянства Чигиринского уезда Киевской губернии, и дочерей – Марию и Екатерину. Мария в первом браке была замужем за известным декабристом И. В. Поджио и во втором за генералом Алексеем Ивановичем Гагариным. Екатерина была замужем за декабристом Владимиром Николаевичем Лихаревым, а в 1833 г. вышла замуж за помещика Таврической губернии Шостака.

Во время войны с французами в 1806 году А. М. Бороздин служил в киевской милиции, в Чигиринском повете, поветовым начальником, под командованием князя А. А. Прозоровского [30].

Еще в 1802 году Андрей Михайлович купил у графа Н. С. Мордвинова Саблыньскую дачу и перевел в нее девять семей крепостных из Киевской губернии. Именно это событие навсегда связало А. М. Бороздина с Крымом.

Итак, указом от 2 ноября 1807 года А. М. Бороздин был назначен Таврическим гражданским губернатором. К моменту назначения ему исполнилось 42 года. Перед новым начальником края стояло много неразрешенных проблем. Все их можно разделить на несколько групп: земельные проблемы, малонаселенность большей части Таврической губернии, слабая развитость инфраструктуры и промышленности, урегулирование положения ногайцев, развитие городов.

Земельные проблемы возникли еще при втором губернаторе – Д. Б. Мертваго. Сложность заключалась в определении границ земельных владений и их хозяев. Для урегулирования этого вопроса была учреждена специальная «Комиссия для разрешения земельных споров», просуществовавшей с 1802 по 1810 года. Особой роли в работе этой комиссии А. М. Бороздин не сыграл, учреждена она была еще при его предшественнике и основная часть дел была решена тогда же. Однако, именно невмешательство в работу данного учреждения А. М. Бороздина как губернатора, привело к тому, что возникающие споры между крымскими татарами и российским дворянством решались в пользу последних. Подобная ситуация привела к обострению ситуации в последние годы губернаторства А. М. Бороздина.

В религиозной сфере особого внимания требовало приведение к стабилизации положения среди исламского духовенства. Составленные и частично реализованные Д. Б. Мертваго «Штаты духовного правления магометанского закона и правила для производства и о обязанностях духовных» не получили поддержки со стороны А. М. Бороздина. Что привело к осложнению взаимоотношений между различными группами исламского духовенства в борьбе за власть и влияние внутри управленческой структуры. А. М. Бороздин ограничивался заискиванием с высшим исламским духовенством. Но при этом очень внимательно относился ко всем просьбам, старался разобраться в сути обращений.

Так в январе 1809 года к губернатору с прошением о повышении жалования обратился кадиаскер Магмут Эфенди. Кадиаскер аргументировал свою просьбу тем, что его предшественник получал на 1000 рублей больше [18, л. 15] Проведя анализ имеющихся в архиве канцелярии документов, губернатор отказал просителю. Данный случай иллюстрирует его стремление самостоятельно контролировать взаимоотношения с исламским духовенством.

Что касается взаимоотношений с православной церковью, то в этой сфере ситуация была не менее напряженной. Именно А. М. Бороздин стал виновником того, что Александро-Невский собор, который должен был стать главным храмом в губернии, возводился так долго и не был реализован первоначальный проект на берегу реки Салгир, рядом с Суворовским редутом. С. Л. Белова ошибочно утверждает, что проект собора был разработан губернским архитектором Карасевым по заданию А. М. Бороздина [10, с. 28]. Архивные источники говорят нам о том, что проект был разработан еще при губернаторе Д. Б. Мертваго, однако строительство началось именно при А. М. Бороздине. Сам губернатор должен был контролировать сооруже-

ние храма, но по его недосмотру строительство велось медленно и некачественно. Позже этот факт стал одним из поводов для его отставки и даже ареста имущества.

Вместе с тем, губернатор большое внимание уделял развитию губернской столицы – Симферополю. На северо-западе выросли жилые кварталы, проходило строительство здания городского магистрата, полиции и казначейства. Дефицит строительных материалов подтолкнул чиновника к постройке кирпичных, известковых заводов, открылись заводы по изготовлению свечей, мыла. Всего в городе их было пятнадцать.

Особое попечение со стороны А. М. Бороздина получила промышленность. Фактически к моменту вступления в должность губернатора промышленные заведения в Таврической губернии отсутствовали. Вся деятельность А. М. Бороздина в этой отрасли можно разделить на два направления. Первое из них – это поддержка как губернатора начинаний других людей и казны, второе – создание собственных промышленных заведений в имени Саблы. Развитие промышленности вызывало у А. М. Бороздина неподдельный интерес. Он часто выступал инициатором создания различных промышленных заведений, многие из его проектов так и не были реализованы. В ходе войны против французов возникла острая необходимость в создании заводов для производства селитры и изготовления из нее пороха. Эта потребность еще более была осязательна в Таврической губернии, где базировался Черноморский флот и существовала угроза высадки турецкого десанта в случае конфликта с Османской империей. Именно под руководством А. М. Бороздина в 1812–1813 годах создавался селитренный завод по производству пороха в Инкермане.

А. М. Бороздин собирался обратиться к традиционным способам добычи селитры в Крыму. Для этого был составлен специальный доклад, о добыче селитры во времена Крымского ханства. Приведем выдержки из него: «До присоединения Крыма к России селитроварение составляло важную ветвь в сельской промышленности татар, особенно в степной части полуострова Таврического. Тогда выделялось селитры столь значимое количество, что доставало оной не только на все внутренние потребности, но еще несколько тысяч пудов отпускалось ежегодно в Анатолию и Константинополь. Успеху в сем, без сомнения, способствовало изобилие селитренной земли, которую татары находили в буграх или курганах составленных из золы, остающейся после сожженного кизяка. Кизяк в тамошних безлесных местах как ныне, так и прежде служил вместо дров. Курганы сии быв в ненастную погоду осенью и зимой всегда сухи, служили убежищем для скота, а особливо овец, кои охотно на них в сие время ложились для отдыха, и от мочи и помета оных зола в кучах тех со временем превращались в селитренную землю весьма хорошего качества. Промышленность сия прекратилась в результате последовавшего запрещения частным людям торговать селитрою внутри и вне государства.

Я бы думал, что и в сем случае губернское начальство могло бы принять на себя посредство между частными людьми и артиллерийским департаментом, заключая от своего лица с татарами контракты на поставку селитры» [21, л. 33–35].

Через посредничество херсонского военного губернатора А. М. Бороздину удалось создать завод. Ему непосредственно поручил организацию производства в Инкермане херсонский военный губернатор А. Э. Ришелье: «Господин управляющий

военным министерством князь Горчаков по поручению Комитета Министров требует содействия моего на отвод в Инкерманской долине места под устройство селитренного завода и некоторых пещер в той же долине под хранилище материалов и вещей при заводе быть должных. Кроме того, дано предписание на дозволение собирать в Крыму находимые способными для выщелачивания селитры земли. Требование сие господина управляющего министерством имею честь отнести к вашему превосходительству, как местному начальнику крымского полуострова для вашего исполнения» [23, л. 151]. Данное предписание было выполнено в кратчайшие сроки. Уже в 1812 году завод начал свою работу.

Еще одной отраслью промышленности, которую А. М. Бороздин пытался создать и развить в Таврической губернии, было шелководство. Начало работы над организацией производства шелка началось при Д. Б. Мертваго, когда в предгорных и южнобережных районах Крыма начали посадку шелковиц. В тоже время был введен и пост инспектора над шелководством. Но все эти усилия не давали ожидаемого результата.

А. М. Бороздин попытался продолжить работу в этом направлении. По его инициативе сначала уволили действующего инспектора над шелководством титулярного советника Изюмского [18, л. 124] и назначили нового: «На имеющуюся вакансию инспектора над шелководством в Таврической губернии в 29 день апреля 1809 года министр внутренних дел определил, служившего в департаменте внутренних дел титулярного советника Белопольского» [18, л. 149]. При непосредственной поддержке губернатора, к министру внутренних дел обратился грек Липараки с просьбой о ссуде 100 тыс. рублей для заведения шелковичных предприятий в Крыму [20, л. 16]. Однако этому проекту не суждено было осуществиться, из-за его дороговизны. Кроме того, что А. М. Бороздин стремился к развитию данной отрасли как губернатор, он участвовал в этом и как помещик. В своем имении Саблы, он построил теплицу, в которой проводил опыты по выведению шелковичной гусеницы.

Перспективной отраслью, которая могла бы приносить ощутимы доходы казне, А. М. Бороздин считал виноградарство и виноделие. Центром виноградарства и виноделия в это время было Крымское виноградное училище, располагающиеся в Судаке. Губернатору было поручено использовать все возможные меры для улучшения состояния данного заведения. Для того, что бы хоть как-то наладить производство вина и улучшить качество выращиваемых сортов при содействии Ф. К. Маршала фон Биберштейна и А. М. Бороздина в Крым был приглашен иностранец Мари, на что было дано согласие А. Э. Ришелье, который писал таврическому губернатору: «Согласно отношению ко мне вашего превосходительства я предоставляю вам выписать иностранца Мари в Крым, и на проезд выслать четыреста рублей. А об определении его смотрителем виноградного училища с жалованием коего господин Мари испрашивает, и с пожалованием небольшого участка земли отнесся я к товарищу министра внутренних дел» [25, л. 91].

Губернатор лично настаивал на назначении Мари: «Ваше превосходительно в представлении ко мне от 12 числа прошедшего мая рекомендовали иностранца Мари искусного в хорошем виноделии. Ваше превосходительство желали определить в Крым смотрителем виноградного училища, на место титулярного советника Катау-

рова. Мне известно лично, что училище в Судаке с самого учреждения его и при всех попечениях Катаурова не достигло еще и поныне желаемого успеха, и уверяясь на свидетельствование ваше, я в тоже время охотно ходатайствовал о помещении господина Мари на место Катаурова» [25, л. 165–165 об.].

Кроме того, А. М. Бороздин завел собственные виноградные сады в имении Саблы и Кучук-Ламбате. Для их развития губернатор пригласил опытных иностранных садоводов. Ученик великого французского ученого Лавуазье – Ф. А. Дессер, немецкий паркостроитель Либо, его коллега из Франции Э. Л. Лоран, садовод-декоратор С. К. Савин – в разные периоды истории имения, руководили работами в Саблах, Кучук-Ламбате, Карасане и других местах.

Известный украинский селекционер-плодовод, помолог Л. П. Симиренко отметил, что: «Саблынский питомник Бороздина был первым в Крыму рассадником, из которого все жалеющие в течение многих лет получали нужные им запасы плодовых деревьев» [10, с. 30].

Немаловажную роль А. М. Бороздин сыграл и в создании Никитского ботанического сада. В 1811 году таврический губернатор путешествовал по Крыму вместе с А. Э. Ришелье. Они совместно выбрали место для основания ботанического сада. Таврический гражданский губернатор предложил на пост нового учреждения директора коллежского советника Христиана Христиановича Стевена, который осенью 1811 года дал свое согласие. Сам оказывал большую помощь Никитскому ботаническому саду в приобретении растений из разных уголков земли, выделял для этого собственные средства.

Кроме всего прочего, губернатор выступил инициатором нескольких проектов, которые не были реализованы. Один из них, касался города Евпатории. Для оживления торговли в портовом городе А. М. Бороздин предлагал постоить крупный промышленный мол, таким был ответ министра внутренних дел А. Б. Куракина, датируемый 11 февраля 1810 года: «На представление вашего превосходительства о ссуде из казны 200 тыс. рублей для постройки в городе Евпатории мола, честь имею сообщить вам, милостивый государь мой, что за расписанием всех государственных доходов на определенное их назначение не можно удовлетворить новых значительных издержек в течении сего года, а потому и остается вашему превосходительству войти о сем с представлением вашим в последующее время» [19, л. 25].

Губернатор планировал создать крупную суконную фабрику. Отсутствие в Таврической губернии учреждений способных удовлетворить спрос на сукно, привело к тому, что цены на ткани были существенно завышены. Для разрешения этой проблемы А. М. Бороздин обратился с идеей создания крупной суконной фабрики к министру внутренних дел – А. Б. Куракину. На что последний ему отвечал: «На представление вашего превосходительства о заведении под ведомством Таврического приказа Общественного призрения Мелитопольского уезда в селении Токмак суконной фабрики и о выдаче на заведение в суду 100 тыс. рублей, я долгом поставляю ответить вам. Заведение при приказах фабрик, предположено более для того, дабы штатные команды и прочие по губерниям нижние чины изделиями оных обслуживаемы быть могли. Для сего не нужно обширного заведения, а довольно устроить его первоначально на 2 или на 4 стана, что таковое заведение удобнее все-

го учредить в губернском городе, где и особых чиновников для того не понадобится. Только для создания такого вида учреждения положена от казначейства сумма. Что же касается до обширных фабрик, то о сем Правительство имеет особые свои виды» [19, л. 22].

В связи с тем, что не удалось создать суконную фабрику за казенные деньги, губернатор видя очевидные выгоды, решил организовать предприятие за собственный счет в Саблах. Возвел фабричные строения – пять каменных однотипных двухэтажных зданий. Использовались машины, созданные в Санкт-Петербурге, Европе – в частности французские. Кроме того были и образцы изготовленные местным изобретателем Фейном.

На фабриках были задействованы рабочие иностранцы, сохранилось имя красильщика Филиппа Гензеля. Основную часть рабочих составляли крепостные крестьяне. Производимые на фабрике ткани отличались качеством и дешевизной. Производство было организовано частично благодаря государственной программе развития суконного производства, начатой в Российской империи в первой четверти XIX века.

В имении существовала и сукновальная мельница, которая находилась на берегу реки Альма. В комплекс фабричных заведений входил и кожевельный завод, управляющим которого был немец Карл Гессек.

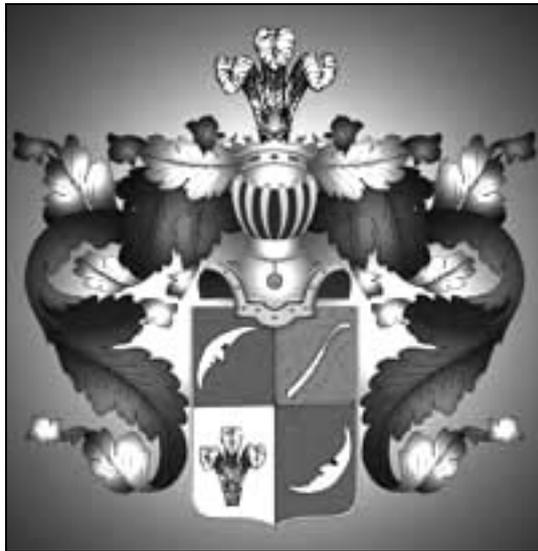
А. М. Бороздин хотел построить фабрику химических продуктов. Был составлен подробный проект, но эта задумка осталась нереализованной. Основной причиной было отсутствие денег. Губернатор стремился воплотить в жизнь организацию производства за счет казны, однако в Министерстве внутренних дел посчитали затраты на создание фабрики чрезмерно высокими.

Одной из важнейших проблем, стоявшей перед губернаторами Таврической губернии в первой половине XIX века, было заселение малонаселенных районов края. Так, второй таврический губернатор Д. Б. Мертваго составил собственный проект решения этой проблемы, предусматривающий заселение земель болгарами и греками, который так и остался нереализованным. А. М. Бороздин подходил к делу более прагматично. Понимая те условия, в которых находилась Российская империя в первой четверти XIX век, губернатор не пытал иллюзий, на счет быстрого населения переселенцами Таврической губернии.

А. М. Бороздину пришлось столкнуться с тем, что у некоторых армян и крымских татар были рабы. Такая же проблема стояла и перед его предшественником, но решена она была только при третьем губернаторе. Положение этих людей было тяжелым. Руководитель губернии обратился к министру внутренних дел с просьбой разрешить рабам, которых в Крыму называли ясырем, расселяться в Таврической губернии на равных правах с молдавскими переселенцами. В ответ на эту просьбу последовал указ императора: «В 21 день августа 1808 г. состоялся указ Его Императорского Величества. Следует ясырь, который имели в Крыму армяне и некоторые татары, и кой от работы учинены свободными, водворить скоро и прочно на основании правил. При водворении сделать им вспоможение равное как и молдавским переселенцам из суммы на водворение колонистов определенной» [22, л. 55].

А. М. Бороздин

Герб рода Бороздиных

Дом А. М. Бороздина в Саблах

Склеп А. М. Бороздина в Кучук-Ламбаде

Непросто обстояли дела с ногайцами, расселившимися на реке Молочные воды Днепровского уезда. Первые поселения ногайцев возникли здесь еще при Д. Б. Мертваго. При нем же была введена должность начальника ногайских орд. Медлительность, с которой действовал в этом направлении А. М. Бороздин, привела к ухудшению жизни этого народа. Так, известен факт, когда губернатор в течение целого года, без весомых причин, не отправлял губернского землемера для отвода земли новопривывшим для поселения ногайцам: «Начальник ногайцев на Молочных водах господи коллежский асессор и кавалер граф де Мезон доносил мне [А. Э. Ришелье], что в исходе прошлого 1810 в начале 1811 годов прибыли ногайцы из-за Кубани выведенные. Они о сию пору не водворены надлежащим образом из-за не отмежевания им назначенных земель. Чрез что нельзя строить дома, они теснятся с нуждою между старожилками ногайцами. Граф де Мезон относился несколько раз к Таврическому правительству и к вам, милостивый государь мой, о высылке к нему землемера, но его и о сию пору не выслано. Ваше высокородие прошу покорнейше настоять, что бы непременно и теперь же землемер был выслан на Молочные воды. Если упустить настоящее время для размежевания земель, то ногайцы должны будут потерять целый год и бедствовать. Почему еще раз повторяю мою к вам просьбу о высылке к ним землемера, дабы с наступлением весны могли заняться полевыми работами на собственной уже земле» [23, л. 38]. Несмотря на настойчивые просьбы херсонского военного губернатора, землемер был выслан лишь в конце 1812 года, т.е. только через полгода.

Из новопривывших были создавались селения: «Начальник ногайцев коллежский асессор граф де Мезон по прибытии к нему землемера Краснолуцкого, указал ему землю к размежеванию на вершине Азыз Утлюка, где выведенные из-за Кубани ногайцы поселятся намеренны. Предполагается составить из ногайцев сих четыре селения: Айтамгалы, Кильчик (с. Новоданиловка, Акимовский район, Запорожской области), Чокбар и Алтогуль. Граф де Мезон полагает отмежевать к тем селениям до 20 тыс. десятин земли, которая могла бы быть полезна и для других ногайцев могущих прийти для поселения в тех селениях» [23, л. 114].

Губернатор, будучи высокообразованным человеком, активно помогал развитию образования в губернии. По его инициативе был куплен дом у княгини Горчаковой – жены поэта-сатирика – Д. П. Горчакова для будущей гимназии. Дом располагался в Гимназическом переулке (ныне – ул. Ушинского). Вот что писал по этому поводу херсонский военный губернатор А. Э. Ришелье 26 февраля 1810 года: «Одобрив с моей стороны предложение вашего превосходительства, я согласен на покупку дома княгини Горчаковой для Симферопольской гимназии вами, милостивый государь мой, назначаемого, – как равно и на заплату за оной денег из суммы на улучшение городов ассигнованной» [20, л. 41].

Сам А. М. Бороздин выписывал много различных журналов и всегда был в курсе событий, происходящих в мире. Выступал в роли человека, знакомящего местное дворянство с издающимися в Российской империи изданиями. А. Э. Ришелье писал таврическому губернатору: «Вашему превосходительству, думаю сею пору известно, что при министерстве внутренних дел издаваемы ведомости под заглавием «Северная почта» или «Новая Санкт-Петербургская газета». Полагать так же можно, что

вы милостивый государь мой, получили о той газете сообщение от министерства. Считаю обязанностью моею покорно просить вас, чтобы вы довели до сведения о сей новоиздаваемой газете, живущих во вверенной вам губернии, и способствовали к умножению числа желающих подписываться на получение оной» [16, л. 158].

В имении Кучук-Ламбат А. М. Бороздиным была собрана большая библиотека. Вот как его характеризовал писатель, историк П. П. Свиньин, побывавший в южнобережном имении губернатора: «В Кучук-Ламбате, у Андрея Михайловича Бороздина, самый прихотливый житель столицы может получить понятие о наслаждениях жизни в сем краю, может увидеть соединение изящного вкуса, опытности, просвещения – с прелестною, роскошною природою. Кучук-Ламбат есть будуар всего Крыма! Поймете сие выражение, когда скажу вам, что почтенный владелец оногo получает более десяти журналов (в том числе и иностранные), и помощью сих телескопов, из кабинета своего, из-за неприступной стены Аюдага – видит ход политики и просвещения в целом мире, – есть гражданин вселенной» [44, с. 123–124].

В 1809 году А. М. Бороздин за заслуги перед Отечеством был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

Одним из самых сложных испытаний для губернатора была борьба с чумой, которая охватила город Феодосию и окружающие селения в 1812 году. В столь сложной ситуации губернатор проявил себя не с лучшей стороны. Чума появилась в Феодосии летом 1812 года. Вот что писал по этому поводу 3 сентября 1812 года херсонский военный губернатор А. М. Бороздину: «К крайнему прискорбию моему извещаюсь я от его превосходительства Семена Михайловича Броневского [феодосийского градоначальника в 1810–1816], что в в Феодосии появилась опасная болезнь на людях, на некоторых из умерших оказались даже карбункулы. Сие было поводом господину Броневскому город Феодосию подвергнуть карантину, до совершенного истребления болезни. В таком положении нельзя быть удостоверенным, что бы та же болезнь не была вынесена из Феодосии. Посему сколько ни прискорбна мера, которая представляется теперь крайнейшею, дабы оградить пределы от сей болезни, надобно пресечь всякое с Крымом сообщение, учредить строгие распоряжения к Черному морю. Перекоп запереть, что бы никого из Крыма пропускаем не был. Подобным образом запереть Арабатскую стрелку. <...> Я покорнейше прошу употребить самые строгие и самые действенные меры, дабы болезнь распространится не могла и тем более не была бы перенесена за Перекоп» [23, л. 170–171].

Для контроля за передвижением по Перекопскому перешейку из Николаева был переброшен батальон, на который была возложена обязанность блокировать Крым. Несмотря на принятые срочные меры, чума распространилась из города на все окружающие селения. Еще одной сложностью в сложившейся ситуации было то, что феодосийский градоначальник не был подчиненным таврического гражданского губернатора, а сносился с ним через херсонского военного губернатора. Этот факт существенно препятствовал взаимодействию двух чиновников.

Сам А. М. Бороздин осенью 1812 года обратился к министру внутренних дел с просьбой отправить его в действующую армию. Сложно сказать, хотел ли он покинуть Крым, в котором распространялась чума или действительно стремился защищать Отечество. Но действовать губернатор в сложившейся ситуации должен был

более решительно. А. М. Бороздин перестал посылать отчеты херсонскому военному губернатору, чем способствовал слухам о распространении чумы на юге Украины, которые впоследствии не подтвердились. Вот что писал А. Э. Ришелье таврическому губернатору в начале зимы 1812 года: «Вот уже некоторое время, как я не имею от вашего превосходительства никаких уведомлений. Сия неизвестность в теперешнем положении Крыма крайне меня мучит. Слышу, что зараза появилась и в Днепровском уезде, но не знаю справедливо ли сие. Поспешите уведомить меня о вашем положении и не оставьте каждую почтою доставлять мне сведения.

Недостаток медиков в здешних местах побудил меня заимствовать таковых из Севастополя. Когда они отправятся оттуда, прошу ваше превосходительство предварительно распорядится, что бы они как сведущие из места здорового пропущены были чрез Карантины без задержания» [23, л. 179].

Вследствие введенного карантина в Феодосии начался голод. Только губернатор мог наладить поставку продуктов питания в карантинный город. Вот что сообщал А. Э. Ришелье таврическому губернатору 25 декабря 1812 года: «Вернувшись вчерашнего дня в Одессу, нашел я два отношения Семена Михайловича Броневского, в которых описывает самое жалкое положение жителей города Феодосии, нуждающихся в разных необходимых потребностях. Мука пшеничная, и дрова покупаются за ценою чрезвычайно высокой, так что многие жители терпят нужду и что три человека пали жертвою голода и холода.

Доволя сие до сведения вашего превосходительства, я покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, принять скорейшие для отвращения недостатка в Феодосии, сколько возможности дозволить то могут» [23, л. 200].

Несмотря на то, что пик чумной эпидемии пришелся на зиму 1812–1813 годов, город находился на карантинном положении до августа 1814 года. Все это не могло не сказаться на благосостоянии Феодосии.

Принимал участие губернатор и в организации пополнения татарских конных полков, действующих в регулярной армии. А. М. Бороздин непосредственно участвовал в отборе кандидатов и агитировал татарское дворянство вступать в ряды национальных воинских частей [23, л. 110].

Зимой 1809 года в Таврической губернии проходили выборы губернского предводителя дворянства. Отсутствие губернатора на выборах привело к беспорядкам и драке. Вину за это следует возложить на губернатора, который обязан был присутствовать на выборах и как высшее должностное лицо в губернии, и как крымский помещик. Не в меньшей степени отвечал за произошедшее статский советник Е. И. Нотара, занимавший должность предводителя дворянства [20, л. 72]. Конфликт привел к обострению отношений между различными группами немногочисленного дворянства Таврической губернии, последствием которого стали постоянные взаимные жалобы в Сенат и царю. Избранный на этих выборах новый предводитель подпоручик А. Я. Петров был вскоре заменен подполковником А. С. Тарановым-Белозеровым.

Весь период губернаторства А. М. Бороздина можно условно разделить на два неравных во времени промежутка. Первый – со времени занятия поста таврического

губернатора 2 ноября 1807 года и до августа 1812 года; второй – с августа 1812 и до отстранения его от должности 20 июля 1816.

Первый период можно охарактеризовать как время активных действий, когда губернатор выступал инициатором многих начинаний. А вот второй, стал временем застоя в Тавриде. А. М. Бороздин был более занят развитием своих обширных имений, нежели управлением губернией. Часто отлучался из губернии по личным делам, о чем свидетельствуют архивные данные [21, л. 23].

В этой связи следует упомянуть имя таврического вице-губернатора Андрея Ильича Шостака (30 мая 1758–27 октября 1816 годов). На него возлагалось управление губернией во время отсутствия губернатора. А. И. Шостак дослужился до чина действительного статского советника, был награжден орденами Св. Владимира 4 степени и Св. Анны 2 степени. Назначение на должность вице-губернатора получил 31 декабря 1802 года и занимал эту должность вплоть до своей смерти 27 октября 1816 года. При нем сменилось четыре губернатора (Г. П. Милорадович, Д. Б. Мертваго, А. М. Бороздин, А. С. Лавинский). Изучение архивных данных показало, что все без исключения губернаторы относились с почтением к вице-губернатору, многие из них считали его своим другом. Особенно близкие отношения возникли между А. И. Шостаком и А. М. Бороздиным. Дружба была закреплена браком их детей.

После августовских событий 1812 года, А. М. Бороздин несколько отстранился от управления губернией. Власть сосредоточилась в руках вице-губернатора. Таврический губернатор проводил много времени в своих имениях в Саблах и Кучук-Ламбате, редко появлялся в губернской столице. 20 февраля 1812 года указом Сената А. М. Бороздин был назначен сенатором: «Таврическому гражданскому губернатору генерал-лейтенанту Бороздину, повелеваем присутствовать в правительствующем сенате, оставляем его и при настоящей должности. Петербург февраля 20 дня 1812 года» [24, л. 200].

А. М. Бороздина был отстранен от должности губернатора 20 июля 1816 года. После увольнения, ему было приказано присутствовать в Правительствующем Сенате. С 29 августа 1816 года он был назначен в межевой департамент Сената. Увольнение со службы получил 2 ноября 1828 года.

А. М. Бороздин был крупным крымским помещиком. Он одним из первых начал расстраивать свои имения в Крыму, используя современные, для того времени, способы ведения хозяйства. Купив в 1802 году у графа Н. С. Мордвинова Саблыинскую дачу, превратил ее в крупное хозяйство, приносящее большую прибыль. Саблыинское поместье включало в себя земли современных сел Каштановое, Партизанское и земли деревень Бешуй, Аратук, Джалман (с. Лозовое, с. Пионерское). Все на территории современного Симферопольского района. Кроме того, А. М. Бороздин имел немалые доходы от сенокосов, содержания почти ста тысяч голов овец испанской породы, крупного рогатого скота, а также от водяной и мучной мельниц. Ежегодно Саблы давала прибыль в 2, 5 млн. рублей [34].

Историк Петр Васильевич Никольский так характеризовал Саблыинское имение: «Это большое барское поместье, не лишенное некоторой стильности в расположении своих частей, – большое пространство сада отделяет помещичью усадьбу от

всех хозяйственных строений, а еще дальше, скрытая горой, отодвинулась обслуживающая ее крепостная деревня. В начале XIX века владелец Саблы Бороздин построил господский дом на границе густого парка. В усадебной архитектуре наблюдалась подражательность, увлеченность востоком» [27].

Шотландский доктор, член общества естественной истории Эдинбурга Роберт Лайел так же оставил свои впечатления о Саблынской экономии: «Жилище господина Бороздина выглядит очень бледно снаружи, что вполне соответствует и его внутреннему виду. Вкус сенатора заставляет его более ценить красоты природы и устройство своих садов, нежели удобство и порядок в своем доме [36].

А вот как описывал Саблынскую экономию французский посол на Кавказе Ж.-Ф. Гамба «В деревне Саблы, основанной генералом Бороздиным, имелось около тысячи крепостных; угодья были разбиты на многочисленные квадратные участки. Рядом с деревней повсюду были видны постройки, предназначенные под фабрики. В центре находился великолепный особняк, окруженный садами, и широкая дорога, обсаженная деревьями» [41, с. 35–42]. Сам дом губернатора не слишком впечатлил француза: «Хотя особняк и отличался элегантностью, трудно себе представить беспорядок, царящий там, и пренебрежение к удобствам и благополучию. Неряшливость и изящество, роскошь и нищета, казалось, соперничали друг с другом в этом доме» [41, с. 35–42]. Посол Франции на Кавказе, также отмечал, что Бороздин мало и неохотно занимался государственной службой на должности таврического губернатора.

Французские путешественники О. Ф. Мармон и Дюбуа де Монпере оставили восторженные описания этой усадьбы, окруженной огромными садами, где были собраны разнообразные растения, привезенные из различных стран. В первом путеводителе по Крыму, изданном в 1834 году, о Саблах сказано, что это одно из самых красивых мест в Крыму, которое следует посетить всем, кто побывает в этом крае.

В 1814 году на фабриках А. М. Бороздина работало 93 человека. Из них только семь (видимо мастера) наемных. Было изготовлено 2752 аршина скуна и 14400 фесок. По ревизии 1815–1825 годов в Саблах числилось 549 крепостных обоюбого пола [34, с. 17].

С 1813 года А. М. Бороздин стал владельцем Кучук-Ламбата и Биюк-Ламбата на мысе Плака, на берегу уютной бухты. В Кучук-Ламбате, он построил свой первый усадебный дом в стиле ампир. Земли Кучук-Ламбата были разделены между различными хозяевами. Большая их часть принадлежала крымским татарам. Скупка этих земель была длительным процессом, растянувшимся на долгие годы. Об этом свидетельствуют архивные данные. В Государственном архиве в Автономной Республике Крым, сохранилось дело под названием «О приобретении участков земли у крестьян генералом Бороздиным», хронологические рамки – 3 июня 1816 – 4 мая 1837 годов. Материалы этого дела раскрывают нам некоторые подробности скупки и создания монолитного имения в Кучук-Ламбате. В 1823 году Бороздин построил второй усадебный дом в южнобережном имении, а первый, с террасой и частью сада, продал коллежскому асессору Андрееву.

Усадьба губернатора в Кучук-Ламбате была построена по типу помещичьих усадеб юга России. Центром композиции являлся господский дом с хозяйственными постройками. В 1815 году имение у берегов Черного моря посетил С. М. Бронев-

ский: «Наружность дома проста, внутреннее расположение удобно и покойно, я много видел подобных домов в Италии. У Фасада, обращенного к морю, пристроена круглая стеклянная галерея, покрытая куполом, тут мы пили чай и наслаждались: вид с балкона противоположной стороны на горы – очарователен. Дача стояла на западной стороне древнего мыса Плака, почти на берегу моря» [32, с. 39–40].

Второй дом в имени Кучук-Ламбат описал И. М. Муравьев-Апостол: «дом совсем еще не устроенный, стоит на прекраснейшем месте, над круглою, небольшою бухтою, которая как будто нарочно здесь выкопана, чтобы дать жилищу сему картинный вид» [32, с. 41–42].

Дом губернатора А. М. Бороздина в Симферополе со всеми службами и лавками, обнесенными каменной стеной, занимал целый квартал. Располагался напротив базарной площади, на пересечении улицы Салгирной и Товчиановской [современные Кирова и Самокиша, дом не сохранился].

В старости А. М. Бороздин переехал в свой дом в Симферополе. В этом доме его посетил придворный поэт В. А. Жуковский. Спустя полгода после встречи, Андрей Михайлович заболел и 8 декабря 1838 года в возрасте 73 лет скончался. Смерть Бороздина была встречена с сожалением и сочувствием [1, 2, 13]. «Одесский вестник» писал: «просвещенный ум его постоянно устремлен был на улучшение и на все то, что могло содействовать процветанию края, где он жил» [1].

Стоимость всего имущества таврического губернатора в сумме составил 250 тыс. рублей. 4 марта 1839 года Таврическая палата гражданского суда представила разделенный акт на имение А. М. Бороздина. Старшей дочери, Марии Андреевне, достались: три части дома в Симферополе; сорок восемь душ дворовых; два господских каменных дома со службами и хозяйственными постройками в Кучук-Ламбате; в деревнях Кучук-Ламбат, Биюк-Ламбат и в Алуште – фруктовые и виноградные сады, пахотные и сенокосные земли, строевой и дровяной лес.

По завещанию А. М. Бороздина, тело его, после смерти, было перевезено в Кучук-Ламбат и захоронено под церковью в склепе, на вершине мыса Плака. Церковь, построенная в 1812–1813 годах, в 20-ых годах XX века была сожжена.

После смерти его дочери Марии, прах губернатора перевезли в его родовое поместье в Киевскую губернию в село Чубовку. Останки перезахоронили на месте старой церкви в родовом склепе.

Все строения, возведенные губернатором на Южном берегу Крыма, включая два барских дома, были разрушены землетрясением 1927 года. Но память о тех далеких временах сохраняет парк, созданный третьим губернатором на склонах Крымских гор. Это один из самых старых парковых комплексов в Крыму, который формировался одновременно с Никитским ботаническим садом.

А. М. Бороздин был одним из самых известных людей Тавриды первой половины XIX века. Почти все путешественники, отправляющиеся в Крым, посещали губернатора в его имениях. А его резиденция в Сабалах была пристанищем для многих будущих декабристов.

Современники оставили много отзывов о губернаторе. Кто-то восхищался им, другие наоборот, указывали на существенные недостатки. Однако все они сходились на том, что А. М. Бороздин был просвещенным человеком, с увлечением отно-

сящимся к тому, чем он занимался. Так, М. С. Воронов отмечал непрактичность таврического губернатора, о чем писал в письме Н. Н. Раевскому: «Он любит своих детей, как хороший отец, который предпочитает отдавать все будущему своих детей, а не бренной земле, виноградникам и деньгам» [4; 5]. А вот как отзывался о А. М. Бороздине председатель Екатеринославской конторы иностранных поселенцев А. М. Фадеев: «Бороздин, человек недюжинный по образованию и даже учености, воспитанник Кембриджского университета, имел диплом доктора медицины и писал рецепты, занимаясь лечением больных, но был плохой губернатор, как это часто случается с учеными» [36].

О многочисленных негативных фактах времени его губернаторства говорят и другие современники. В 1815 году в Министерство юстиции поступила жалоба о злоупотреблениях губернатора. Отставной комиссар флота Бегич так охарактеризовал время губернаторства: «мосье сенатора Бороздина, где правда сторела, совесть сошла с ума, искренность спряталась, правосудие в бегах» [35].

О. Ф. Мармон, герцог Рагузский в книге «Путешествие маршала герцога Рагузского в Венгрию, Трансильванию и Южную Россию» писал: «Бороздин один из бывших губернаторов Крыма, один из тех, кто первым попытался поставить на службу человеку естественные богатства этого края. Его жилище скромно и вместе с тем красиво. Его хозяйство обширно, а вина просто превосходны: одно из них, изготовленное по подобию нашего шампанского, может сбить с толку любого знатока» [36].

Подводя итоги деятельности А. М. Бороздина, следует обратить внимание на некоторые особенности. Получив назначение на должность таврического гражданского губернатора 2 ноября 1807 года, Андрей Михайлович не имел опыта работы на столь высоких должностях. Но благодаря своей образованности, усердию и хорошему образованию ему удалось достаточно успешно управлять губернией.

Существовали отдельные отрасли, на которые губернатор обращал особое внимание, проявлял инициативу. В этом отношении можно выделить промышленность. А. М. Бороздин хотел создать в Таврической губернии целый ряд крупных фабрик по производству стекла, мыла, крупную суконную фабрику, организовать производство шелка, вина, возвести промышленный мол в Евпатории. Все эти проекты так и остались нереализованными. Причиной этого было нежелание правительства создавать фабрики за счет казны. Со временем А. М. Бороздин осознал всю сложность получения финансирования со стороны государства и решил создать ряд предприятий за свой счет.

Чиновник был первым, кому удалось создать крупные частные фабрики в Крыму. Кроме того с радостью проводил экскурсии по своему Сабылнскому имению, делился опытом со всеми желающими.

Во время губернаторства А. М. Бороздина в Таврической губернии был построен небольшой завод по производству пороха в Инкермане, начали работу 12 мелких предприятий в Симферополе.

Третий таврический губернатор часто использовал занимаемый им пост для решения собственных проблем. Именно за время своего губернаторства он стал владельцем обширных земельных владений. Обзавелся лучшими породами испан-

ских овец, доставленных в Крым при непосредственной поддержке и финансировании казны.

Подобное не могло не вызывать зависти и неприязни со стороны местного дворянства. Начиная с 1812 года, на губернатора постоянно поступали жалобы в Сенат, в которых указывались все эти факты. Справедливости ради, стоит отметить, что подобные процессы характерны для большинства губерний Российской империи того времени. Между губернаторами и местными элитами часто возникали конфликты, Таврическая губерния не была исключением [12]. Порой, подобные антагонистические процессы приводили к отставке губернатора. Однако А. М. Бороздин был уважаемым человеком, которому доверяли и министр внутренних дел, и херсонский военный губернатор. Именно поэтому жалобы, поступающие в сенат на губернатора, возымели действие только после начала следственного дела в 1816 году. Следствие признало губернатора невиновным, но на должности губернатора он восстановлен не был.

Будучи образованным человеком, он занимался наукой, разводил сады, возводил фабрики, но часто не выполнял свои прямые обязанности. Проводя много времени в своих имениях, фактически переложил обязанности на вице-губернатора А. И. Шостака. Все это привело к упущениям и недосмотрам. Ярким примером может послужить бедственное положение ногайцев. Только благодаря вмешательству А. Э. Ришелье эта проблема была решена.

Губернатор А. М. Бороздин активно способствовал награждению чиновников своей канцелярии. Во время его губернаторства награды получили многие из тех, кто помогал губернатору в управлении губернией. Забота о работниках канцелярии была неслучайна, их положение было достаточно сложным и пансионеры, которые давались вместе с наградами существенно облегчали их жизнь.

Заботился губернатор и о развитии образования в губернии. Знакомил местное дворянство с литературными новинками, разрешал пользоваться своей библиотекой. Присутствовал при сдаче экзаменов, учениками симферопольского училища, лично занимался покупкой здания для гимназии.

Критическим временем для А. М. Бороздина, как губернатора, оказался период борьбы с чумой в 1812–1814 годах в Феодосии и окружающих ее селах. Медлительность и отсутствие инициативы привели к жертвам среди населения города, часть из которых умерили от голода и холода из-за высоких цен на продукты питания и дрова в карантинном городе.

Таким образом, периоду губернаторства А. М. Бороздина сложно дать однозначную оценку. Губернатор был образованным и умным человеком, но не всегда мог быстро найти правильное решение в сложной ситуации. Часто ему не хватало инициативности, многие из проблем пускались на самотек. При всем этом именно в этот период Таврическая губерния окончательно была интегрирована в общеимперскую систему управления. Земли в Тавриде стали активно скупать российские помещики. Начали возводиться дачи на Южном берегу Крыма, улучшались дороги, росли города. При этом достижения А. М. Бороздина – помещика, существенно превосходят достижения А. М. Бороздина – губернатора.

Список использованных источников и литературы

1. [Бороздин А. М. некролог] // Одесский вестник. – 1839. – 7 января. – С. 2.
[Borozdin A. M. nekrolog] // Odesskij vestnik. – 1839. – 7 janvarja. – S. 2.
2. [Бороздин А. М. некролог] // Санкт-петербургские ведомости. – 1839. – 24 января. – С. 82.
[Borozdin A. M. nekrolog] // Sankt-peterburgskie vedomosti. – 1839. – 24 janvarja. – S. 82.
3. А. М. Бороздин [Некролог] // Таврические губернские ведомости. – 1839. – 21 января.
A. M. Borozdin [Nekrolog] // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1839. – 21 janvarja.
4. Архив Раевских. – СПб., 1908. – Т. 1. – 575 с.
Arhiv Raevskih. – SPb., 1908. – T. 1. – 575 s.
5. Архив Раевских. – СПб., 1909. – Т. 2. – 667 с.
Arhiv Raevskih. – SPb., 1909. – T. 2. – 667 s.
6. Белова С. Л. Дворянское гнездо А. М. Бороздина–Давыдовых в Саблах // Крымский контекст. – 1996. – № 4. – С. 34–43.
Belova S. L. Dvorjanskoe gnezdo A. M. Borozdina–Davydovyh v Sablah // Krymskij kontekst. – 1996. – № 4. – S. 34–43.
7. Белова С. Л. Замок на мысе Плака // Тайна Великой княжны : Полуденный альманах / ред Н. В. Николаенко. – М. ; Симферополь, 1998. – 192 с. – (Серия : «Крымский контекст»)
Belova S. L. Zamok na myse Plaka // Tajna Velikoj knjazhny : Poludennyj al'manah / red N. V. Nikolaenko. – M. ; Simferopol', 1998. – 192 s. – (B-ka zhurnala «Krymskij kontekst»).
8. Белова С. Л. Замок на мысе Плака : санаторий «Утес». – Симферополь : Таврия Плюс, 1999. – 57 с.
Belova S. L. Zamok na myse Plaka : sanatorij «Utes». – Simferopol' : Tavrija Pljus, 1999. – 57 s.
9. Белова С. Л. Раевские и Крым / С. Л. Белова. – Симферополь : Бизнес информ, 2006. – С. 12–18.
9. Belova S. L. Raevskie i Krym / S. L. Belova. – Simferopol' : Biznes inform, 2006. – S. 12–18.
10. Белова С. Л. Саблы перекрестки дорог и судеб / С. Л. Белова. – Симферополь: Н. Орианда, 2010. – 136 с. – (Серия : «Листая прошлого страницы»)
Belova S. L. Sably perekrestki dorog i sudeb / S. L. Belova. – Simferopol': N. Orianda, 2010. – 136 s. – (Serija : «Listaja proshlogo stranicu»).
11. Бикташева А. Н. Источники материального обеспечения российских губернаторов первой половины XIX века / А. Н. Бикташева, А. А. Гасимова // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. : «Гуманитарные науки». – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 2. – С. 20–27.
Biktasheva A. N. Istochniki material'nogo obespechenija rossijskih gubernatorov pervoj poloviny XIX veka / A. N. Biktasheva, A. A. Gasimova // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : «Gumanitarnye nauki». – 2009. – T. 151, kn. 2, ch. 2. – S. 20–27.
12. Бикташева А. Н. Надзор и наказания губернаторов / А. Н. Бикташева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 103–109.
Biktasheva A. N. Nadzor i nakazanja gubernatorov / A. N. Biktasheva // Nauchnye vedovomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 3. – S. 103–109.
13. Бороздин А. М. [Некролог] // Сын отечества. – 1839. – Т. 7, кн. 2. – С. 76.
Borozdin A. M. [Nekrolog] // Syn otechestva. – 1839. – T. 7., kn. 2. – S. 76.
14. Вьюницкая Л. А. М. Бороздин и его окружение // Крымский альманах штрихи и портреты : А. Бороздин, В. Вереченко, А. Кариян, В. Томченко. – Симферополь : ОРК «Личность», 1999. – С. 6–14.
V'junickaja L. A. M. Borozdin i ego okruzenie // Krymskij al'manah shtrihi i portrety : A. Borozdin, V. Verechenko, A. Karijan, V. Tomchenko. – Simferopol' : ORK «Lichnost'», 1999. – S. 6–14.
15. Вьюницкая Л. Н. Бороздин Андрей Михайлович // Крым в лицах и биографиях. – Симферополь, 2008. – 410 с.
V'junickaja L. N. Borozdin Andrej Mihajlovich // Krym v lical i biografijah. – Simferopol', 2008. – 410 s.
16. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее ГААРК), ф 26., оп 1., д. 713 (Предписания херсонского военного губернатора).
Gosudarstvennyj arhiv v Avtonomnoj Respublike Krym, f 26., op 1., d. 713 (Predpisanija hersonskogo voennogo gubernatora).
17. ГААРК, ф. 26 (Канцелярия таврического губернатора), оп. 1, д 714 (Предписания министра внутренних дел). – 285 л.

- GAARK, f. 26 (Kanceljarija tavriceskogo gubernatora), op. 1, d. 714 (Predpisanija ministra vnutrennih del). – 285 l.
18. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 714 (Предписания министра внутренних дел). – 417 л.
GAARK, f. 26, op. 1, d. 714 (Predpisanija ministra vnutrennih del). – 417 l.
19. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 735 (Реестр предписаниям господина министра внутренних дел и министра полиции).
GAARK, f. 26, op. 1, d. 735 (Reestr predpisanijam gospodina ministra vnutrennih del i ministra policii).
20. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 736 (Реестр предписаниям Херсонского военного губернатора).
GAARK, f. 26, op. 1, d. 736 (Reestr predpisanijam Hersonskogo voennogo gubernatora).
21. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 747 (Регист предписаниям министра полиции и министра внутренних дел).
GAARK, f. 26, op. 1, d. 747 (Regist predpisanijam ministra policii i ministra vnutrennih del).
22. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 749 (Реестр предписаниям господина херсонского военного губернатора).
GAARK, f. 26, op. 1, d. 749 (Reestr predpisanijam gospodina hersonskogo voennogo gubernatora).
23. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 805 (Предписания херсонского военного губернатора).
GAARK, f. 26, op. 1, d. 805 (Predpisanija hersonskogo voennogo gubernatora).
24. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 807 (Реестр предписаниям министерства внутренних дел).
GAARK, f. 26, op. 1, d. 807 (Reestr predpisanijam ministerstva vnutrennih del).
25. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 567 (Реестр предписаниям херсонского военного губернатора).
GAARK, f. 26, op. 1, d. 567 (Reestr predpisanijam hersonskogo voennogo gubernatora).
26. Губернии Российской империи. История и руководители 1708–1917 // Департамент общих дел Министерства внутренних дел. – М. : Объединенная редакция МВД России, 2003. – 480 с.
Gubernii Rossijskoj imperii. Istorija i rukovoditeli 1708–1917 // Departament obshnih del Ministerstva vnutrennih del. – M. : Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 2003. – 480 s.
27. Два мнения о губернаторе // Таврические ведомости. – 1992. – № 10 (март).
Dva mnenija o gubernatore // Tavricheskie vedomosti. – 1992. – № 10 (mart).
28. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н. Ф. Дубровин // Русская старина. – 1899 – № 4. – С. 58–74.
Dubrovin N. F. Russkaja zhizn' v nachale XIX veka / N. F. Dubrovin // Russkaja starina. – 1899 – № 4. – S. 58–74.
29. Из архива К. Э. Андреевского : записки Э. С. Андреевского. – Одесса, 1913. – Т. 1.
Iz arhiva K. Je. Andreevskogo. zapiski Je. S. Andreevskogo. – Odessa, 1913. – T. 1.
30. История родов русского дворянства / сост. П. Н. Петров. – М., 1991. – Т. 1. – 451 с.
Istorija rodov russkogo dvorjanstva / sost. P. N. Petrov. – M., 1991. – T. 1. – 451 s.
31. Кучук-Ламбат – дворец Южнобережья // Творцы истории : Спец. выпуск Крымского альманаха «Личность». – Симферополь, 2007. – (Жизнь замечательных людей Крыма).
Kuchuk-Lambat – dvorec Juzhnoberezh'ja // Tvorcy istorii : Spec. vypusk Krymskogo al'manaha «Lichnost'». – Simferopol', 2007. – (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej Kryma).
32. Лапаева Г. А. Долина Девы : литературно-исторический очерк // Г. А. Лапаева. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2007. – 326 с.
Lapaeva G. A. Dolina Devy : literaturno-istoricheskij ocherk // G. A. Lapaeva. – Simferopol' : Biznes-Inforn, 2007. – 326 s.
33. Линниченко И. А. К биографии Таврического губернатора генерал-лейтенанта Андрея Михайловича Бороздина / И. А. Линниченко // Известия Таврической ученой комиссии. – 1913 – № 50. – С. 191–199.
Linnichenko I. A. K biografii Tavriceskogo gubernatora general-lejtenanta Andreja Mihajlovicha Borozdina / I. A. Linnichenko // Izvestija Tavricheskoj uchenoj komissii. – 1913 – № 50. – S. 191–199.
34. Максименко М. История села Партизанского / М. Максименко, Г. Губенко. – Симферополь : Крымиздат, 1962. – 136 с.
Maksimenko M. Istorija sela Partizanskogo / M. Maksimenok, G. Gubenko. – Simferopol' : Krymizdat, 1962. – 136 s.
35. Маленко А. Ю. «Пишу, читаю, думаю, о Крыме» : Крым в жизни А. С. Пушкина и его современников. – Симферополь : Бизнес-информ, 2005. – 208 с.
Malenko A. Ju. «Pishu, chitaju, dumaju, o Kryme» : Krym v zhizni A. S. Pushkina i ego sovremennikov. – Simferopol' : Biznes-inform, 2005. – 208 s.

36. Маркевич А. З культурної минувшини Криму XIX ст. : коротки нариси // Збірн. Істор.-філол. відділу Всеукраїнської академії наук. Студії з Криму, I–IX. – К., 1930. – № 89. – С. 107–158.
Markevich A. Z kul'turnoi minuvshhini Krimu XIX st. : korotki narisi // Zbirn. Istor.-filol. viddilu Vseukraïns'koï akademii nauk. : Studii z Krimu, I–IX. – K., 1930. – № 89. – S. 107–158.
37. Маркевич А. И. Некрополь Симферополя. Старое христианское кладбище / А. И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – № 55. – 1918. – С. 330–376.
Markevich A. I. Nekropol' Simferopolja. Staroe hristianskoe kladbishhe / A. I. Markevich // Izvestija Tavricheskoj uchenoj komissii. – № 55. – 1918. – S. 330–376.
38. Муравьев А. Н. Таврида / изд. подг. Н. А. Хохлова. – СПб. : Наука, 2007. – 542 с.
Murav'ev A. N. Tavrida / izd. podg. N. A. Hohlova. – SPb. : Nauka, 2007. – 542 s.
39. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб., 1823. – 374 с.
Murav'ev-Apostol I. M. Puteshestvie po Tavride v 1820 gode / I. M. Murav'ev-Apostol. – SPb., 1823. – 374 s.
40. Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов, 1711–1812 : материалы для биографий / под ред. Д. Н. Шилова; РНБ. – СПб., 2011. – 736 с.
Murzanov N. A. Slovar' russkih senatorov, 1711–1812 : materialy dlja biografij / pod red. D. N. Shilov; RNB. – SPb., 2011. – 736 s.
41. Непомнящий А. А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив.– 1999. – №4. – С. 35–42.
Nepomnjashhij A. A. Zh.-F. Gamba i ego zapiski o puteshestvii po Krymu // Krymskij arhiv.– 1999. – №4. – S. 35–42.
42. Никольский П. В. Русское дворянское поместье в Крыму [Саблы] // Крым : книга для работников школ I ступеней / И. А. Иванова, О. З. Лычагина ; под ред. Г. П. Вейсберга. – 2 изд. – Симферополь : Крымиздат, 1928. – 240 с.
Nicol'skij P. V. Russkoe dvorjanskoe pomest'e v Krymu [Sably] // Krym : kniga dlja rabotnikov shkol I stupenej / I. A. Ivanova, O. Z. Lychagina ; pod red. G. P. Vejsberga. – 2 izd. – Simferopol' : Krymizdat, 1928. – 240 s.
43. Сапельников А. Н. К археологическим находкам в Крыму // Одесский вестник. – 1872. – № 45. – С. 26–34.
Sapel'nikov A. N. K arheologicheskim nahodkam v Krymu // Odesskij vestnik. – 1872. – № 45. – S. 26–34.
44. Свиный П. П. Знакомство и встречи / П. П. Свиный // Отечественные записки. – 1825. – № 66. – С. 119–133.
Svin'in P. P. Znakomstvo i vstrechi / P. P. Svin'in // Otechestvennye zapiski. – 1825. – № 66. – S. 119–133.

Кравчук А. С. До біографії таврійського цивільного губернатора А. М. Бороздіна / А. С. Кравчук // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 45–66.

Відновлено біографію державного діяча першої половини XIX ст. – А. М. Бороздіна. Розкрито його діяльності на посту таврійського цивільного губернатора. А. М. Бороздін був третім губернатором Таврійської губернії і займав цей пост довше за всіх. Під час його губернаторства в Криму були створені перші промислові об'єкти. На новий рівень вийшло виноградарство, виноробство і шовківництво. Як великий поміщик, він організував виробництво сукна і фесок в своєму імені Сабли. Створив великий виноградник і один з кращих садових розсадників на півдні України. Одним з перших серед російського дворянства А. М. Бороздін звів дачу на Південному березі Криму. Паркове господарство в Кучук-Ламбат вважається одним з найстаріших в Криму. Саме при губернаторстві А. М. Бороздіна почали активно розбудовуватися кримські міста, особливо швидко розвивався Симферополь. Губернатор був одним з найвідоміших людей в Тавриді в першій половині XIX століття. Його маєтки відвідували російські та іноземні мандрівники, більшість з яких склали французи.

Ключові слова: А. М. Бороздін, Таврійська губернія, губернатор, Сабли, Кучук-Ламбат.

Kravchuk A. S. Taurida governor A. M. Borozdin / A. S. Kravchuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 45–66.

Analyzing the life and work of A. M. Borozdin should pay attention to some features. Was appointed civil governor Taurida November 2, 1807, had no experience in such high positions. But thanks to their education, diligence and good education, he has been quite successful to control the province. He was the first who managed to create a large private factory in the Crimea. Also happy to give tours of his manor Sably, shared his experience with everyone.

During the governorship A. M. Borozdin in Taurida province was built a small factory for the production of gunpowder in Inkerman, started work 12 small enterprises in Simferopol.

There were separate industry, which paid particular attention to the governor, showed initiative. In this regard, the industry can allocate. A. M. Borozdin wanted to create in the Taurida province a number of large factories for the manufacture of glass, soap, a large cloth factory, to organize the production of silk, wine, build an industrial pier in Yalta. All of these projects remained unrealized. The reason for this was the unwillingness of the government to create a factory by the Treasury. Eventually A. M. Borozdin realized the difficulty of obtaining funding from the state and decided to create a number of companies at their own expense.

He was the first who managed to create a large private factory in the Crimea. Also happy to give tours of his Sabylnskomu name, shared his experience with everyone. During the governorship of A. M. Borozdina in Taurida province was built a small factory for the production of gunpowder in Inkerman, started work 12 small enterprises in Simferopol.

A. M. Borozdin actively contributed to the award of officials of his chancellery. During his governorship awards received many of those who helped in the management of the province governor. Caring for employees Chancery was not accidental, their position was rather complex and apartments, which were given with awards significantly facilitate their lives.

Governor cared about the development of education in the province. Acquainted with the local gentry literary novelties, permitted to use their library. Present during exams, students Simferopol School, was personally involved in the purchase of a building for the school.

Third Taurida governor often used his post to solve their own problems. It was during his governorship, he became the owner of extensive land holdings. Got the best breeds of Spanish sheep delivered to the Crimea with the direct support and funding of the treasury.

Such could not cause envy and hostility from the local nobility. Since 1812, at the Governor's persistent complaints to the Senate, which shall include all the facts. Fairness, it should be noted that similar processes are common to most provinces of the Russian Empire at that time. Between governors and local elites often had conflicts, Taurida province was no exception. Sometimes, these antagonistic processes led to the resignation of the governor. However A. M. Borozdin was a respected man who trusts and Minister of Interior, and the military governor of Kherson. That is why the complaints received by the Senate on the governor, to take effect only after the evidence of the case in 1816. The investigation of the governor acknowledged innocent, but as governor he was not restored.

Keywords: A. M. Borozdin, Taurida province, Taurida governor, Sably, Kuchuk-Lambat.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Е. А. Бачинская

д.и.н., в.н.с. И. В. Тункина

УДК [070:93](477.75)

СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ЧЕРНОМ МОРЕ В ИЗЛОЖЕНИИ ЖУРНАЛА «МОРСКОЙ СБОРНИК»

Леписевич Н. З.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: nata-lepisevich@yandex.ru*

Проанализированы публикации журнала «Морской сборник», посвященных Первой мировой войне на Черном море. Данное издание было официальным печатным органом Морского министерства и презентовало государственную точку зрения на происходящие на фронтах события и их оценку. Охарактеризован подход редакции «Морского сборника» к изложению исторического материала. Впервые в современной историографии рассмотрены материалы рубрик журнала «Русские официальные сообщения о войне» и «Очерки мировой войны на море». Авторами этих публикаций были ведущие историки флота и теоретики морского дела того времени. Ключевыми событиями войны на Черном море стали обстрел крымских портов крейсерами «Гёбен» и «Бреслау», бой у мыса Сарыч, гибель линкора «Императрица Мария» на Севастопольском рейде. Определено, что источниками для публикаций «Морского сборника» служили как сведения из официальных документов, так и свидетельства очевидцев. Отмечены факты замалчивания редакцией флотского печатного издания неблагоприятных инцидентов в матросской и офицерской среде. Особый акцент сделан на рассмотрении деятельности адмирала А. В. Колчака на посту командующего Черноморским флотом, а также на событиях в Крыму, последовавших за победой Февральской революции.

Ключевые слова: «Морской сборник», Первая мировая война, Черноморский флот, Севастополь, А. В. Колчак.

ВВЕДЕНИЕ

В 2014 году исполнится 100 лет со дня начала Первой мировой войны, которую современники справедливо называли Великой. В связи с этим все большее внимание сегодня уделяется истории этого крупного мирового конфликта. К юбилейной дате появляются тематические монографии и публикации, которые на основании привлечения новых источников освещают забытые события Первой мировой войны, по-новому их оценивают и расставляют акценты. В значительной степени это относится к Крыму и в первую очередь – к Севастополю как к главной базе Черноморского флота. Происходившие здесь в годы войны события в исследованиях советского времени освещались фрагментарно. Внимание в них уделялось преимущественно революционным выступлениям матросов-большевиков. Поэтому важной научной задачей сегодня является создание свободного от идеологических клише описания эпизодов Первой мировой войны на Черном море. Для историографического процесса крайне важно использовать современные эпохе периодические издания, моментально реагировавшие на происходившие на фронтах инциденты. Естественно, что оценки периодики военного периода сегодня можно считать устаревшими и далекими от объективности, но они зафиксировали отношение прессы к событиям войны и ее героям. Все это делает актуальным данное исследование.

1. ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Важнейшим источником по истории флота в Российской империи является официальное издание Морского министерства – журнал «Морской сборник». Данное издание остается старейшим в мире периодическим изданием на военноморскую тематику. Журнал выходил с марта 1848 года и немало внимания уделял как освещению актуальных событий, так и исследованиям героического прошлого. С 1911 года издание подчинялось Главному морскому штабу. Авторами журнала были сотрудники флотских учреждений, компетентные в вопросах тактики и стратегии. Взгляды редакции «Морского сборника» на события войны были официальными, а зачастую и пропагандистскими. Комментарии к боевым действиям содержали призывы к укреплению обороноспособности частей.

Сразу после начала вооруженного конфликта в «Морском сборнике» появилось две постоянные рубрики, в которых подробно освещался ход боевых действий. Первая называлась «Русские официальные сообщения о войне». В ней публиковались преимущественно донесения из Ставки. Гораздо более содержательной была вторая рубрика – «Очерки мировой войны» (впоследствии была переименована в «Очерки мировой войны на море»). Статьи для нее готовили признанные специалисты в истории и теории морского дела. Среди прочих авторов особого упоминания заслуживает фигура Николая Лаврентьевича Кладо. Он был генерал-майором, историком и теоретиком морского флота, профессором Николаевской морской и Инженерной академий. Публикации Н. Л. Кладо отличались глубоким анализом происходящих событий.

Уже в августовском номере за 1914 год журнал рассказал своим читателям о морской силе Германии (публикация военного теоретика и историка Бориса Борисовича Жерве) [1], о поводе к войне и о ходе дипломатических переговоров [2]. Событиям на Черном море тогда внимания не уделялось – контуры будущих линий фронта только начинали вырисовываться. Первая атака турецкого флота на Крым состоялась 16 октября 1914 года. В этот день переданные Турции Германией крейсера «Гёбен» и «Бреслау» бомбардировали порты полуострова. Важно отметить, что эти корабли находились в составе турецкого флота лишь формально. Хотя они и получили названия «Ямуз Султан Селим» и «Мидилли», на этих судах сохранялись германские экипажи и командующие, поэтому в российской периодической печати военного времени они обозначались под оригинальными немецкими именами. «Гёбен» обстрелял в утреннее время Севастополь, а «Бреслау» – мол и железную дорогу в Феодосии. Перед входом в Керченский пролив корабли набросали мины, на которых взорвались пароходы «Ялта» и «Казбек». В сообщении Морского генерального штаба от 26 октября 1914 года сообщалось, что во время бомбардировки Севастополя «Гёбен» был атакован дозорным дивизионом миноносцев. Во время этой атаки более других пострадал миноносец «Лейтенант Пушин», на котором вспыхнул пожар, и образовалась пробоина. Встретив отпор, как со стороны эскадры, так и со стороны береговых батарей корабль флота Турции через двадцать минут после своего появления у севастопольских берегов отступил. Освещавший этот инцидент на страницах «Морского сборника» Н. Л. Кладо утверждал, что своими внезапными атакующими мероприятиями Турция нарушила нормы международно-

го права. Она начала боевые действия без объявления войны Российской империи, бомбардировала неукрепленные порты (к таким относилась Феодосия) и применила минирование на торговом пути в Азовское море, которым не пользовались военные суда. Н. Л. Кладо надеялся, что в случае поражения Турции пришлось бы сторицей заплатить за эти негуманные акты, и был уверен, что турки еще будут иметь случай горько каяться [3].

Инциденту с рейдом «Гёбена» в первые дни войны была также посвящена мемориальная статья «Памяти славных», опубликованная в октябрьском номере «Морского сборника» за 1916 год. В этом материале отмечалось, что залпы германо-турецкого крейсера под Севастополем пробудили Черноморский флот от долгого мира и напомнили России, «что ключи от дверей ее дома находятся все еще в руках неверных и что пришла пора решить завещанную предками задачу». Особое внимание в статье уделялось подвигу минного заградителя «Прут», который повторил подвиг легендарного крейсера «Варяг». Не желая сдаваться врагу и не опуская Андреевского флага, экипаж открыл кингстоны, и корабль был затоплен. Погибший при этом лейтенант Александр Владиславович Рогуский стал первым георгиевским кавалером Первой мировой войны. Поскольку больше во время конфликта прямых столкновений сил не происходило, а проводились преимущественно вспомогательные операции, то потерь в судовом составе было немного. Помимо «Прута» погибли миноносец «Лейтенант Пушин», взорвавшийся на mine у берегов «изменницы-Болгарии» и несколько вспомогательных кораблей. Наибольшее возмущение у Российской империи вызвала гибель госпитального судна «Португалия» («Португаль»), которое 17 марта 1916 года находилось на рейде близ турецкого города Офа и было атаковано немецкой подводной лодкой, несмотря на опознавательные знаки (красные кресты) и вопреки нормам международного права. Отмечалось, что потеря корабля «Прут» была компенсирована одноименным ему крейсером – подорванным у Одессы в 1915 году, поднятым, отремонтированным и переименованным турецким крейсером «Меджидие». В материале, опубликованном «Морским сборником», приводились также потери личного состава на Черном море: 22 офицера, священник, 300 нижних чинов. Завершал статью поименный список погибших офицеров, который завершался призывом «Да не забудутся их имена в памяти родного флота!» [4]. Мемориальная публикация сопровождалась также портретами некоторых героев и изображениями кораблей.

Действия «Гёбена» и «Бреслау» разбирались в критической статье, анализировавшей книгу «Die Fahrten der «Goeben» und «Breslau». Автором этой книги, вышедшей в Берлине в 1916 году и подписанной Эмилом Людвигом, по предположению анонимного автора «Морского сборника», был один из офицеров с этих немецких кораблей. Большая часть книги посвящалась операциям крейсеров на Средиземном море, а заканчивалась она налетом кораблей на берега Черного моря. Во флотском журнале был опубликован перевод именно «черноморских» страниц. Они, в частности, содержали описание начала боевых действий со стороны Турции, после обнаружения нескольких мин у входа в Босфор посчитавшей, что Россия начала войну без предупреждения. По мнению автора статьи в «Морском сборнике», в немецком описании преувеличиваются масштабы ущерба, нанесенного крымским

городам после обстрела «Гёбена» и «Бреслау». Содержание книги названо «яркой картиной беззащитной лжи наших врагов». Подчеркивая необъективность немецкого автора, общий вывод рецензента был таким: «Страшно становится за будущих историков текущей войны, которым придется копаться в ворохах германской лжи, выживая оттуда крупинки истины» [5].

5 ноября 1914 года у мыса Сарыч состоялось первое в ходе Первой мировой войны крупное морское сражение в Черноморском регионе. Основываясь на опубликованных данных и рассказах участников боя, автор, скрывшийся за инициалами П. Т., подробно описал на страницах «Морского сборника» ход битвы. Русская эскадра возвращалась в Севастополь после обхода Анатолийских берегов и бомбардировки Трапезунда. Впереди шли крейсера «Кагул», «Алмаз» и «Память Меркурия», за ними – линейные корабли «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя» и «Ростислав». Замыкало группу несколько миноносцев. Над морем стоял туман, но, несмотря на это обстоятельство, морякам с «Алмаза» удалось заметить стоящие в засаде суда турецкого флота – «Гёбен» и «Бреслау». Завязалась перестрелка, которая шла с заметным преимуществом русских кораблей. Плохие погодные условия привели к тому, что битва свелась к поединку между «Гёбеном» и «Евстафием», команда которого видела противника лучше, чем другие корабли черноморской эскадры. Несколько успешных и точных выстрелов, произведенные русским линкором, вызвали пожар зарядов на корабле противника. Завязавшаяся между судами перестрелка продолжалась всего четырнадцать минут, но за это время судами Черноморской эскадры было выпущено тридцать снарядов главного калибра. Несмотря на серьезные повреждения, сделанные в Германии крейсерам за счет преимущества в скорости удалось выйти из боя и вернуться на базу в Турции. Автор публикации приводил слова адмирала Василия Максимовича Зацарённого, который на торжествах в день храмового праздника Морского корпуса 6 ноября 1914 года выразил надежду, что этот первый успех на море в войне откроет славный путь побед нашему флоту [6]. К статье также прилагались живописные наброски очевидца сражения, запечатлевшие действия кораблей, и карта боя на море. На успех в бою у мыса Сарыч обратил внимание император Николай II. 9 ноября 1914 года им была объявлена высочайшая благодарность Черноморскому флоту «за успешные его действия и за ревностную службу его личного состава» [7].

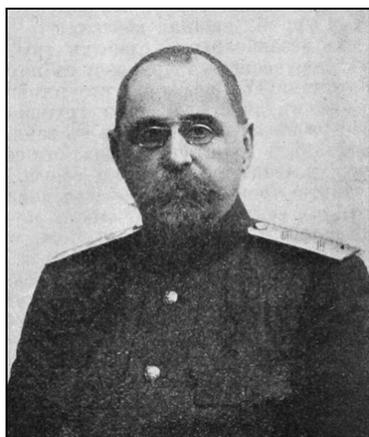
Первые месяцы 1915 года принесли несколько неудач союзному флоту Антанты. Они были связаны с потерями во время операций в Дарданеллах в результате действия плавучих мин. Н. Л. Кладо писал, что эти события еще больше подчеркивают остроту осознания слабости Черноморского флота. Теоретик морского дела с горечью отмечал: «Наш флот, если бы он был для этого достаточно могущественен, был бы у Царьграда. Но все это лишь горькие мечты!» [8]. Действительно, в это время Турция снова активизировала вылазки к крымским берегам. 5 марта 1915 года крейсер типа «Гамедие» обстрелял находящуюся в двенадцати верстах от Феодосии Двужорную бухту, где находился завод Лесснера. Эти действия повредили несколько зданий завода, но из людей никто не пострадал. По замечанию Н. Л. Кладо, предупреждать подобные акции противника Черноморский флот Российской империи был не в силах из-за недостатка быстроходных судов. Исключение составляли лишь миноносцы [9].

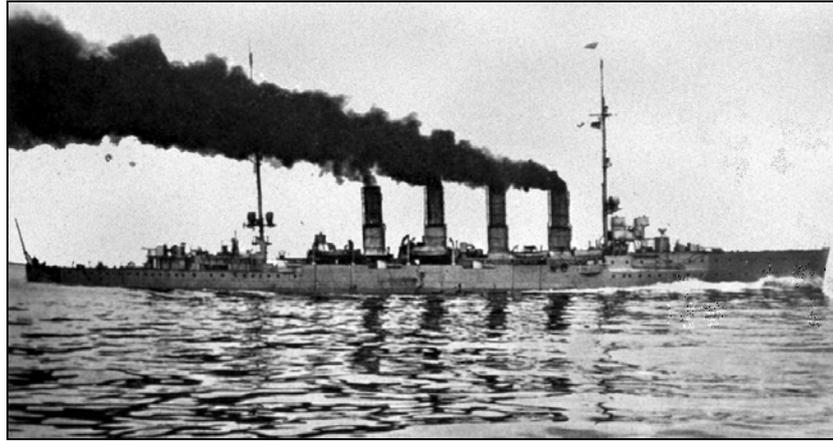
Адмирал Андрей Августович Эбергарт

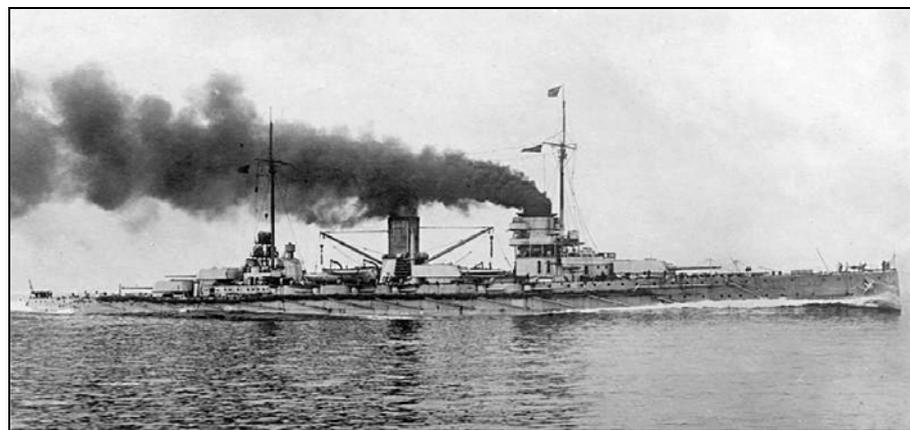
Александр Васильевич Колчак – командующий Черноморским флотом

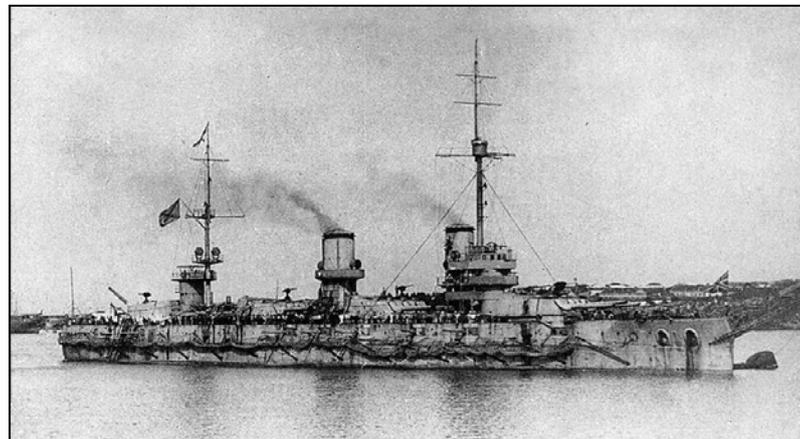
Николай Лаврентьевич Кладо

Крейсер Бреслау

Крейсер Гёбен

Линкор Императрица Мария

Отсутствие прямых столкновений между кораблями противника сказалось на тактике черноморцев. Их главной задачей было блокирование угольных районов Турции, что затрудняло военные успехи не только этого государства, но и всего Тройственного союза. Для отвлечения сил от Босфора и Анатолии к берегам Крыма были посланы подводные лодки. Первое их появление было зафиксировано 27 августа 1915 года у Аюдага близ Гурзуфа. Одной из субмарин удалось поджечь три русских парусника, но из людей никто не пострадал. Другая подводная лодка была прогнана вовремя подоспевшим миноносцем. Позднее она была замечена у мыса Чауда близ Феодосии, где имела перестрелку с постовой командой [10].

В начале 1916 года главными задачами Черноморского флота оставались охрана русских берегов от германо-турецких судов и блокада угольных районов Малой Азии. К ним прибавилось задание блокировать болгарское побережье. В мартовском номере за 1916 год положение на Черном море в зимнее время характеризовалось Л. Багровым как «затишье». Из примечательных событий назывался только обстрел Зунгулдака [11].

Летом 1916 года состоялись перемены в высшем командовании Черноморского флота. Вместо руководившего флотом почти пять лет адмирала Андрея Августовича Эбергарда на этот высокий и важный пост был назначен вице-адмирал Александр Васильевич Колчак. Официальной причиной отставки А. А. Эбергарда называлось расстроенное здоровье, что не помешало ему перейти на работу в Государственный совет. Заслуги адмирала указывались в опубликованном в «Морском сборнике» императорском рескрипте. Главными из них назывались подготовка Черноморского флота к войне и руководство его первыми боевыми операциями в самый трудный период борьбы за обладание морем. Безусловно, что все результаты этого времени неразрывно связывались с именем А. А. Эбергарда. А. В. Колчак к моменту своего назначения был уже достаточно авторитетным флотоводцем и исследователем, его имя было популярно во флоте и, по мнению обозревателя В. Я. Новицкого, составляло известную программу и олицетворяло известную тактическую школу, особенно близкую по духу и по историческим традициям Черноморскому флоту. В связи с переменой руководителя флота произошел ряд других изменений в высшем командном составе. Среди них выделялось назначение в Адмиралтейств-совет главного командира Севастопольского порта адмирала Николая Степановича Маньковско-го, который считался «одним из творцов современной черноморской морской силы, одним из тех старших начальников, работа которых остается для них несокрушимым памятником в достигаемых блестящих результатах». Такие изменения, в первую очередь деятельность активного и энергичного А. В. Колчака, улучшили работу Черноморского флота. Переход к тактике дальнего минирования защитил крымские порты от внезапных появлений неприятельских кораблей [12].

Стабилизация ситуации на Черноморском театре боевых действий способствовала укреплению военных частей Севастополя. 5 октября 1916 года в городе был открыт Морской его императорского высочества наследника цесаревича корпус. По мнению авторов «Морского сборника», важная задача создания на юге страны подобного учреждения была следствием давно осознававшейся необходимости, которую удалось реализовать с помощью энергичных работников [13].

Одной из главных загадок Первой мировой войны по-прежнему остается гибель линкора «Императрица Мария» на Севастопольском рейде 20 октября 1916 года. Причины взрыва порохового погреба на корабле до сих пор не выяснены. Версии произошедшего находятся в диапазоне от несоблюдения артиллерийскими специалистами правил хранения боезапаса до немецкой диверсии. Это событие, шокировавшее общественность и вызвавшее волну шпиономании, достаточно подробно было описано в «Морском сборнике». По официальному сообщению, приводившемуся в журнале, в носовых погребах начался пожар боеприпасов, затем произошел внутренний взрыв большой силы, и огонь начал распространяться по другим частям корабля, что объяснялось возгоранием нефти. На место происшествия немедленно прибыл командующий Черноморским флотом А. В. Колчак. Под его личным руководством моряки попытались локализовать пожар, проявив при этом чудеса самоотверженности. Постоянной была опасность взрыва, который мог привести к повреждениям стоящих на рейде кораблей и близлежащих портовых зданий. Не имея возможности остановить возгорание, было принято решение затопить «Императрицу Марию». Через три четверти часа после возникновения пожара корабль затонул. Во время тушения огня погибли один офицер, два кондуктора и 149 человек из нижних чинов. От ран и ожогов впоследствии скончались еще 64 матроса. Автор обзора, опубликованного в «Морском сборнике», по количеству жертв относил взрыв на линкоре «Императрица Мария» к числу «наименее тяжелых катастроф этого рода». Также отмечались подвиг черноморских команд и дружная самоотверженная работа моряков [14].

Кардинальные изменения в ход войны внесла Февральская демократическая революция в России. Редакция «Морского сборника» назвала это событие «народным гневом против поработителей всего честного и свободного». В первом после отречения Николая II номере отмечалось, что «великая народная волна смыла подгнившее у корней здание старой дореформенной России и в своей неудержимой быстрине уничтожила все препятствия, тормозившие открытое, честное, свободное слово на пользу родного дела». С помощью специфических флотских терминов объяснялось прошлое и будущее «Морского сборника»: «Тяжело было работать в дореформенное время, часто приходилось говорить одними намеками, вполголоса, но курс, взятый редакцией журнала, был верен, хромала только девиация, теперь ее удалось уничтожить совсем, и прямым курсом, все так же как и раньше на пользу флота и дорогой Родины, теперь уже свободной великой России и ее народа, пойдет журнал» [15].

В схожем ключе была выдержана статья старшего лейтенанта Николая Николаевича Нордмана с говорящим названием «Да здравствует свободная Россия!». В ней утверждалось, что государство вступило в «новый счастливый период своей жизни». Огромные надежды возлагались на Учредительное собрание. Завершалась статья следующим призывом: «Нужно, чтобы не было офицера, солдата, рабочего и крестьянина, а была бы единая народная семья равных граждан. Но до сего времени этого не было. От флота своего народ был далек, мало его знал или не знал вовсе. Употребим же все усилия, чтобы уничтожить это разделение, чтобы и мы, офицеры и матросы народного русского флота, могли постоянно черпать силы из неиссякаемой сокровищницы народного духа» [16].

По мнению автора «Морского сборника» Виктора Яковлевича Новицкого, революционный подъем наблюдался и на Черноморском флоте. В своих «Очерках миро-

вой войны на море» он отмечал, что «черноморцы явили пример исключительной политической и военной зрелости. Великий переворот совершился в Севастополе и на флоте в таком порядке, о котором трудно было мечтать». Эта заслуга приписывалась сознательности офицеров и матросов, а также разумной и целесообразной распорядительности командующего флотом адмирала А. В. Колчака. В. Я. Новицкий считал, что именно Александру Васильевичу принадлежит видная роль в том, что Черноморский флот вышел из пережитых событий с новыми силами для борьбы с внешним врагом [17]. В данном случае можно говорить о выдаче желаемого за действительное. Безусловно, в Севастополе сразу после победы Февральской революции не знали массовых жесточайших издевательств и убийств офицеров, которые были повсеместными на Балтийском флоте. Вместе с тем уже тогда наблюдалась тенденция к неподчинению нижних чинов, а желание матросов проводить демонстрации и митинги преобладало над выполнением непосредственных боевых обязанностей.

Постепенно революционная эйфория начала спадать и уже в июльском номере «Морского сборника» за 1917 год в «Очерках мировой войны» на море появляются первые тревожные сообщения из Севастополя: «Севастопольцы – моряки, солдаты и рабочие, так как другие элементы населения совершенно теряются в Севастополе, – городе, носящем характер исключительно военно-морского центра, с самого переворота проявляли высокую сознательность и сдержанность. Недаром черноморская делегация и в тылу, и на фронте явилась носителем наиболее сознательных с государственной точки зрения лозунгов, отражая в этом отношении настроения посланного ее флота, крепости и порта. Вместе с тем черноморцы с самого начала переворота и строительства новой России работали в единении и дружном сотрудничестве со своим командующим флотом адмиралом Колчаком, стяжавшим исключительную популярность не только на флоте, но и среди широких кругов населения России. К сожалению, в последнее время в отношениях между адмиралом и его сотрудниками появились некоторые недоразумения, которые в связи с произошедшей в Севастополе короткой вспышкой несдержанности, наиболее резким проявлением которой явилось обезоружение офицеров» [18].

Несмотря на то, что вспышка агрессии довольно быстро прошла, в городе сложилась такая обстановка, что командующий Черноморским флотом А. В. Колчак и его начальник штаба Михаил Иванович Смирнов были вызваны в Петроград. Временное управление флотом было поручено контр-адмиралу Вениамину Константиновичу Лукину, а исполнение обязанностей начальника штаба было возложено на капитана первого ранга Александра Сергеевича Зарина. Последовавшая за выездом в столицу отставка А. В. Колчака, принимая во внимание его исключительные заслуги и проявленные военные качества, расценивалась современниками как большая потеря для Черноморского флота. Автор «Морского сборника» В. Новицкий надеялся, что отставка адмирала, вызванная совершившимися в Севастополе событиями и общей обстановкой на Черном море, не будет принята Временным правительством [19]. Тем не менее, Колчак все же ушел со своего поста.

Несмотря на бурные изменения в жизни главной базы Черноморского флота России, в публикации морского журнала Севастополь назывался «центром высокой сознательности» [20]. Можно выделить несколько причин такого подхода к освеще-

нию событий войны и революции в городе. Первой из них следует назвать незнание всех аспектов ситуации, сложившейся в Крыму. Не следует забывать о нарушении коммуникаций между столицей и регионами, которое наблюдалось на протяжении всего 1917 года. Вторая причина, вероятно, заключалась в нежелании редакции официального журнала дестабилизировать и без того неспокойную обстановку на фронтах. Сообщения о матросской вольнице и неподчинении командованию в Севастополе могли вызвать панику у офицеров других флотов России и неудовольствие высшего командования.

Вопреки революционным волнениям, в летние месяцы 1917 года Черноморский флот наращивал свою мощь. В это время в Севастополь прибыл построенный в Николаеве дредноут – линейный корабль «Воля», который начинал строиться под названием «Александр III». Автор «Очерков мировой войны на море» с гордостью констатировал: «Теперь с вступлением в строй Черноморского флота этого последнего дредноута этот флот достиг своей максимальной силы. Еще никогда в истории Черное море не видело столь значительной морской силы, еще никогда военные операции на морском театре не были для нас более заманчивыми» [21]. Как известно, всем грандиозным замыслам черноморского командования не суждено было сбыться.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в публикациях «Морского сборника» за период с 1914 по 1917 год подробно освещаются события Первой мировой войны на Черном море. Особое внимание уделялось действия Черноморского флота и основным сражениям с участием его кораблей. Также внимательно разобраны редакцией атаки крымских берегов германо-турецкими крейсерами «Гёбен» и «Бреслау». Важно, что журналом рассматривались не только победы флота, но и неудачи, в том числе до сих пор остающийся загадочным взрыв на линкоре «Императрица Мария». Помимо этого «Морской сборник» является важным источником по истории пребывания адмирала А. В. Колчака на должности командующего Черноморским флотом и революционных событий в Крыму. Следовательно, публикации флотского журнала существенно расширяют ныне известный корпус крымоведческих материалов.

Список использованных источников и литературы

1. Жерве Б. Германия и ее морская сила / Б. Жерве // Морской сборник. – 1914. – Т. 384, № 8. – неоф. – С. 111–234.
Zherve B. Germanija i ee morskaja sila / B. Zherve // Morskoj sbornik. – 1914. – Т. 384, № 8. – неоф. – С. 111–234.
2. Мировая война : повод к войне и ход дипломатических переговоров, приведших к разрыву. // Морской сборник. – 1914. – Т. 384, № 8. – неоф. – С. 1–64.
Mirovaja vojna : povod k vojne i hod diplomaticheskikh peregovorov, privedshih k razryvu // Morskoj sbornik. – 1914. – Т. 384, № 8. – неоф. – С. 1–64.
3. Кладо Н. Очерки мировой войны / Н. Кладо // Морской сборник. – 1914. – Т. 385, № 11. – неоф. – С. 260–261.
Klado N. Oчерki mirovoj vojny / N. Klado // Morskoj sbornik. – 1914. – Т. 385, № 11. – неоф. – С. 260–261.
4. Памяти славных // Морской сборник. – 1916. – Т. 196, № 10. – неоф. – С. 1–4.
Pamjati slavnyh // Morskoj sbornik. – 1916. – Т. 196, № 10. – неоф. – С. 1–4.
5. Т. Походы «Гёбена» и «Бреслау» / Т. // Морской сборник. – 1916. – Т. 396, № 10. – неоф. – С. 53–62.
T. Pohody «Gjobena» i «Breslau» / T. // Morskoj sbornik. – 1916. – Т. 396, № 10. – неоф. – С. 53–62.

6. П. Т. Бой 5-го ноября 1914 года у мыса Сарыч : по рассказам участников и опубликованным данным / П. Т. // Морской сборник. – 1915. – Т. 391, № 11. – неоф. – С. 1–4.
- P. T. Woj 5-go nojabrja 1914 goda u mysa Sarych : po rasskazam uchastnikov i opublikovannym dannym / P. T. // Morskoj sbornik. – 1915. – T. 391, № 11. – neof. – S. 1–4.
7. Русские официальные сообщения о войне // Морской сборник. – 1914. – Т. 385, № 11. – неоф. – С. 90.
- Russkie oficial'nye soobshhenija o vojne // Morskoj sbornik. – 1914. – T. 385, № 11. – neof. – S. 90.
8. Кладо Н. Очерки мировой войны / Н. Кладо // Морской сборник. – 1915. – Т. 387, № 4. – неоф. – С. 165.
- Klado N. Ocherki mirovoj vojny / N. Klado // Morskoj sbornik. – 1915. – T. 387, № 4. – neof. – S. 165.
9. Там же. – С. 167.
- Tam zhe. – S. 167.
10. Очерки мировой войны на море // Морской сборник. – 1915. – Т. 390, № 10. – неоф. – С. 164–165.
- Ocherki mirovoj vojny na more // Morskoj sbornik. – 1915. – T. 390, № 10. – neof. – S. 164–165.
11. Багров Л. Очерки мировой войны на море / Л. Багров // Морской сборник. – 1916. – Т. 392, № 2. – неоф. – С. 180–184.
- Bagrov L. Ocherki mirovoj vojny na more / L. Bagrov // Morskoj sbornik. – 1916. – T. 392, № 2. – neof. – S. 180–184.
12. Новицкий В. Очерки мировой войны на море / Новицкий В. // Морской сборник. – 1916. – Т. 396, № 9. – неоф. – С. 220–221.
- Novickij V. Ocherki mirovoj vojny na more / Novickij V. // Morskoj sbornik. – 1916. – T. 396, № 9. – neof. – S. 220–221.
13. Новицкий В. Очерки мировой войны на море / Новицкий В. // Морской сборник. – 1916. – Т. 397, № 11. – неоф. – С. 227.
- Novickij V. Ocherki mirovoj vojny na more / Novickij V. // Morskoj sbornik. – 1916. – T. 397, № 11. – neof. – S. 227.
14. Очерки мировой войны на море // Морской сборник. – 1916. – Т. 397, № 12. – неоф. – С. 219–221.
- Ocherki mirovoj vojny na more // Morskoj sbornik. – 1916. – T. 397, № 12. – neof. – S. 219–221.
15. От редакции // Морской сборник. – 1917. – Т. 399, № 3. – неоф. – С. I.
- Ot redakcii // Morskoj sbornik. – 1917. – T. 399, № 3. – neof. – S. I.
16. Нордман Н. Да здравствует свободная Россия! / Н. Нордман // Морской сборник. – 1917. – Т. 399, № 3. – неоф. – С. III–IV.
- Nordman N. Da zdravstvuet svobodnaja Rossija! / N. Nordman // Morskoj sbornik. – 1917. – T. 399, № 3. – neof. – S. III–IV.
17. Новицкий В. Очерки мировой войны на море / В. Новицкий // Морской сборник. – 1917. – Т. 399, № 4. – неоф. – С. 152.
- Novickij V. Ocherki mirovoj vojny na more / V. Novickij // Morskoj sbornik. – 1917. – T. 399, № 4. – neof. – S. 152.
18. Новицкий В. Очерки мировой войны на море / В. Новицкий // Морской сборник. – 1917. – Т. 400, № 7. – неоф. – С. 142–143.
- Novickij V. Ocherki mirovoj vojny na more / V. Novickij // Morskoj sbornik. – 1917. – T. 400, № 7. – neof. – S. 142–143.
19. Там же. – С. 143.
- Tam zhe. – S. 143.
20. Там же. – С. 144.
- Tam zhe. – S. 144.
21. Очерки мировой войны на море // Морской сборник. – 1917. – Т. 401, № 8. – неоф. – С. 156.
- Ocherki mirovoj vojny na more // Morskoj sbornik. – 1917. – T. 401, № 8. – neof. – S. 156.

Лепісевич Н. З. Події Першої світової війни на Чорному морі у викладі часопису «Морской сборник» / Н. З. Лепісевич // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 67–78.

Проаналізовано публікації часопису «Морской сборник», присвячені Першій світовій війні на Чорному морі. Дане видання було офіційним друкованим органом Морського міністерства і презентувало державну точку зору на події, що відбувалися на фронтах, та їх оцінку. Охарактеризовано підхід реда-

кції «Морського збірника» до викладу історичного матеріалу. Уперше в сучасній історіографії розглянуті матеріали рубрик журналу «Російські офіційні повідомлення про війну» і «Нариси світової війни на морі». Авторами цих публікацій були провідні історики флоту і теоретики морської справи того часу. Ключовими подіями війни на Чорному морі стали обстріл кримських портів крейсерами «Гьобен» і «Бреслау», бій біля мису Сарич, загибель лінкора «Імператриця Марія» на Севастопольському рейді. Визначено, що джерелами для публікацій «Морського збірника» служили як відомості з офіційних документів, так і свідчення очевидців. Відзначено факти замовчування редакцією флотського друкованого видання неблагополучних інцидентів у матроської і офіцерському середовищі. Особливий акцент зроблено на розгляді діяльності адмірала О. В. Колчака на посаді командувача Чорноморським флотом, а також на подіях у Криму, що слідували за перемогою Лютневої революції.

Ключові слова: «Морской сборник», Перша світова війна, Чорноморський флот, Севастополь, О. В. Колчак.

Lepisevich N. Z. Events of World War I on the Black Sea in the presentation of the magazine «Marine Collection» / N. Z. Lepisevich // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 67–78.

The article analyzes the publication of the magazine «Marine Collection», devoted World War on the Black Sea. This journal was the official publication of the Ministry of Marine and presented the government's point of view on the events, what taking place on the fronts and their evaluation. Was characterized editorial approach by «Marine Collection» for the presentation of historical material. First time in modern historiography considered materials magazine columns, «Russian official reports on the war» and «Sketches of World War at Sea». The authors of these publications have been leading historians and theorists fleet of maritime affairs at the time. The key events of the war in the Black Sea began shelling the Crimean ports cruisers «Goeben» and «Breslau», Battle of Cape Sarich, the death of the battleship «Empress Maria» in Sevastopol raid. Determined that the source for the publication of «Marine Collection» serves from information by official records and eyewitness accounts. There are incidents of silence edited publication naval incidents in the troubled sailor and officers. The shelling of the Crimean port of German-Turkish cruisers received wide coverage in the pages of «Marine Collection». Understood and eyewitness accounts, and military information. In «Marine collection» even considered foreign publications on enemy ships. This paper successively presented events in Sevastopol and the Black Sea during 1914–1917 years. One of the mysteries of the First World War is still death battleship «Empress Maria» in Sevastopol raid October 20, 1916. Cause of the explosion of the powder magazine on the ship has not yet been elucidated. The review, published in the «Marine collection», the number of victims attributed to the explosion of the battleship «Empress Maria» among the «least severe disasters of this kind». Noted, that feat commands and friendly selfless work of seafarers. Magazine publication prepared N. L. Klado and B. B. Gervais, informs readers about the events of World War II. The author draws attention to the violation of international law by Turkey and examined in detail the tactics of the Black Sea Fleet. In its materials were lauded exploits officers and sailors. Specificity of publications was that the information was presented selectively focus was mainly a victory, and miscalculations suppressed. Was named the probable causes by this phenomenon. Particular emphasis is placed on the article reviewing the activities of Admiral A. V. Kolchak as commander of the Black Sea Fleet, as well as events in the Crimea following the victory of the February Revolution. The euphoria after the victory of the February Revolution in Russia affected the content of the publication of materials. At the time of publication contain slogans, calling for the democratization of messages on rallies and demonstrations. However, soon the revolutionary ardor was, and has been published reports of resignation A. V. Kolchak from his post as commander of the Black Sea Fleet. Latest publication of the war was the information about the commissioning of the battleship «Will». As you know, the war prevented further action October Revolution. Contributions greatly expand naval magazine now known body of local history materials about Crimea.

Keywords: «Marine Collection», the First World War, the Black Sea Fleet, Sevastopol, A. V. Kolchak.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Е. А. Бачинская

д.и.н., проф. Е. В. Латышева

ХАРАКТЕРИСТИКА УКАЗОВ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ», КАСАЮЩИХСЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОВЦЕВОДСТВА НА ЮГЕ УКРАИНЫ

Нигматуллин Э. Р.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: ario666@list.ru*

Развитие сельского хозяйства на территории современной Украины не соответствует имеющемуся потенциалу. На сегодняшний день осуществляются попытки возрождения сельского хозяйства, в частности овцеводства. Несколько похожая история происходила некогда на территории Российской империи. На содержание регулярной армии требовалось большое количество сукна, для производства которого не хватало шерсти. Местные овцы в основном, предназначались к употреблению в пищу. Правительство начало принимать меры по улучшению и распространению овцеводства. Проанализированы указы «Полного собрания законов Российской империи», касающиеся распространения и развития овцеводства на территории Юга Украины. Отмечается роль правителей в развитии хозяйства. Акцентируется внимание на наиболее важных указах, повлиявших на становление овцеводства. Отмечен переход распространения и развития овцеводства от государственных предприятий к частным. Упомянуты первые частные предприниматели. Исследуются указы о создании первых обществ и компаний по разведению овцеводства в Российской империи. Выделены ключевые этапы развития тонкорунного овцеводства. Рассматриваются документы, действовавшие по всей территории империи. Работа основывается исключительно на указах «Полного собрания законов». Результаты проведенного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения темы.

Ключевые слова: «Полное собрание законов Российской империи», указы, овцеводство, Юг Украины, общества, компании.

Нынешнее развитие сельского хозяйства на территории Украины проходит не лучшим образом. Если состояние земледелия еще менее критично, то животноводство переживает не лучшие времена. И как следствие, государство предлагает импортную продукцию по высокой стоимости. Этого можно было избежать при лучшем взаимодействии государства с селом. На данный момент совершаются попытки возродить некоторые отрасли сельского хозяйства, в особенности, речь идет об овцеводстве. Совсем недавно овцеводство успешно развивалось, принося выгоды и государству, и населению. Петр I был одним из инициаторов распространения и развития этого хозяйства. Возможно, имеет смысл заглянуть в прошлое и проследить за историей овцеводства. В идеале, это позволит, пользуясь прошлым опытом, успешно продолжить восстановление и, в конечном счете, возродить овцеводство на территории нашего государства.

В 1826 году общественный и государственный деятель М. М. Сперанский (1772–1839) по указу Николая I начинает работу над сборником законодательных актов Российской империи. В состав «Полного собрания законов» должны были войти все отменённые и действующие узаконения, изданные с 1649 года, а также судебные решения за этот же период, имевшие принципиальное значение. Работа по составлению велась четыре года, и в 1830 году было издано первое Полное собрание законов за период с 1649 по 1825 год. Второе собрание выпускалось ежегодно в 1830–1884 годах, оно содержит законодательные акты за период с 1825 года

по 1881 год. Третье собрание выходило ежегодно до 1916 года, включает законодательные акты за период с 1881 по 1913 год.

Изучение указов «Полного собрания законов Российской империи», является основанием для дальнейшего исследования истории овцеводства на Юге Украины. Не все события, повлиявшие на развитие хозяйства, собраны в указах. Для более глубокого изучения истории тонкорунного овцеводства, необходимо использовать и другие источники. Однако сосредоточение такого числа указов, посвященных данной теме, обязала провести отдельное исследование.

Основным источником для проведения исследования послужило «Полное собрание законов Российской империи».

Целью настоящей исследовательской работы является освещение и исторический анализ указов о распространении и развитии тонкорунного овцеводства на Юге Украины, содержащихся в «Полном собрании законов Российской империи». Для достижения данной цели необходимо решить некоторые задачи. А именно, опираясь на указы, охарактеризовать роль правителей России в продвижении данного хозяйства, а также выделить наиболее значимые указы, повлекшие за собой распространение тонкорунного овцеводства в Южных губерниях империи. Однако необходимо учитывать тот факт, что в данной статье будут проанализированы и те указы, которые касались всего государства в целом.

В 1716 году, некий капитан Норов был отправлен за границу в поисках овчаров и суконщиков. К этому же году относится первый указ, касавшийся овцеводства и содержащийся в «Полном собрании законов». От 29 апреля 1716 года Сенату был дан указ «О принятии и употреблении к делу нанятых овчаров и суконных мастеров» [5]. Из документа мы узнаем, что нанятые рабочие заключали трехлетний контракт с государством на весьма выгодных условиях, согласно которому они получали не только зарплату, но и жилье с необходимым для проживания провиантом. Овчары же обязывались вести овцеводство и возделывать шерсть по своему обыкновению, отправляя ее суконным мастерам.

В 1717–1721 годах была проведена реформа исполнительных органов управления, в результате которой были созданы двенадцать коллегий–предшественники будущих министерств. Сферы деятельности каждой коллегии были строго разграничены, а отношения в самой коллегии строились на принципе коллегиальности решений. Овчарные заводы были ведомы Мануфактур-коллегией, о чем свидетельствует Сенатский указ от 4 марта 1720 года «О распределении ведомства дел между разными присутственными местами» [6]. С этого момента Мануфактур-коллегия занималась распространением и развитием, а также составлением руководств по ведению овцеводства в России.

11 мая 1722 года вышел любопытный Сенатский указ «О раздаче заводских овец вотчинникам и о продаже шерсти с оных на суконные фабрики». Дело в том, что в указе говорится о раздаче, носившей принудительный характер. По всей видимости, темпы распространения хозяйства, а вместе с ним и состояние сукноделия, не устраивало государство, что и послужило причиной к принятию подобных мер. Шерсть, согласно указу, предполагалось продавать на суконные заводы по приемлемой цене [7].

Указом от 5 февраля 1724 года «О посылке в Шлезию людей для обучения овцеводству, стрижению шерсти и употреблению оной в дело» был сделан следующий шаг, уже не к распространению, а к развитию овцеводства. В числе командированных был майор Афанасий Кологривов, два дворянина, а также несколько русских овчаров. Кологривов обязался вернуться через год, овчары должны были остаться в Силезии на два года, для тщательного изучения местного овцеводства [8].

Количество шерсти, поступавшей на суконные фабрики, все еще не устраивало Петра I, и он обратил внимание на географические условия украинских земель. 15 июня 1724 года вышел манифест «О содержании Малороссийскими жителями овец по данным наставлениям и о продаже шерсти на суконные фабрики». Заниматься овцеводством призывались люди «всякого чина и достоинства». В документе упоминался гетман И. И. Скоропадский (1646–1622), у которого в 1722 году в Москве, состоялась встреча с Петром I. Между ними состоялся разговор касательно овцеводства. Далее в документе делается акцент на том, что П. Л. Полуботок (1660–1724) и С. С. Савич (1669–1725) не были доброжелательны отечеству и не распространили регулы Мануфактур-коллегии о содержании овец по шленскому обыкновению. Таким образом, данным манифестом правительство призывало заниматься овцеводством, опираясь на руководство, составленное Мануфактур-коллегией, а получаемую шерсть продавать на суконные фабрики [9].

Более указов периода правления Петра I в «Полном собрании законов Российской империи» не имеется. Подводя итог, необходимо отметить стремление Петра I распространить и улучшить овцеводство, а вместе с ним и сукноделие, что послужило началом развития данного хозяйства.

Следующий интересующий нас указ относится к правлению Петра II. 22 ноября 1727 года был издан указ «О посылке дворян Деревецкого и Волчкова в Малую Россию для надзирания за содержанием у Малороссийских обывателей овец по кошарам». Из документа, мы узнаем, что ранее упомянутые майор Афанасий Кологривов и два дворянина – Игнатий Деревецкий и Сергей Волчков, а также овчары – отправились в Силезию только 20 июля 1725 года. По приезду 20 августа 1727 года, они выполнили задание Мануфактур-коллегии и предоставили регулы по разведению овец. Далее упоминалась промемория Малороссийской коллегии от 23 февраля 1726 года, в которой было указано число овец в слободских полках – 338902 голов. Уже в следующей докладной записке от 20 апреля 1727 года Малороссийская коллегия просила незамедлительно прислать овчаров и офицеров для надзора за кошарами. Указом было принято решение отправить Игнатия Деревецкого и Сергея Волчкова с овчарами. По прибытию на место предполагалось распределить их по хозяйствам, выплачивая заработную плату [10]. Как видим, показатели состояния овцеводства на территории Украины были весьма впечатляющими, однако местное правительство опасалось ухудшения результатов за неимением требуемых знаний по возделыванию шерсти.

Вышеупомянутые намерения не были исполнены, об этом мы узнаем из следующего указа от 23 июня 1729 года «О посылке в Малороссию смотрителей из дворян и овчаров для наблюдения за овчарными заводами и содействия к разведению овец лучших пород». Оказывается, дворяне и овчары, обучавшиеся в Силезии,

так и не прибыли в Украину, о чем писал, согласно документу, сам гетман Данило Апостол (1654–1734). Указом постановлялось немедленно командировать в Малороссию обученных дворян и овчаров, а в будущем отправлять отчеты по состоянию развития овчарных заводов [11]. Заинтересованность гетмана лишний раз подтверждает высокую значимость развития овцеводства для государства.

Развитие овцеводства при Петре II не было стремительным, а указы, периода его правления, не были столь эффективными и значимыми, как при Петре I. Об этом свидетельствует указ от 30 декабря 1731 года «Об отсылке в Иностранную коллегию для отправления в Малую Россию овчарных мастеров иноземцев, дабы они в тех краях смотрели за улучшением овцеводства». Гетман пишет о том, что состояние овцеводства по-прежнему, за неумением жителей, ухудшается. Было принято решение иностранных овчаров, работавших в Казани, отправить в Украину. Развитие хозяйства в Малороссии, было для Мануфактур-коллегии более приоритетной задачей [12].

Одним из самых интересных указов, исследованных в рамках данной темы, является «Регламент и работные регулы на суконные и каразейные фабрики, состоявшийся по докладу учрежденной для рассмотрения о суконных фабриках Комиссии» от 2 сентября 1741 года относящийся ко времени кратковременного царствования Ивана VI. Из документа узнаем, что была создана специальная комиссия, проводившая ревизию по суконным фабрикам. В случае изготовления сукна низкого качества, накладывался штраф. В докладе комиссии отмечалась необходимость распространения овцеводства на территориях с благоприятным климатом, и, в качестве примера, приводилась Украина. Упоминалась необходимость ввоза в Российскую империю баранов из Силезии, Померании и Готландии для дальнейшего разведения и скрещивания. Акцентировалось внимание на то, что большое количество сукна уходило на военные нужды, от чего казна терпела большие убытки. Отмечалась необходимость ограничения ввоза иностранных сукон. Подчеркивалось, что в случае правильной работы фабрик и развития овцеводства, импорт сукна может быть остановлен. После доклада следовали рекомендации по улучшению условий труда, а именно, приведение в порядок рабочих помещений, повышение уровня компетентности рабочих, налаживание дисциплины и прививание ответственности. Данный указ являлся первым в своем роде, где прописывались правила работы на суконных фабриках [13].

При правлении Павла I, 4 марта 1797 года был учрежден особый правительственный орган, которому поручено было государственное хозяйство и, вместе с тем, заботы о земледелии и о колонистах. Это учреждение называлось Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства. В круг действий этой Экспедиции входили «изыскание надежных и полезных средств для приведения земледелия в лучшее состояние» и исследование местных выгод и нужд каждой губернии. С целью «дабы тем вернее, как говорилось в указе, экспедиция открывала точный путь, по которому бы не только рукоделия, но даже и самые произведения природы искусством и тщанием могли бы быть приводимы в лучшее час от часу состояние и совершенство». В состав Экспедиции входили Храповицкий, Тарбеев, Самборский, Хитрово, Габлиц и Татаринов [14].

ХАРАКТЕРИСТИКА УКАЗОВ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ», КАСАЮЩИХСЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОВЦЕВОДСТВА...

Миклош Иосиф Эстерхази (1714–1790)

Карл-Людвиг Иванович Габлиц (1752–1821)

20 июня 1797 года поступил доклад вышеупомянутой Экспедиции «О сложении в бывшей Таврической области сбора за пастьбу скота и об учреждении в том краю овчарного завода настоящей Испанской породы». Отмечались степи Тавриды, их пригодность к развитию скотоводства. Осуждался сбор денег за пастьбу и зимовку овечьих стад, который был введен во времена Крымского ханства и продолжался взиматься после присоединения региона к Российской империи помещиками, несмотря на отсутствие законного основания. По словам К. И. Габлица (1752–1821), в зависимости от численности стада, сбор составлял от 10 до 12 тысяч рублей в год [15].

Далее в докладе отмечалась значимость скотоводства для Южных губерний империи, а также необходимость отмены сбора и, напротив, способствования к развитию хозяйства, что позволило бы увеличить государственную прибыль. Завершает доклад предложение учредить в Таврическом краю овчарного завода испанских пород для улучшения качества шерсти. Деятельность Экспедиции позволяет подчеркнуть успехи развития сельского хозяйства в Российской империи, а также желание отыскать наиболее пригодные территории для успешного развития территории.

Более конкретно вопрос об устройении в Крыму овчарного завода затрагивался в следующем докладе Экспедиции «О заведении и содержании в Тавриде овчарного завода и о выписывании Испанских баранов и овец» от 12 августа 1797 года. В документе отмечалось, что овчарный завод не требует выделения определенного места, а по примеру испанских стад, может быть подвижными, для чего особенно благоприятной является горная часть Крыма. По словам К. И. Габлица (1752–1821), территория от Балаклавы до Судака, благодаря прохладности климата, наиболее пригодна для летних пастбищ. Зимой овец необходимо перегонять в Южные приморские долины, где холод почти не чувствителен. За пастьбу овец, согласно докладу, нужно было платить, так как пастбища находились в частных владениях.

Интересным является то, что нужды в специальных постройках для содержания овец не было. Ночью и в ненастную погоду, стада предлагалось загонять в пещеры. Для зимовки стад предложено построить сараи простого типа.

Для улучшения шерсти, подчеркивалась необходимость выписать овец из Испании, а именно из Сеговии и Леона, дабы скрестить их с местными лучшими овцами горной породы. Вместе с животными, предлагалось выписать и овчаров с собаками, для осуществления надлежащего ухода за стадом, а также в будущем научить своему мастерству местное население.

Перевозка овец поручалась Бицову, который длительное время пребывал в Мадриде. На все предполагаемые расходы, в его распоряжение было перечислено 12,5 тысяч рублей. Устройство овчарни в Тавриде поручалось Новороссийскому губернатору, на что перечислили 6,5 тысяч рублей. Необходимо отметить, что сумма, которую предлагалось выделить, была завышена для перестраховки, об этом также упоминалось в докладе [16]. К сожалению, по случаю войны 1799 года, намерения осуществить не удалось.

После доклада Экспедиции, последовал указ генерал-прокурора «О заведении овчарных заводов во всех губерниях, где климат дозволит» от 13 августа 1797 года, в котором помещиков призывали устраивать овчарни там, где позволяет климат.

Павел I оказал благоприятное воздействие на распространение и развитие овцеводства. Организация и деятельность Экспедиции только подтверждают данный вывод. Несмотря на то, что часть задуманного так и не удалось осуществить, внимание на благоприятные регионы, в частности на Крым, все же было обращено. Экспедицией была предложена и проработана схема ввоза в Российскую империю испанских овец, что в будущем, несомненно, оказало положительное влияние на развитие хозяйства.

Во время правления Александра I, распространение и развитие овцеводства перешло на новый этап. Теперь, хозяйства переходили из государственного владения в частное. Об этом свидетельствует следующий указ от 19 мая 1803 «Об отводе иностранцу Миллеру земли для заведения в Новороссийском краю овцеводства». Из документа узнаем, что немецкий колонист Миллер изъявил желание разводить овец гипшанской породы, для чего выбрал земли возле Одессы. Однако, эта земля, по свидетельству Екатеринославского губернатора М. П. Миклашевского (1756–1847), в 1783 году была отдана молдавскому чиновнику подполковнику Палладию, однако им не использовалась. Поэтому, указом постановлялось решить все вопросы, связанные с выбранной Миллером землей, а тем временем, разрешалось устроить на ней овчарню [17].

В «Полном собрании законов» от 12 января 1804 года, содержится доклад министра внутренних дел «О раздаче земель для разведения овец иностранной породы». Он был связан с возрастанием числа помещиков, желавших заниматься овцеводством. В докладе предлагались следующие условия. Земля предоставлялась сроком на 10 лет, в течение которых, помещик обязался развести определенное количество овец, в зависимости от размера территории. В случае выполнения условий, земля переходила в посмертное пользование. Если помещик занимался овцеводством еще 5 лет сверх положенного срока, земля переходила в потомственное владение. За невыполнение предписаний, на помещика возлагался крупный штраф [18].

К распространению и развитию в Крыму овцеводства возвращает доклад «О заведении овчарного завода в Крыму» от 31 января 1804 года. Венгерский князь Миклош Иосиф Эстерхази (1765–1833), узнав о заинтересованности Российской империи в разведении овец испанской породы, предлагал свои услуги по поставке мериносов. Министром внутренних дел В. П. Кочубеем (1768–1834) предлагалось поручить разведение овец французскому эмигранту Вильгельму Рувье (1756–1815). При этом, подчеркивалось, что государственные предприятия не столь удачны в развитии, как частные, где важнейшим двигателем является прибыль.

В результате переговоров, В. Рувье получил ссуду размером в 100 тысяч рублей, 90 тысяч из которых пошли на покупку у князя Миклоша Иосифа Эстерхази овец, а 10 тысяч рублей отправлены Таврическому губернатору на нужды овчарни. Ссуду с процентами В. Рувье обязался вернуть по истечении 12 лет. Земля выделялась в Крыму согласно указанным ранее правилам 1804 года, размером в 30 тысяч десятин, на которой, в течение 12 лет, В. Рувье должен был довести численность овец в стадах до 100 тысяч овец. Дополнительно, француз обязался выписать из Испании 500 лучших баранов, а в будущем, приумножив овец, продавать их по уме-

ренной цене. Последним условием было содержать и обучать в течение 6 лет до 100 учеников возрастом от 15 до 17 лет [19].

Условия, установленные государством, были достаточно жесткими, которыми оно оставляло хозяйство под своим контролем. Во-первых, это было связано с масштабом будущего проекта. Во-вторых, с опасением касательно успешности и недоверия к самому Вильгельму Рувье.

Еще в 1802 году немецкий колонист Миллер изъявил желание заниматься овцеводством, о чем подробно было сказано ранее. Тогда ему было разрешено пользоваться землей молдавского чиновника подполковника Палладия. Докладом министра иностранных дел от 24 февраля 1805 года «О заключении с иностранцем Миллером условий на разведение испанской породы овец в окрестностях Одессы» были установлены условия его деятельности. В 1804 году Миллер привез 25 человек и 1200 овец в Одессу, после чего ему было выделено 12 тысяч десятин вблизи Одессы. Была предоставлена беспроцентная ссуда суммой в 20 тысяч рублей с условием самостоятельного возделывания шерсти. Немец обязался довести количество овец в течение 3 лет до 30 тысяч, из которых 10 тысяч будут чистой испанской породы, которую в случае подтверждения подлинности, государство обещало купить, заплатив по 80 рублей за каждую. Для скорейшего улучшения овец местной породы в Российской империи, не должен был препятствовать случке с мериносами. А также был обязан обучить мастерству ведения овцеводства 30 мальчиков [20].

На наш взгляд, условия, поставленные перед Миллером, были несколько мягче, нежели условия поставленные перед В. Рувье. Возможно, это было связано с тем, что Миллер к моменту соглашения уже привез определенное количество людей и стадо мериносов. Необходимо учитывать и тот факт, что хозяйство Миллера территориально уступало хозяйству В. Рувье. Несмотря на все сложности, деятельность Миллера и В. Рувье в будущем могла принести массу выгод для России, правительство это прекрасно понимало.

Раньше шерсти не хватало даже на собственные суконные фабрики. Начиная с 1805 года, указом от 5 мая «Об отпуске тонкой овечьей шерсти за границу, с платежом пошлины по 50 копеек с пуда» ее разрешают продавать в другие страны [21]. Говорит это, прежде всего о поддержке правительством частных лиц, помещиков, которые начали заниматься разведением мериносов. Государство было уверено в возрастании в будущем объемов и успешности развития производства. Данный указ не только позволял повысить доходы, но и мотивировал к расширению хозяйства.

Миллер, который заключил в 1805 году контракт, о чем описывалось выше, к 1808 году выполнил поставленные перед ним условия и довел количество овец до 70 тысяч голов. Об этом, мы узнаем из доклада министра внутренних дел от 12 июня 1808 года «О продаже баранов и овец лучшей породы, купленных правительством у иностранца Миллера, помещиками тех губерний, кои признаются удобнейшими для улучшения в них овцеводства». Однако иностранец остался недоволен прибылью, по его словам, в будущем хозяйство и вовсе сделается убыточным. В связи с этим, Миллер предложил государству план будущего сотрудничества, который может принести пользу обеим сторонам.

Причина столь медленного развития хозяйства, по мнению иностранца, в том, что занимались им всего лишь несколько помещиков в империи. Поэтому, Миллер предложил до 1810 года скупить у него около 3 тысяч мериносов по 40 рублей за овцу и 60 рублей за барана, и распределить их по губерниям для учреждения заводов, а также раздать, желающим заняться овцеводством. Тут же Миллер отмечал, что не у всех хватит средств на приобретение животных, в таком случае, государству предлагалось выдавать денежные ссуды.

Вместе с овцами, Миллер обещал выдавать подробную инструкцию по разведению мериносов. А в будущем открыть школу для 100 учеников, где будет безвозмездно обучать их своему мастерству. Правительство, учитывая его заслуги, рассмотрело это предложение и сочло нужным его принять [22].

Уже 20 июня того же года вышел следующий доклад «Об отпуске сумм для раздачи помещикам на покупку Испанской породы овец и баранов, до составления капитала на поощрение промышленности, из доходов, Почтовому Департаменту принадлежащих». Согласно документу, 160 тысяч рублей, которые необходимо было перечислить Миллеру, выделялись из казны Почтового Департамента. Приобретенные государством мериносы отправлялись в Саратовскую и Новороссийскую губернии [23].

Действия по улучшению качества шерсти были успешными, а результат не заставил себя ждать. 30 декабря 1810 года поступил доклад «О средствах к ускорению разведения овец улучшенной породы в Российских губерниях». В документе отмечалось качество шерсти скрещенных овец, о чем свидетельствовали образцы, собранные Вильгельмом Рувье. Сам овцевод отмечал и прибыльность занятия хозяйством. Пустующие степи он советовал использовать для заведения овчарен. Первым из тех, кто воспользовался советом был граф Кочубей, который учредил большое количество заводов по разведению цыгайских овец возле Перекопа и Одессы. Порода этих овец была наиболее подходящей к случке с испанскими мериносами.

В связи с полученными результатами, министр внутренних дел предлагал перенести из Валахии стадо овец цыгайской породы и пригласить к организации предприятий людей, способных предоставить гарантии и положительные результаты [24]. Как видим, правительство, убедившись в успешности деятельности частных лиц, продолжает двигаться в установленном направлении, привлекая к делу новых овцеводов.

В 1824 году в Россию прибыли два англичанина Левин и Каррутерс с целью организовать шерстомойни за свой счет. Комитет Министров, выслушало их предложение и решило выделить им землю для постройки заведений, которых, по их мнению, в государстве не существовало. А ее появление позволило бы улучшить состояние шерсти и продавать ее в другие государства в больших количествах. Однако, Александр I, отказался принимать предложение Комитета Министров, заявив, что все помещики, желавшие обучить своих людей мыть и сортировать шерсть, могут отправлять их в Царское Село, где таковое заведение уже имелось. Если же потребуется увеличить число шерстомойных фабрик, то на их заведение подчеркивалась необходимость приглашать специалистов из Силезии, язык которых легче понять [25].

Подводя итог касательно роли Александра I и его правительства в распространении и развитии тонкорунного овцеводства, необходимо отметить скачок в результатах хозяйства. Прежде всего, этот результат был заслугой тех частных лиц, которые заключали договоры на весьма жестких условиях, однако, несмотря на это все же получали выгоду, принося пользу и государству. Заслуга правительства состоит в том, что оно сумело значительным образом распространить в империи тонкорунное овцеводство, заинтересовав помещиков, а также колонистов заниматься хозяйством.

Правительство Николая I не только продолжило привлекать иностранцев к занятию овцеводством, но и предоставило им некоторые привилегии. Подробнее об этом мы узнаем из указа от 16 мая 1826 года «О мерах к распространению в России породы тонкошерстных овец и льготах в податях и повинностях овцеводам, овчарам и пастухам из иностранцев». Отныне все иностранцы, прибывшие в Россию заниматься овцеводством, предъявив доказательства своей компетентности в виде аттестата либо рекомендации, получали виды на свободное пребывание в государстве, которые заменяли им паспорт. Если иностранец изъявлял желание перейти в подданство Российской империи, он и его семья навсегда освобождались от податей, повинностей и рекрутства. Более того, даровалось право свободно на законных основаниях приобретать земли и дома [26].

В дальнейшем, правительство продолжило предоставлять льготы и выгоды иностранцам, занимавшимся овцеводством. 28 сентября 1827 года вышел указ «О дозволении иностранцам торговать в России рогатым скотом и тонкошерстными овцами, не записываясь в торговые гильдии» [27]. Государство было заинтересовано в увеличении количества тонкорунных овец. Поэтому выходцам из Австрии, Англии, Голландии и Швейцарии были предоставлены некоторые выгоды, позволявшие упростить и ускорить процесс торговли.

30 ноября 1827 года вышел несколько любопытный указ «О взимании с шерсти пошлины по приложенному росписанию» изменявший пошлинную политику экспорта и импорта шерсти. Согласно документу, изменения были связаны со стремлением правительства поддержать развитие овцеводства. Начиная с 1828 года, пошлина за ввоз шерсти составлял 50 копеек за пуд, а за вывоз – 15 копеек, что в будущем мотивировало производителей увеличить объем производства [28].

В истории развития, как тонкорунного овцеводства, так и всего сельского хозяйства в целом на территории Южной Украины значительную роль сыграли немецкие колонисты. В 1827 году владетельный герцог Фердинанд Фридрих Ангальт-Кетенский (1769–1830) обратился к царскому правительству России с просьбой разрешить ему основать колонию в Таврической губернии. Указ государя гласил следующее: «Цель этого поселения состоит в том, чтобы оно служило большого благоустроенного сельского хозяйства, соединенного с фабричной промышленностью». Под колонию в вечное пользование отвели земли в Днепровском уезде Таврической губернии. Поселенцы обязались содержать в исправности дороги и мосты, а все издержки на это поселение герцог осуществлял за собственный счет. Однако если в поселении по истечении 10 лет не будет находиться, по меньшей мере, 20 тысяч овец улучшенной породы, и не менее ста семейств для содержания скота, землепашества и фабричных занятий – оно возвращалось в собственность российской каз-

ны. Таким образом, 3 марта 1828 года император Николай I (1796–1855) подписал именной Указ «Про основание в Таврической губернии колонии из Ангальтских поселенцев» [29].

Указом от 28 января 1831 года «Об освобождения овечьей шерсти сырца, при выпуске за границу, вовсе от пошлины, и о взимании пошлины с лошадей по приложенной при сем росписи», государство прекратило взимать пошлину за вывоз шерсти, действовавший с 1828 года [30]. Тем самым, оказывая поддержку помещикам в разведении овец тонкорунной породы.

Одно из самых знаменательных событий в истории овцеводства Российской империи произошло 2 августа 1832 года. Указом «Об Уставе Главного Московского и губернских обществ для распространения улучшенного овцеводства» при императорском Московском обществе сельского хозяйства было учреждено Главное общество для распространения улучшенного овцеводства с отделениями по губерниям. Оно появилось в качестве отделения и подчинялось Министерству Финансов, собственно, как и Московское общество сельского хозяйства. Документ, содержащийся в «Полном собрании законов», является Уставом созданного общества, в котором были прописаны все правила, регулировавшие организацию и порядок деятельности общества.

Главной целью отдела было содействие распространению и улучшению овцеводства всеми возможными средствами. Для чего собирались точные и подробные сведения о состоянии как простого, так и тонкорунного овцеводства в России. При содействии с русскими овцеводами, общество должно было рассматривать причины ухудшения и улучшения состояния хозяйства, и докладывать о них в Министерство Финансов. Предусматривался и выпуск периодических изданий, посвященных последним новостям в области овцеводства в государстве и за рубежом, а также правилам ведения хозяйства. Под управление общества перешла фабрика сортирования шерсти, контроль которой был призван повысить качество шерстяных мануфактурных изделий. Подобные Общества могли создаваться и в других губерниях, при желании помещиков. В будущем, состоявшие в них помещики становились корреспондентами Общества по распространению улучшенного овцеводства и отсылали отчеты по состоянию хозяйства.

В обществе могли состоять действительные и почетные члены, а также корреспонденты. Действительные члены обязывались постоянно находиться в Москве и участвовать в деятельности отдела, присутствуя на заседаниях. Почетными членами избирались помещики, владевшие крупным сельским хозяйством, но не имевшие возможности активно участвовать в работе. Корреспонденты содействовали деятельности путем переписки, находясь в разных уголках государства. В общество могли вступать люди, чья деятельность соприкасалась с овцеводством, а их членство подтверждалось соответствующим дипломом.

Отделом руководили председатель, казначей, директор и секретарь, которых избирали из действительных членов. Председатель и казначей избирались сроком на три года, а директор и секретарь на неопределенный срок. Председатель был главным руководителем отдела, он направлял деятельность отдела. Его подписью подкреплялись все документы. Председатель подчинялся президенту Общества сель-

ского хозяйства. Директор приводил в исполнения все указания председателя, а также отвечал за периодические издания. Секретарь протоколировал заседания, вел документацию отдела, а также, будучи ведомым директором, занимался издательством и заменял его, в случае отсутствия. В полномочия казначея входил контроль и решение финансовых вопросов общества [31].

Общество для распространения улучшенного овцеводства, созданное по инициативе Николая I, в некотором роде напоминает о деятельности Мануфактур-коллегии. Однако с 1832 года, распространением и улучшением овцеводства в государстве занималось отдельное общество, чья деятельность, безусловно, была эффективнее, так как ориентировалось исключительно на овцеводство, что положительным образом сказалось и на развитие хозяйства Юга Украины.

28 декабря 1835 года вышел указ «О дозволении Прусскому Вице-Консулу в Одессе составить в Новороссийском крае общество овцеводства». В документе прописывалась будущая деятельность общества. Капитал компании составлял 800 тысяч рублей, собранный из 4 тысяч паев. Предполагалось закупить до 7 тысяч баранов и овец превосходнейшей породы из Силезии и Саксонии, затем переправить их в Новороссийскую губернию для сохранения, размножения и продажи по умеренной цене.

Общество обещало содержать в готовности определенное число обученных овчаров для найма помещиками. Способствовать распространению усовершенствованного метода сортировки и промывки шерсти, для чего обязались нанять мастеров из Германии. Деятельность общества должна была контролироваться директорами и отражаться в соответствующей документации [32]. Появление подобных обществ было обусловлено стремлением помещиков, объединиться для увеличения хозяйства, а вместе с тем и будущих доходов. Государство, как видим, против появления и деятельности обществ не выступало.

По инициативе купцов Кемпе, Гейзе и Вернера в Петербурге была создана компания овцеводства, действие которой было направлено на Южную Россию. В Полном собрании законов указ «Об учреждении на паях компании овцеводства в Южной России» датируется 24 марта 1836 года. Компания намеревалась приобрести землю в Южных губерниях, в частности Таврической. Купить в Саксонии, Силезии и Германии овец мериносов. Выписать иностранных мастеров по мытью и сортировке шерсти [33].

12 июня 1842 года вышел указ «О вновь составленном штате Главного Московского общества овцеводства». Были осуществлены некоторые изменения в структуре штата. Секретарь Общества сельского хозяйства отныне был одновременно и директором Общества по распространению улучшенного овцеводства, за которым оставалось право назначить собственного секретаря, если на то была необходимость [34].

К занятию тонкорунным овцеводством привлекали и солдат. Указом от 8 июня 1843 года «О улучшении мериносовых заводов в округах Украинского военного поселения» были проведены некоторые изменения в ведении хозяйства, согласно которым большое внимание уделялось овцеводству. Правительство выделяло деньги на приобретение овец, на корм и зарплату офицерам [35].

Уже 20 ноября 1843 года выше упомянутые заводы были уничтожены указом «О уничтожении мериносовых заводов, существующих в последних четырех округах Новороссийского военного поселения» [36]. По всей видимости, созданные овчарни действовали не достаточно эффективно, что, в общем-то, было предсказуемо, учитывая большое количество компаний и частных заводов по разведению овец.

За высокие достижения в выставках племенных овец, указом от 28 августа 1844 года «О медали, для выдачи в награду за представление лучших племенных баранов» было принято решение выдавать специальные медали. Выполнялись они из бронзы. На аверсе изображался баран с надписью «Vellus solerti Aureum», что в переводе с латыни означает «Эксперт золотого руна», а на реверсе – надпись «Главное Московское общество улучшенного овцеводства» [37].

Правление Николая I положительно сказалось на распространении и развитии тонкорунного овцеводства, чему неопровержимым доказательством является появление Главного общества для распространения улучшенного овцеводства, а также большого количества компаний, что порождало конкуренцию, а она в свою очередь ускоряла развитие хозяйства. Также нельзя не отметить привилегий, которые предоставлялись правительством тем, кто занимался тонкорунным овцеводством, а также привлечение иностранных мастеров.

Правление Александра II начинается неприятным указом о расформировании учрежденной в 1836 году, купцами Кемпе, Гейзе и Вренером компании овцеводства в Южной России, о которой говорилось выше. Причиной тому, как гласит документ от 1 апреля 1858 года «О закрытии учрежденной в 1836 году С. Петербургской акционерной Компании овцеводства в Южной России» была убыточность хозяйства. Ликвидация общества продолжалась с 1846 по 1856 год [38].

Следующий указ от 18 июня 1860 года «О порядке выдачи выезжающим из-за границы овцеводам и овчарам видов на пребывание в России» полностью повторял указ от 16 мая 1826, содержащийся в Полном собрании законов под номером 344. Свидетельства и аттестаты должны были выдаваться местными губернаторами. Предполагалось выдавать виды на свободное пребывание в России, заменявшие паспорта. Семьи иностранцев, согласно указу, освобождались от налогов и рекрутства [39].

На территории Таврической губернии проживали молукане, которым с 17 января 1836 года запрещалось покидать место жительства. Положение дел изменилось, благодаря численности овечьих стад, для содержания которых у них не хватало земли. Подробнее об изменениях говорится в указе от 2 января 1862 года «О дозволении молуканам Таврической губернии Бердянского округа, отлучаться из мест их жительства для приискания земель, необходимых для разведения овцеводства и хлебопашества» [40].

Указы, содержащиеся в «Полном собрании законов Российской империи», позволяют выстроить последовательную цепочку распространения и развития тонкорунного овцеводства на Юге Украины. Исследование указов, позволило выделить ключевые этапы. Указы Петра I, связанные с потребностями армии, повлекли за собой ряд изменений в развитии овцеводства. Необходимо отметить меры по привлечению иностранных овчаров. Переход хозяйства в ведомство Мануфактур-коллегии

и поиск наиболее благоприятных регионов – ускорил процесс распространения и развития овцеводства.

Правление Павла I занимает немаловажное место в истории овцеводства. В особенности следует отметить создание Экспедиции в 1794 году, а также заведение первых овчарен в Крыму.

Неоценимый вклад в развитие тонкорунного овцеводства на Юге Украины и империи в целом внес Александр I. Во время его правления на первый план выходят овчарни частного типа, которыми владели частные предприниматели, заключавшие договор с государством. Иностранцы Миллер и Рувье организовали успешно развивавшиеся в будущем компании на Юге Украины. Необходимо упомянуть начало продажи шерсти за границу, что ранее было запрещено. Александр I способствовал открытию первых шерстомойных и сортировальных фабрик.

Николай I предоставлял овцеводам привилегии, а также продолжил политику привлечения иностранцев, освобождая их от налогов и рекрутства. При его правлении начинает свою деятельность род Ангальт-Кетенских, хозяйство которых было образцовым. Необходимо упомянуть и о создании Общества по распространению улучшенного овцеводства в 1832 году. В будущем, в губерниях создавались общества и компании овцеводства.

Таким образом, «Полное собрание законов Российской империи» является одним из важнейших источников по истории тонкорунного овцеводства. Проведенное исследование будет использовано при дальнейшем изучении истории тонкорунного овцеводства на территории Украины.

Список использованных источников и литературы

1. Тонкорунное овцеводство в России // Библиотека для чтения. – 1851. – Т. 106, отд. 4. – С. 1–26.
Tonkorunnoe ovcevodstvo v Rossii // Biblioteka dlja chtenija. – 1851. – Т. 106, отд. 4. – С. 1–26.
2. Ганкевич В. Ю. Правлячий герцог Фердинанд Фридрих Ангальт-Кетен Плесский – засновник колонії Асканія-Нова / В. Ю. Ганкевич // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2011. – Т. 24(63). – № 2. – С. 31–45.
Gankevich V. Ju. Pravljachij gercog Ferdinand Fridrih Angal't-Keten Pless'kij – zasnovnik kolonij Askanija-Nova / V. Ju. Gankevich // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – 2011. – Т. 24(63). – № 2. – С. 31–45.
3. Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма, 1825–1860 гг. – М. : Наука, 1981. – 215 с.
Druzhinina E. I. Juzhnaja Ukraina v period krizisa feodalizma, 1825–1860 gg. – М. : Nauka, 1981. – 215 s.
4. Задерейчук А. А. Участие рода Фальц-Фейнов в выставках-ярмарках Российской империи / А. А. Задерейчук // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 111. – С. 143–146.
Zaderejchuk A. A. Uchastie roda Fal'c-Fejnov v vystavkah-jarmarkah Rossijskoj imperii / A. A. Zaderejchuk // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 111. – С. 143–146.
5. ПСЗРИ I, Т. 5, 1716, № 3017.
PSZRI I, T. 5, 1716, № 3017.
6. ПСЗРИ I, Т. 5, 1719, № 3320.
PSZRI I, T. 5, 1719, № 3320.
7. ПСЗРИ I, Т. 6, 1722, № 4002.
PSZRI I, T. 6, 1722, № 4002.
8. ПСЗРИ I, Т. 7, 1724, № 4459.
PSZRI I, T. 7, 1724, № 4459.
9. ПСЗРИ I, Т. 7, 1724, № 4532.
PSZRI I, T. 7, 1724, № 4532.

ХАРАКТЕРИСТИКА УКАЗОВ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ», КАСАЮЩИХСЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОВЦЕВОДСТВА...

10. ПСЗРИ I, Т. 7, 1727, № 5201.
PSZRI I, Т. 7, 1727, № 5201.
11. ПСЗРИ I, Т. 8, 1729, № 5426.
PSZRI I, Т. 8, 1729, № 5426.
12. ПСЗРИ I, Т. 8, 1731, № 5921.
PSZRI I, Т. 8, 1731, № 5921.
13. ПСЗРИ I, Т. 11, 1741, № 8440.
PSZRI I, Т. 11, 1741, № 8440.
14. ПСЗРИ I, Т. 24, 1797, № 17865.
PSZRI I, Т. 24, 1797, № 17865.
15. ПСЗРИ I, Т. 24, 1797, № 18009.
PSZRI I, Т. 24, 1797, № 18009.
16. ПСЗРИ I, Т. 24, 1797, № 18092.
PSZRI I, Т. 24, 1797, № 18092.
17. ПСЗРИ I, Т. 40, 1803, № 20768a.
PSZRI I, Т. 40, 1803, № 20768a.
18. ПСЗРИ I, Т. 28, 1804, № 21123.
PSZRI I, Т. 28, 1804, № 21123.
19. ПСЗРИ I, Т. 28, 1805, № 21610a.
PSZRI I, Т. 28, 1805, № 21610a.
20. ПСЗРИ I, Т. 28, 1805, № 21637a.
PSZRI I, Т. 28, 1805, № 21637a.
21. ПСЗРИ I, Т. 28, 1805, № 21741.
PSZRI I, Т. 28, 1805, № 21741.
22. ПСЗРИ I, Т. 30, 1808, № 23085.
PSZRI I, Т. 30, 1808, № 23085.
23. ПСЗРИ I, Т. 30, 1808, № 23103.
PSZRI I, Т. 30, 1808, № 23103.
24. ПСЗРИ I, Т. 31, 1810, № 24474a.
PSZRI I, Т. 31, 1810, № 24474a.
25. ПСЗРИ I, Т. 39, 1824, № 29764.
PSZRI I, Т. 39, 1824, № 29764.
26. ПСЗРИ II, Т. 1, 1826, № 344.
ПСЗРИ II, Т. 1, 1826, № 344.
27. ПСЗРИ II, Т. 2, 1827, № 1420.
PSZRI II, Т. 2, 1827, № 1420.
28. ПСЗРИ II, Т. 2, 1827, № 1575.
PSZRI II, Т. 2, 1827, № 1575.
29. ПСЗРИ II, Т. 3, 1828, № 1841.
PSZRI II, Т. 3, 1828, № 1841.
30. ПСЗРИ II, Т. 6, 1831, № 4298.
PSZRI II, Т. 6, 1831, № 4298.
31. ПСЗРИ II, Т. 7, 1832, № 5544.
PSZRI II, Т. 7, 1832, № 5544.
32. ПСЗРИ II, Т. 10, 1835, № 8730.
PSZRI II, Т. 10, 1835, № 8730.
33. ПСЗРИ II, Т. 11, 1836, № 9027.
PSZRI II, Т. 11, 1836, № 9027.
34. ПСЗРИ II, Т. 17, 1842, № 15743.
PSZRI II, Т. 17, 1842, № 15743.
35. ПСЗРИ II, Т. 18, 1843, № 16932.
PSZRI II, Т. 18, 1843, № 16932.
36. ПСЗРИ II, Т. 18, 1843, № 17343.
PSZRI II, Т. 18, 1843, № 17343.

37. ПСЗРИ II, Т. 19, 1844, № 18178.
PSZRI II, Т. 19, 1844, № 18178.
38. ПСЗРИ II, Т. 33, 1858, № 32948.
PSZRI II, Т. 33, 1858, № 32948.
39. ПСЗРИ II, Т. 35, 1860, № 35954.
PSZRI II, Т. 35, 1860, № 35954.
40. ПСЗРИ II, Т. 38, 1862, № 37828а.
PSZRI II, Т. 38, 1862, № 37828а.

Нігматуллін Е. Р. Опис указів «Повного зібрання законів Російської імперії», що стосуються розповсюдженню та розвитку вівчарства на Півдні України / Е. Р. Нігматуллін // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 79–95.

Розвиток сільського господарства на території сучасної України не відповідає наявному потенціалу. На сьогоднішній день здійснюються спроби відродження сільського господарства, зокрема вівчарства. Дещо схожа історія відбувалася колись на території Російської імперії. На утримання регулярної армії потрібно було багато сукна, для виробництва якого не вистачало вовни. Місцеві віві в основному, призначалися до вживання в їжу. Уряд почав вживати заходів щодо поліпшення та поширенню вівчарства. Проаналізовано укази «Повного зібрання законів Російської імперії», що стосуються поширення та розвитку вівчарства на території Півдня України. Відзначається роль правителів у розвитку господарства. Акцентується увага на найбільш важливих законодавчих актах, що вплинули на становлення вівчарства. Відзначений перехід поширення та розвитку вівчарства від державних підприємств до приватних. Згадуються перші приватні підприємці. Досліджуються укази про створення перших товариств і компаній з розведення вівчарства в Російській імперії. Виділено ключові етапи розвитку тонкорунного вівчарства. Розглядаються документи, що діяли по всій території імперії. Робота ґрунтується виключно на указах «Повного зібрання законів». Результати проведеного дослідження можуть бути використані для подальшого вивчення теми.

Ключові слова: «Повне зібрання законів Російської імперії», укази, вівчарство, Південь України, товариство, компанії.

Nigmatullin E. R. Description of decrees of «Complete collection of laws of russian empire», touching distribution and development of sheep breeding on South of Ukraine / E. R. Nigmatullin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 79–95.

Development of agriculture on territory of modern Ukraine falls short of to present potential. Foremost, it contingently absence of co-operation between the state and village. If position of agriculture not so is critical, then the state of stock raising is not enviable. In rural locality, a population is oriented to growing of garden and cereal cultures.

A rural population ranches exceptionally for own needs, selling superfluous products only. It contingently high expenses on the purchase of forage and subzero prices at the wholesale selling of the got products. Brought totality over of these factors to that a product of stock raising in Ukraine is imported, because amount local not enough for satisfaction of needs of population.

To date the attempts of revival of agriculture come true, in particular sheep breeding. Some alike history took place once on territory of the Russian empire. On maintenance of regular army plenty of smooth woolen cloth was required, for the production of that wool was not enough. Local sheep mainly, intended to the use in food. A necessary smooth woolen cloth had to be left from other states that appeared an expense.

Like matter-position did not arrange a government, it was necessary to distribute and improve an economy. The first measures were accepted during the rule of Peter I. State engaged in sheep Manufactures board, distribute Directions keeping of animals.

The special Expedition was later created for the search of the most favorable for organization of sheep-folds regions. Thus, it was first paid attention to South of Ukraine and Crimea. Where a climate allowed to contain the sheep of the Spanish breed – merino differing in high quality of wool.

ХАРАКТЕРИСТИКА УКАЗОВ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ», КАСАЮЩИХСЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОВЦЕВОДСТВА...

At Alexander I foreign colonists were involved in development of the sheep breeding. Moreover, state plants on breeding of sheep gradually began to yield private. A meaningful role development of the sheep breeding was played by «Society on distribution of the improved sheep breeding». In the future sheep-breeding companies were opened in different parts of empire, including on South of Ukraine.

«Complete collection of laws of the Russian empire» affected all spheres of life of the state, including development of the sheep breeding that does him a major source at the study of theme.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. В. Ю. Ганкевич

д.и.н., проф. С. С. Щевелев

УДК. 727.7 (477.75) «1944/1990»

РЕМОНТНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ В АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ ХАНСКОГО ДВОРЦА В 1944–1990 гг.

Османов Э. Э.

*Таврический национальный университет В. И. Вернадского
E-mail: elvis_osmanov@mail.ru*

Проанализирована научно-исследовательская деятельность Бахчисарайского музея, а также ремонтно-реставрационные работы, которые выполняла Киевская научно-реставрационная мастерская, а с мая 1972 г. проводила Крымская научно-реставрационная мастерская. Особое внимание уделено памятникам истории и архитектуры крымских татар, находящихся на территории города.

Ключевые слова: Бахчисарайский Дворец-Музей, изучение исторических памятников, состояние архитектурных сооружений, реставрационные работы.

3 ноября 1917 г. в Бахчисарае был открыт Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры, первым директором которого стал художник Усеин Боданинский.

В начале Великой Отечественной войны все музеи Крыма получили приказ Комитета по делам искусств о вывозе наиболее ценных экспонатов в центральную часть России, но Бахчисарайский музей не успел его выполнить. За два дня до прихода нацистов в Бахчисарай, ночью, упакованные в ящики наиболее ценные экспонаты были перевезены в пещеры Чуфут-Кале и спрятаны. О месте хранения знали только несколько человек. В апреле 1944 г. место хранения фондов было открыто оккупантами. Ящики с экспонатами были перевезены в музей, вскрыты и разграблены. Предметы нумизматики, оружие, краснолаковая керамика, ковры были вывезены в Германию.

Советская администрация, пришедшая на смену нацистской, в первый же месяц провела поголовную депортацию крымских татар. Раздавались «предложения» вслед за этим разрушить и основной исторический памятник выселенного народа.

Дворец был спасен от уничтожения усилиями ученицы Боданинского Марии Кустовой, настоявшей на необходимости сохранения Дворца хотя бы из тех соображений, что благодаря А. С. Пушкину он прославился на весь мир.

Памятник остался нетронутым и вскоре музей продолжил работу. Одной из первоочередных задач было – осмотр и фиксация памятников города и окрестностей с целью выявления разрушений после ухода нацистов. Это и было произведено в июне 1944 г. членами экспедиции отдела по охране памятников Управления по делам архитектуры при СНК РСФСР. Мечеть Ешиль-Джами, приведенная в порядок КрымОХРИСом, в период оккупации была почти полностью разрушена. Не в лучшем состоянии оказалась древняя мечеть в приходе Асма-Кую. Со здания были сняты все деревянные части: перекрытия, заполнения проемов и т. д.

Во время оккупации была разрушена часть стен Эски-Дюрбе. Дюрбе первых крымских ханов в Салачике также пострадало: во многих местах были выбиты цокольные камни, разрушен пол, в куполе и стенах обнаружены серьезные трещины, разрушен деревянный саркофаг. Значительный ущерб был нанесен мавзолеям-

дюрбе на территории Азиса, которые во время оккупации использовались под хозяйственные склады, конюшни.

Во время оккупации нацисты использовали здание Зынджырлы Медресе для складов. В результате разрушены были части стен и арки. Баня Сары-Гузель отреставрированная к 1935 г. во время войны была частично разрушена. Купола имели трещины и находились в очень ветхом состоянии. Полы, системы отопления, водопроводы – все было разбито и разворочено.

Некоторые постройки в городе были полностью уничтожены: фонтан в приходе Теккие-Маале, торговые ряды – сарачлар, две кофейни на главной улице, кустарный кожевенный завод, татарская школа [1, л. 4]. Это неполная картина состояния большинства построек после оккупации.

В ходе своей работы музей столкнулся с тем, что некоторые памятники, а именно, мавзолей-дюрбе на Азисе, Эски-Дюрбе, Зынджырлы Медресе в Салачике недопустимо используются для хранения горючего и других портящих памятники материалы. К примеру, Эски-Дюрбе самовольно был занят военной частью под склад эфира [2, л. 6]. Директор музея М. Г. Кустова подала докладную записку, во-первых, о необходимости предложить организациям, занимающим памятники архитектуры, освободить занимаемые ими сооружения. Во-вторых, не разрешать впредь их использование под хозяйственные нужды. В-третьих, в целях сохранения поставить их на консервацию и обязать отдел коммунального хозяйства заложить все поврежденные проемы для прекращения доступа внутрь. В-четвертых, предусмотреть в смете в городском бюджете на 1947г. средства на ремонт памятников [2, л. 17].

Программу работ музея в начале 50-х гг. можно свести к таким пунктам как: перекладка каменных стен, замена сгнивших стропил, перекрытие кровли, ремонт штукатурки, побелка фасадов зданий, а также мощение каменными плитами главного входа в музей, ремонт крыльца в Посольском корпусе, вставка разбитых стекол в мавзолеях-дюрбе и очистка мраморного фонтана в Бассейном дворике [2, л. 18–22].

Большая ханская мечеть также реставрировалась в 50-е гг. В это время были отреставрированы участки росписи на фасадах в виде орнаментальных розеток с изречениями из Корана, произведена наружная побелка стен, частично заменена черепица на кровле.

Согласно смете за 1953 г. в Дворце-Музее были выполнены следующие работы: разобраны бутовые стены, укреплена железобетонная арка над столбами у ворот, зацементированы площадки и окрашены масляной краской металлические стойки перил. На все вышеуказанные работы было израсходовано 42 тыс. рублей [3, л. 3–5].

В 1954 г. на базе двух музеев – Музея «пещерных городов» и «Дворца-Музея» был создан Бахчисарайский историко-археологический музей. Научно-исследовательская работа музея в дальнейшем расширялась, в ходе которой сотрудниками музея были составлены дефектные акты, произведен ремонт минаретов ханских мечетей, побелены стены [4, л. 69]. К концу 1955 г. были покрашены стены внутри гарема, побелены и восстановлены росписи стен фасадов главного корпуса, изготовлены водосточные трубы, отремонтированы стены в кухонном дворике [5, л. 12].

С каждым годом посещаемость музея росла. К примеру, в 1957 году его посетило более 10 тысяч туристов, но ввиду увеличения групп посетителей возростала и угроза

обвала, так как деревянные конструкции – стойки фахверка и перекрытий – основных корпусов дворца находились на грани разрушения, в результате чего были закрыты для показа все помещения верхних этажей и всего корпуса гарема [6, л. 6].

Комиссия, созданная для рассмотрения проектных предложений и выполненных ремонтно-реставрационных работ, к 1959 году постановила:

1. Снять позднейшие наслоения со стен «Ханской канцелярии».

2. Отремонтировать и покрыть водоотталкивающим раствором участки стен в Фонтанном двореке не имеющих ценных росписей.

3. В Летней беседке «произвести исследование плафона с целью максимального выявления обнаруженных росписей, приписываемых Омеру и выяснить их связь с отделкой произведенной унтер-офицером Дорофеевым» [7, л. 19–25]. Реставрационные работы производились методом ретуши и тонировки.

По смете на 1960 г. на реставрацию Дворца-Музея было предусмотрено 204 959 руб. Были отремонтированы здания конторы и библиотеки, проложена водопроводная сеть из нержавеющей труб к фонтанам [8, л. 7].

К широкомасштабной реставрации дворца обратились лишь в 1960–1964 гг. Задачей 1960-1962 гг. было: выявить и закрепить те старые элементы в архитектуре и живописи, которые еще можно обнаружить, не уничтожая при этом последующие наслоения с тем, чтобы можно было проследить все этапы ремонтов Ханского дворца. Перед реставрацией была проделана большая научно-исследовательская работа: просмотрен весь документальный материал прошлых ремонтов, проведен детальный обмер всех помещений, фото фиксация, шурфы и зондажи в отдельных частях здания. Большая интересная работа выпала на долю художников-реставраторов. Им предстояло реставрировать самую старую и в художественном отношении самую ответственную часть всего ансамбля, начиная с Зала Совета и заканчивая Посольским залом. Руководили работами киевские Научно-реставрационные мастерские. Автором проекта являлась архитектор Е. И. Лопушинская, реставрацией живописи руководил искусствовед В. А. Овсейчук.

В связи с аварийным состоянием бани Сары-Гузель, в 1960 г. были проведены противоаварийные работы. Учитывая историческую и архитектурную ценность этого уникального памятника, в 1990 г. главный архитектор проектов Е. И. Лопушинская приступила к ее изучению с целью разработки проектной документации для последующей реставрации [9, л. 13].

В 1961 г. капитальному ремонту подверглись помещения Главного корпуса дворца, так как большая часть зданий было в аварийном положении. Состояние отдельных помещений Главного корпуса было различным: некоторые из них находились в удовлетворительном состоянии, другие требовали восстановления или замены. Фундаменты под стенами Зала Суда и Малой мечети сложенные из камня находились в хорошем состоянии. Цоколи и колонны Летней беседки также были в удовлетворительном состоянии, но со стороны Гаремного и Посольского садиков, а также со стороны Фонтанного дворика были деформированы стены и углы. В Посольском зале была прохудилась стена, расположенная по колоннам Фонтанного дворика, вследствие большого прогиба балки, несущей стены и неравномерной осадки опор столбов, вызванной замачиванием основания (рис. 1).

Рис. 1. Общий вид конструкций перекрытия Посольского зала

Рис. 2. Общий вид перекрытия над Золотым кабинетом

Наиболее распространенной проблемой был отрыв стен друг от друга по причине того, что они различны по своему материалу, как например, в Золотом кабинете в северо-восточной части отошла стена от основной стены Зала Суда. Из-за систематического подмачивания основания, вызванного отсутствием отмостки или регулярного стока атмосферных вод, стена и цоколь Летней беседки, а также несущие стены Золотого кабинета отошли от стен Зала Суда. Юго-восточная стена подвальной комнаты, под комнатой евнуха, граничащая с Фонтанным двориком, в месте примыкания Золотого фонтана постоянно намокала от воды, что повлекло осадку части стены и гниение стоек и ригелей фахверка. Нижняя деревянная балка фахверка, уложенная на каменную кладку без гидроизоляции, полностью сгнила. Таким образом, нарушилась прочность и пространственная система фахверка, что повлекло за собой трещины через стены Кофейного зала. Во всех стенах, где проходят стойки, ригеля или подкосы фахверка, на штукатурке имелись трещины.

Все деревянные столбы, вследствие примыкания к каменным опорам, благодаря попаданию влаги, подвергались гниению. Конструкции крыши над Золотым кабинетом, Посольским залом, Кофейной комнатой и Фонтанным двориком находились в неудовлетворительном состоянии. Все деревянные конструкции были поражены шашелем. Почти вся роспись стен покрыта известковой побелкой. Сохранилась она только на стенах Золотого кабинета.

Что касается внутренних архитектурных элементов, то балки перекрытия под Золотым кабинетом, Кофейной комнатой и над Ханской канцелярией были в удовлетворительном состоянии. В Посольском зале при перестройке междуэтажного перекрытия была снята опора продольной балки.

Каменные полы в Зале Суда и в Малой мечети с небольшими выбоинами. В Летней беседке плиты мраморного пола с трещинами. Кирпичный пол в полуподвальном помещении под «комнатой евнуха» – неровный с каменными заплатами. Покраска деревянных частей: дверей, окон, потолков, колонок, стенных шкафов, перил поблекла, потрескалась и во многих местах сошла.

В Золотом кабинете, Посольском зале, Кофейной комнате были повреждены деревянные резные золоченые капители и многие украшения на потолках и дверях. В оконных переплетах разбиты гипсовые горбыльки и мелкие цветные стекла. После расчистки верхних стоек росписи и штукатурки в Золотом кабинете, Зале Суда и Фонтанном дворике реставраторами была обнаружена старинная роспись.

Оба фонтана – «Золотой» и «Фонтан Слез» нуждались в ремонте, так как водопровод не работал, стены потрескались, полы рассохлись и осели, покраска поблекла, местами совсем сошла. Полумесяц на «Фонтане Слез» покосился. Бассейн мраморного фонтана в Летней беседке потрескался [10, л. 3–12].

В Большой Ханской мечети также проводились противоаварийные работы. Были заменены потерявшие прочность деревянные конструкции крыши. Северный фасад полностью освобожден от позднейших штукатурок и побелок, на нем раскрыты ранние росписи портала и оконных наличников. Дополнены росписи и на западном портале. Были выполнены значительные работы по укреплению минарета, который находился в аварийном состоянии после землетрясения 1927 г.

В 1940–1941 гг. проводился ремонт Дюрбе Диляры Бикеч. Но к 1960 гг. общее состояние памятника было неудовлетворительное. Кирпичный купол сильно выветрился и просвечивался изнутри, наружная обмазка осталась только на вершине. Полумесяц и часть поддерживающего его металлического стержня были сломаны. Облицовка стен из тесаного камня была в плохом состоянии. Резные украшения, карнизы, наличники, пилястры, цоколь – повреждены. Штукатурка с купола и с верхней части стен осыпалась. Из окон вынуты решетки. Дверные и оконные арки имели утраты, а проемы заложены камнем, подоконники стертые. Пол из каменных плит сильно потрескался. Реставрация сооружения была начата с восстановления фасадов. Были заполнены все утраты в декоре и заменены разрушенные блоки. Также были выполнены следующие работы:

1. Произведена полная очистка барабана от завалов и отремонтирована его нижняя часть
2. Заготовлены блоки из тесаного камня для докладки барабана до проектной отметки.
3. Купол на поверхности армирован сеткой из проволоки диаметром 6 см, сетка покрыта слоем бетона в 5–6 см.
4. На вершине купола установлено медное завершение на металлическом стержне.
5. Разобрана бутовая кладка всех оконных проемов. В проемы вставлены металлические решетки.
6. В дверной проем вставлена открывающаяся решетка-дверь [11, л. 7].

23 сентября 1961 г. было составлено «Заключение комиссии по рассмотрению проектных предложений и выполненных ремонтно-реставрационных работ». Выделим несколько пунктов этого заключения:

В Ханской канцелярии планировалось «произвести полное снятие всех позднейших наслоений на стене с порталом входа в Зал Совета и Суда с раскрытием ее первоначального вида». В двух местах на стене были оставлены фрагменты раскрытой росписи. Крупные фрагменты росписи были сняты и экспонированы в музее.

По Залу Суда и Совета было признано правильным предложенное и выполняемое дублирование наиболее сохранившихся кусков падуго с изготовлением новых холстов на участках где холст и роспись пришли в полную негодность. Были одобрены проектные предложения относительно неповторения позднейших, не имеющих художественной ценности, трафаретных орнаментальных вставок. Со стен зала рекомендовано было снять весь набел, для выявления степени сохранности выявленных зондажами росписей.

Была одобрена произведенная работа по расчистке многослойных записей стены тайника. На основании полученных данных разработаны окончательные предложения. Было изготовлено необходимое количество картона, а также разработана технология закрепления темперной росписи.

В Фонтанном дворике планировалось полностью снять набел с участков стен, тонировать места, где утрачена роспись, участки стен не имеющие росписи отремонтировать и покрыть водоотталкивающим составом. Во время реставрации отка-

зались от предложенного устройства мраморного пола с понижением его уровня по первоначальной отметке. Деревянные плафоны были окрашены.

По «Золотому фонтану» планировалось произвести обработку белокаменного обрамления троянкой. Ввести зеленый тон в золотую орнаментовку, согласно уточненному варианту проекта. По Порталу Алевиза рекомендована окраска каменной резьбы суриком, а фонарь навеса над порталом – в тон натурального дерева.

По Летней беседке автор проекта и руководитель реставрационных работ, произвели исследование плафона с целью выявления обнаруженных росписей, приписываемых Омеру, и выяснения их связи с отделкой выполненной Дорощевым. При восстановлении росписей Омера, было рекомендовано применение темперных красок, а реставрацию выполнить методом ретуши и тонировки [11, л. 15–21].

В дополнение к Заключению были составлены Проектные предложения по каждому помещению Главного корпуса.

Проектные предложения по Залу Совета и Суда:

1. Все плоскости стен, лишенные росписи, в местах, где штукатурка отстала, оштукатурить заново и отделать нейтральным тоном.

2. Сохранившуюся и очищенную от набега роспись укрепить и ретушировать значительные места утраты.

3. Восстановить роспись Ханского тайника.

Проектные предложения по Посольскому залу:

1. Штукатурку, на которой сохранилась роспись представляющая ценность, сохранить.

2. Места повреждений оштукатурить заново и окрасить в общий тон, соответствующий тону отделки под мрамор восточной стены.

3. Живопись в филёнках «галереи» зала укрепить и ретушировать места утрат. Работы по раскрытию живописи в остальных филёнках отнести ко второй очереди.

Проектные предложения по Кофейной комнате:

1. Заделать оконный проем в стене, смежной с Посольским залом.

2. Расчистить от трафаретной росписи камин с восстановлением ее первоначального вида.

3. Расчистить от верхнего слоя масляной окраски дверные полотна и восстановить на них методом ретуши раннюю роспись.

4. Реставрировать витражи.

5. Произвести ремонт штукатурки стен, сохранив существующую окраску.

6. Промыть позолоту на плафоне и восстановить окраску центральной розетки.

Проектные предложения по Золотому кабинету:

Во время реставрации дворца в 1783–1786 гг. его отделка была изменена. По изящной росписи Омера, представляющей собой арабески, писанные клеевыми красками в голубых тонах, сделана роспись европейского характера в красных тонах с густой позолотой, сохранившейся до настоящего времени. Учитывая хорошую сохранность «потемкинской росписи», представляющей собой один из этапов истории отделки дворца, предусматривается сохранить эту отделку, восстановив места утрат (рис. 2).

Проектные предложения по Жилому комплексу

По жилому комплексу предусмотрена смета для всех пришедших в негодность конструктивных элементов и ремонтные работы внутри отдельных помещений. Вновь покрасить стены проходных комнат и анфилады жилого комплекса. Плафон первой проходной комнаты, находящейся в аварийном состоянии, отремонтировать с восстановлением первоначальной окраски. Живопись на дверных филенках и шкафах укрепить и промыть. Роспись камина второй проходной комнаты сохранить.

Проектные предложения по Малой мечети:

1. Выявить расчистками наличие росписи в куполе.
2. Обнаруженную зондажами орнаментальную роспись укрепить и тонировать.
3. Укрепить штукатурку стен и купола в местах повреждений.
4. Первоначальное оформление стен под мрамор оформить большими зондажами, а остальную поверхность гладко окрасить в общем тоне сохранившейся отделки.
5. Восстановить разрушенный витраж.
6. Окрасить двери и ставни в первоначальный цвет.

Проектные предложения по Гарему:

1. Сменить прогнившие конструкции крыши.
2. На террасе укрепить штукатурку.
3. Все дверные элементы фасадов окрасить масляной краской.
4. В третьей комнате исследовать роспись и дать предложения по ее консервации.
5. Местами открыть малыми зондажами первоначальную роспись [11, л. 22–37].

Подводя итог проектным предложениям, хотелось бы отметить, что из вышеперечисленного было выполнено. В результате ремонтно-реставрационных работ 1960–1962 гг. во дворце была снята многоцветная роспись XVIII в. для восстановления росписи XVI в. После снятия позднейших наслоений на древней левкасированной штукатурке были обнаружены граффити, изображающие всадников на лошади и лодки с парусами. Очевидно, рисунки относятся к первоначальному периоду Ханского дворца. Если до сих пор было известно, что автором декоративного убранства Летней беседки и Золотого кабинета является Омер, то после исследований и тщательных расчисток удалось установить, что он также украсил купол Малой дворцовой мечети, расписал арочные перекрытия Фонтанного дворика и украсил Посольский зал излюбленным мотивом, т.н. «скорпионами». В нем хоть очагами, но сохранились его краски и прекрасные декоративные мотивы. Этот зал архитектурно очень сложный и его убранство должно было оправдывать назначение. Стены были покрыты левкасом, которым придана фактура мрамора. Два алькова отделяются двумя колоннами, соединенными арками. На этих арках могут быть самые изысканные декоративные росписи Омера написанные в серо-серебристом тоне. Их мотив «стилизованый скорпион», повторяет рельеф Золотого кабинета. Эту же форму, только богаче и разнообразней Омер воплощает в витражах ханской ложи мечети Хан-Джами. Его излюбленный прием – объединять большие пространства или выделять особенно ценные живописные акценты широкой рамкой, расчлененной узкими полосками, которые сгущаются к центру или от центра. Иногда этих полосок пять, иногда семь. Зачастую это вариации красных оттенков или фиолетово-розовых, реже соединение розовых и сине-голубых [12, л. 14].

Помимо этого в Зале Совета и Суда было закончено восстановление плафона, стены очищены от набелов и отделаны под слоновую кость. Также были реставрированы росписи на панелях тайника, расчищен деревянный резной портал, очищены и отремонтированы витражи и дверь в Бассейный сад. Были оштукатурены и побелены стены. В Фонтанном дворике окрашены потолки, перестелен пол, стены дворика и лестница отделаны левкасом под слоновую кость. Под полом дворика была проложена водопроводная труба. В здании Малой мечети была укреплена роспись стен. Восстановлена роспись плафона в Летней беседке, серебряные детали были вновь покрыты сусальным серебром. Деревянные колонны в «Ханской канцелярии» были покрыты специальным раствором для сохранения фактуры дерева, был восстановлен фриз. Были заделаны трещины и отремонтированы витражи в Золотом кабинете и Кофейной комнате, восстановлена отделка стен под серый мрамор в Посольском зале. Также отреставрирована и окрашена каменная резьба Портала Алевиза, надпись вновь позолочена. В дюрбе Диляры Бикеч были установлены металлические решетки в оконных проемах [13, л. 1–6].

По смете на 1962 г. на аварийные объекты – Соколиная башня и Ханская мечеть выделили 9 175 руб. Согласно смете за 1963 г. на ремонт свитского корпуса было выделено 29 947 рублей [14, л. 13]. Спектр выполненных работ был следующим:

1. перекрыта крыша главного корпуса дворца;
2. закончен ремонт стен Фонтанного дворика;
3. отреставрирована живопись Зала совета и Суда, изготовлены и установлены деревянные резные части плафона;
4. исследована и восстановлена живопись Малой мечети, стены укреплены цементным раствором;
5. произведен ремонт стен гарема, восстановлена резьба Китайских свесов и беседки;
6. изготовлен резной потолок в бывшей «ханской канцелярии»;
7. восстановлены разрушенные памятники на могилах ханского кладбища; [15, л. 7].

В Ханской мечети в 1960 – 1965 гг. были заменены потерявшие прочность деревянные конструкции крыши. Северный фасад полностью освобожден от позднейших штукатурок и побелок, на нем раскрыты ранние росписи портала и оконных наличников. Восстановлены росписи и на западном портале. Выполнены значительные работы по укреплению минарета, который находился в аварийном состоянии после землетрясения.

Несмотря на проведенные ремонтно-реставрационные мероприятия и израсходованные средства, основные работы, намеченные Киевскими мастерскими, не были выполнены. По преимуществу ни один объект не был готов для проведения экскурсий, а второй этаж по-прежнему пустовал. Ремонт Соколиной башни не был закончен, не было проведено металлическое крепление внутри аварийного минарета. В течение трех лет Киевские мастерские проектировали и изготавливали голову льва к «Золотому» фонтану, но она была украдена и больше не восстанавливалась. В связи с нехваткой средств, мощение двора музея каменными плитами также не было закончено [16, л. 6].

В 1966 году продолжилась работа по реставрации памятников дворца. Усилился контроль администрации музея и республиканских реставрационных мастерских за ходом реставрации. Всесоюзный семинар реставраторов признал неудачным качество работ за 1965 г. и положительным качество работ за 1966 г. Благодаря проведенной реставрации были открыты новые данные об архитектуре и живописи дворца. Например, крытая галерея с деревянными колоннами и резными капителями перед входом в Зал Совета и Суда не была канцелярией, как это трактовалось раньше, так как южная стена была построена в XIX в. и помещение имело открытый вид со всех сторон. Ранняя роспись стен зала Совета и Суда в виде виноградных гроздьев и тайника с растительным орнаментом относится к XVI в. Также было установлено, что в центре зала находился мраморный фонтан, к которому тянулась линия водопровода из свинцовых труб. Мраморный фонтан в летней беседке турецкой работы неизвестного скульптора был датирован XVIII в. На террасе гарема резная дверь вместо начала XIX в. отнесена к более раннему периоду строительства дворца. Открыта роспись на стенах террасы относящейся к этому же периоду [17, л. 6].

В общий план экспозиции музея был включен и восстановленный Бассейный садик с множеством цветов, декоративными кустами и каскадным фонтаном. Здесь хан и его приближенные отдыхали. Мраморная плита фонтана украшена восточным резным орнаментом и тремя рядами чашечек, вода из которых попадала в мраморный каскад с изображением рыб и аистов, а затем наполняла большой бассейн. В архитектуре фонтана просматривается веяние Ренессанса [17, л. 8].

В 1967 г. западный и восточный минареты Большой Ханской мечети реставрировались – были инъектированы трещины в камнях и стыках между камнями, заполнены утраты камня цементным раствором. Во время реставрации внутри восточного минарета был установлен противоаварийный металлический каркас, для укрепления его несущей способности, который все еще находится внутри и является дестабилизатором технического состояния восточного минарета.

В 1972 г. комплексная документация на ремонт, реставрацию и благоустройство территории Ханского дворца была заказана Украинскому специальному научно-реставрационному производственному управлению Госстроя УССР. Стоимость изготовления проектно-сметной документации до 100 тыс. руб. В 1972 г. было освоено на 8 тыс. руб., а в 1973 г. – на 6 тыс. руб. Проектно-сметная документация поступала медленно и отставала даже от работ по ремонту и реставрации помещений. Иногда констатировались уже выполненные работы. Обследование памятника иногда проводилось поверхностно, к одним и тем же помещениям возвращались несколько раз в год. Очень редко руководители реставрационного Управления бывали на объекте.

Стоимость ремонтно-реставрационных работ и благоустройство территории составляло до 1 млн. руб. К 1973 г. было израсходовано 49 тыс. руб., из них 10 тыс. – бюджетных ассигнований, а остальные за счет средств от входной платы. Темпы ремонта и реставрации таковы, что они затянутся не менее чем на 20 лет, а к этому времени часть помещений рухнет.

Отделка помещений дворца внутри из дерева, поэтому требовалось большое количество досок определенной длины и ширины, а также бруса. Однако снабжение

музея лесоматериалами поставлено было плохо. Лесоматериал, который поступал в музей, был мало пригоден для проведения реставрационных работ, еще более низкого качества лесоматериал получала реставрационная мастерская, которая вела работы в музее.

Ремонт и реставрация памятника архитектуры с мая 1972 г. проводила Крымская научно-реставрационная мастерская, а до этого вела Киевская научно-реставрационная мастерская. Киевская мастерская в 1972 г. изготовила для музея 6 дверных витражей, общей стоимостью до 10 тыс. руб. Однако работы были выполнены с низким качеством, буковые заполнения рассохлись, цветные стекла выпали, дверные витражи установлены на разных уровнях, с большим перекосом. Больше года Киевская мастерская реставрировала люстры и привезла их обратно в музей в более худшем состоянии, чем они были [18, л. 2].

В 1977 г. художниками-реставраторами П. Я. Редько и А. И. Марампольским проведено обследование росписей фасадов свитского корпуса и кухонного дворика Хан Сарая. Выполнено описание их состояния, фотофиксация состояния живописи до реставрации, методика выполнения работ. В «Золотом кабинете» и Зале Совета и Суда устроены перекрытия с заменой стропил и обрешетки. Также была произведена частичная замена каменных плит двора [19, л. 14].

К 1978 году была закончена проектно-сметная документация на реставрацию Гаремного корпуса. Кроме того, изготовлена проектно-сметная документация на реставрацию трех фонтанов в Посольском и Кухонном двориках, проведено исследование живописи фасадов Жилого и южного фасада Свитского корпусов, произведена штукатурка стен внутри помещения и фасадов Свитского корпуса [20, л. 26].

К 1979 году была закончена реставрация Свитского корпуса: окраска резных потолков, полов, окон, стен, установка плафонов и электрооборудования. Отреставрированы фонтаны в Посольском и Кухонном двориках, к ним проложен водопровод и начата реставрация петровских шкафов [21, л. 23]. В этом же году, решением Крымского ОИК от 22 мая 1979 г. мечеть Молла-Мустафа была поставлена на государственный учет.

К 1982 году число экскурсий и посетителей было уменьшено в связи с переходом с семидневной рабочей недели на шестидневную. Было проведено 25 выставок, в том числе «А. С. Пушкин и Бахчисарай», «Бахчисарай в годы Крымской войны» [22, л. 16].

В 1984 году на ремонтно-реставрационные работы было выделено 73 тыс. рублей [23, л. 19].

В 1986 – 1987 гг. институт «Укрпроектреставрация» – занимался реставрацией Соколиной башни.

Согласно перспективному плану работы БИАМ на 1986 – 1990 гг. ремонтно-реставрационные работы объектов дворцового комплекса планировалось завершить к 1995 году. К 1988 – 1989 гг. предполагалось подготовить проектную документацию по созданию на базе музея и историко-архитектурных объектов, историко-архитектурный заповедник [24, л. 30].

В 1989 году институту «Укрпроектреставрация» была заказана проектно-сметная документация на Большую дворцовую мечеть и Соколиную башню. Были получены

лес и пиломатериалы для проведения ремонтно-реставрационных работ Портала Алевиза, трех комнат Гаремного корпуса, Библиотечного корпуса [22, л. 7–8].

К 1990 году коллектив БИАМ совершенствовал все стороны деятельности музея и готовился к переходу в работе в рамках Бахчисарайского историко-культурного заповедника (БИКЗ). Был выверен список памятников и разбит на группы в хронологическом порядке; доработаны положения о заповеднике и его структуре; изготовлены карты и на них нанесены памятники; подобраны фотонегативы и проведены фотосъемки. Была продолжена работа по составлению карты Бахчисарайского района с обозначением памятников и их охранных зон [23, л. 13]. В этом же году был сдан в эксплуатацию гаремный дворик – верхние и нижние площадки, отремонтированы черепичные кровли и потолки жилого корпуса. Также был благоустроен вход в Успенский монастырь и проведен текущий ремонт экспозиционных объектов, служебных помещений и ограждений дворцового комплекса. Не была построена экспозиция «По следам Старо-Крымской археологической и этнографической экспедиции 1924–1928 гг.», в связи с передачей Мечети Тахталы-Джами мусульманской общине [23, л. 22].

12 июня 1990 г. был составлен Акт технического осмотра дворцовых построек, из которого следовало, что наружные стены ограждения комплекса требуют ремонта. Стены южной и западной части комплекса также требуют ремонта с двух лицевых сторон. При осмотре черепичной кровли Свитского и Жилого корпусов, Гаремного дворика установлено протекание кровли, разрушение черепицы и деревянной обрешетки. Планировалось произвести перекладку черепичного покрытия с заменой на новые. В здании «Кофейня» необходимо было воссоздание декоративной деревянной решетки. Для Гаремного корпуса изготавливались и устанавливались оконные переплеты, производились ремонты дощатых полов [26, л. 13]

На основе решения Крымского Областного Совета Народных Депутатов и обл-исполкома от 20 ноября 1990 г. было претворено в жизнь создание БИКЗ. В ведении Бахчисарайского заповедника находятся три крупные категории памятников: объекты, связанные с историей формирования и развития крымско-татарской государственности; памятники, объединенные терминами «пещерные города» и «пещерные монастыри»; а также разнообразные археологические комплексы [27, с. 107]

Продолжались археологические раскопки городища Кыз-Кермен, охранные раскопки на территории Усть-Альминского городища и Мангуп-Кале. К отчету о раскопках были изготовлены иллюстрации. [28, л. 55]. Сотрудники БИКЗ выступили с докладами на Всесоюзной конференции по истории Крыма по случаю 140-летия со дня рождения И. Гаспринского. В связи с этим была проведена реэкспозиция выставки «И. Гаспринский – выдающийся крымско-татарский просветитель». Институту «Укрпроектреставрация» была заказана проектно-сметная документация на ремонт и реставрацию бани Сары-Гузель, Зынджырлы Медресе в Салачике и усадьбы Фирковича. Были завершены работы на объектах: библиотечный корпус, портал Алевиза и фонтан в Посольском дворе. Кроме того, проведены ремонтно-реставрационные работы в Успенском монастыре. На Братском кладбище были сооружены ворота и оборудован вход [29, л. 14].

Были проведены проектно-изыскательные работы на следующих объектах:

1. бывшая кофейня, датируемая рубежом XVIII – XIX вв.;
2. типография «Терджиман»;
3. восстановлено надгробие И. Гаспринского;

Таким образом, в указанный период работа музея была очень сложна и разнообразна. Ученые, исследователи, краеведы систематически занимались сбором источников, его изучением, организовывали деятельность музея. Бахчисарайским Дворцом-Музеем в 44–90-х гг. XX века были достигнуты определенные успехи в деле сохранения культурного наследия.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный Архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-428. Бахчисарайский историко-археологический музей, оп. 1, д. 8. Акты проверок состояния построек Дворца-Музея и памятников культуры в 1945–1946 гг., 162 л.

Gosudarstvennyu Arkhiv v Avtonomnoy Respublike Krym (GAARK), f. R-428. Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy muzey, op. 1, d. 8. Akty proverok sostoyaniya postroek Dvortsa-Muzeya i pamyatnikov kultury v 1945–1946 gg., 162 l.

2. ГААРК, ф. Р-4281, оп. 1, д. 12. Смета расходов на восстановление каменного фонтана и Бахчисарайского Дворца-Музея (с приложениями), 34 л.

GAARK, f. R-4281, op. 1, d. 12. Smeta raskhodov na vosstanovlenie kamennogo fontana i Bakhchisarayskogo Dvortsa-Muzeya (s prilozheniyami), 34 l.

3. ГААРК, ф. Р-3319. Управления культуры, оп. 1, д. 57. Смета на благоустройство Дворца-Музея на 1953 г., 19 л.

GAARK, f. R-3319. Upravleniya kultury, op. 1, d. 57. Smeta na blagoustroystvo Dvortsa-Muzeya na 1953 g., 19 l.

4. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 118. План работы Крымского областного краеведческого, Евпаторийского краеведческого и Бахчисарайского историко-археологического музеев на 1953 г., 96 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 118. Plan raboty Krymskogo oblastnogo kraevedcheskogo, Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo i Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeev na 1953 g., 96 l.

5. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 130. Годовой отчет о работе Бахчисарайского Дворца-Музея за 1964 г., 39 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 130. Godovoy otchet o rabote Bakhchisarayskogo Dvortsa-Muzeya za 1964 g., 39 l.

6. ГААРК, ф. Р-4281, оп. 1, д. 57. Справки, докладные записки по делам строительства главному архитектору республики, 123 л.

GAARK, f. R-4281, op. 1, d. 57. Spravki, dokladnye zapiski po delam stroitelstva glavnomu arkhitektoru respubliky, 123 l.

7. ГААРК, ф. Р-4281, оп. 1, д. 33. Переписка с Министерством Культуры о пополнении музея экспонатами и о проведении реставрации музея, 187 л.

GAARK, f. R-4281, op. 1, d. 33. Perepiska s Ministerstvom Kultury o popolnenii muzeya eksponatami i o provedenii restavratsii muzeya, 187 l.

8. ГААРК, ф. Р-4281, оп. 1, д. 54. Докладная записка о ходе реставрации, ремонте и проведении экскурсионных рассказов, 47 л.

GAARK, f. R-4281, op. 1, d. 54. Dokladnaya zapiska o khode restavratsii, remonte i provedenii ekskursionnykh rasskazov, 47 l.

9. Научный архив Бахчисарайского Историко-Культурного Заповедника (БИКЗ). Ф. 3. Архитектурно-реставрационный. Оп. 1. Памятник архитектуры XVI в. Дворцовый комплекс в Бахчисарае. Бани Сары-Гузель. Комплексные научные изыскания. – Т. 2. – Кн. 3. – Киев, 1960. – 73 л.

Nauchnyu arkhiv Bahchisarayskogo Istoriko-Kul'turnogo Zapovednika (BIKZ). F. 3. Arkhitekturno-restavratsionnyu, Op. 1. Pamyatnik arkhitektury KhVI v. Dvortsovyu kompleks v Bakhchisarae. Bani Sary-Guzel. Kompleksnye nauchnye izyskaniya. – T. 2. – Kn. 3. – Kiev, 1960. – 73 l.

10. Научный архив БИКЗ. Ф. 3, Оп. 1. Материалы к проектным предложениям, по реставрации главного корпуса бывшего ханского дворца в Бахчисарае. – Киев, 1962. – 66 л.

**РЕМОНТНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ
В АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ ХАНСКОГО ДВОРЦА В 1944–1990 гг.**

Nauchnyy arkhiv BIKZ. F. 3, Op. 1. Materialy k proektnym predlozheniyam, po restavratsii glavnogo korpusa byvshego khanskogo dvortsa v Bakhchisarae. – Kiev, 1962. – 66 l.

11. Научный архив БИКЗ. Ф. 3, Оп. 1. Проект реставрационно-строительных работ памятника архитектуры XVIII в. дюрбе Диляры-Бикеч в Бахчисарае. – К., 1961. – 25 л.

Nauchnyy arkhiv BIKZ. F. 3, Op. 1. Proekt restavratsionno-stroitelnykh работ pamyatnika arkhitektury KhVIII v. dyurbe Dilyary-Bikech v Bakhchisarae. – К., 1961. – 25 l.

12. Богданова Н.А. Реставрация бывшего Бахчисарайского дворца в 1961-1962 гг. – 21 л.

Bogdanova N.A. Restavratsiya byvshego Bakhchisarayskogo dvortsa v 1961-1962 gg. – 21 l.

13. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 531. Годовые планы работы и отчеты о работе Бахчисарайского историко-археологического музея и Евпаторийского краеведческого музеев, 87 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 531. Godovye plany raboty i otchety o rabote Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeev, 87 l.

14. ГААРК, ф. Р-4281, оп. 1, д. 44. Справка о работе музея за 1962 г., 26 л.

GAARK, f. R-4281, op. 1, d. 44. Spravka o rabote muzeya za 1962 g., 26 l.

15. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 559. Материалы по реставрации Бахчисарайского историко-археологического музея на 1961 г., 57 л. GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 559.

Materialy po restavratsii Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya na 1961 g., 57 l.

16. ГААРК, ф. Р-4281, оп. 1, д. 60. Доклад на тему «Бахчисарайскому музею 50 лет». 17 л.

GAARK, f. R-4281, op. 1, d. 60. Doklad na temu «Bakhchisarayskomu muzeyu 50 let». 17 l.

17. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 1438. Годовые отчеты Керченского государственного историко-культурного заповедника, Алушкинского дворца-музея Бахчисарайского историко-археологического музея и Евпаторийского краеведческого музея за 1977 г., 213 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 1438. Godovye otchety Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Alupkinskogo dvortsa-muzeya Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1977 g., 213 l.

18. ГААРК, ф. Р-1195. Бахчисарайский районный исполнительный комитет, оп. 4, Д. 407. Справки, сведения, информации о работе предприятий и хозяйств района, районных отделов культуры и народного образования в 1973 г., 32 л.

GAARK, f. R -1195. Bakhchisarayskiy rayonnyy ispolnitelnyy komitet, op. 4, D. 407. Spravki, svedeniya, informatsii o rabote predpriyatiy i khozyaystv rayona, rayonnykh otdelov kultury i narodnogo obrazovaniya v 1973 g., 32 l.

19. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 1498. Годовые отчеты Керченского государственного историко-культурного заповедника, Алушкинского Дворца-Музея, Бахчисарайского историко-археологического музея и Евпаторийского краеведческого музея за 1978 г., 196 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 1498. Godovye otchety Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Alupkinskogo Dvortsa-Muzeya, Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1978 g., 196 l.

20. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 1531.. Годовые отчеты Керченского государственного историко-культурного заповедника, Алушкинского дворца-музея, Бахчисарайского историко-археологического музея и Евпаторийского краеведческого музея за 1979 г., 203 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 1531.. Godovye otchety Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Alupkinskogo dvortsa-muzeya, Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1979 g., 203 l.

21. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 1665. Сводные годовые отчеты Алуштинского литературно-мемориального музея имени С.Н. Сергеева-Ценского, Керченского государственного историко-культурного заповедника, Бахчисарайского историко-архитектурного музея и Евпаторийского краеведческого музея за 1982 г., 187 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 1665. Svodnye godovye otchety Alushtinskogo literaturno-memorialnogo muzeya imeni S.N. Sergeeva-Tsenskogo, Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Bakhchisarayskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1982 g., 187 l.

22. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 1744. Сводные годовые отчеты Алуштинского литературно-мемориального музея имени С.Н. Сергеева-Ценского, Керченского государственного историко-

культурного заповедника, Бахчисарайского историко-архитектурного музея и Евпаторийского краеведческого музея за 1984 г., 194 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 1744. Svodnye godovye otchety Alushtinskogo literaturno-memorialnogo muzeya imeni S.N. Sergeeva-Tsensnogo, Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Bakhchisarayskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1984 g., 194 l.

23. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 1843. Перспективные планы работы Алуштинского литературно-мемориального музея имени С.Н. Сергеева-Ценского, Керченского государственного историко-культурного заповедника, Бахчисарайского историко-архитектурного музея и Евпаторийского краеведческого музея на 1986- 1988 гг., 235 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 1843. Perspektivnye plany raboty Alushtinskogo literaturno-memorialnogo muzeya imeni S.N. Sergeeva-Tsensnogo, Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Bakhchisarayskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya na 1986-1988 gg., 235 l.

24. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 712. Годовой отчет о работе Бахчисарайского историко-архитектурного музея за 1988 г., 93 л. GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 712.

Godovoy otchet o rabote Bakhchisarayskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya za 1988 g., 93 l.

25. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 2040. Годовые отчеты Керченского государственного историко-культурного заповедника, Бахчисарайского историко-архитектурного музея и Евпаторийского краеведческого музея за 1989 г., 116 л. GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 2040.

Godovye otchety Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Bakhchisarayskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1989 g., 116 l.

26. Научный архив БИКЗ, ф. 3, оп. 1. Первоочередные и противоаварийные ремонтно-реставрационные работы на объектах дворцового комплекса. – 1990. – 17 л.

Nauchnyu arkhiv BIKZ, f. 3, op. 1. Pervoочerednye i protivooavariynye remontno-restavratsionnye raboty na obektakh dvortsovogo kompleksa. – 1990. – 17 l.

27. Радде Г. Крымские татары. – К., 2008. – 112 с.

Radde G. Krymskie tataru. – K., 2008. – 112 s.

28. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 2079. Годовые планы работы Алуштинского литературно-мемориального музея имени С.Н. Сергеева-Ценского, Керченского государственного историко-культурного заповедника, Бахчисарайского историко-архитектурного музея и Евпаторийского краеведческого музея за 1989 г., 189 л.

GAARK, f. R-3319, op. 1, d. 2079. Godovye plany raboty Alushtinskogo literaturno-memorialnogo muzeya imeni S.N. Sergeeva-Tsensnogo, Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Bakhchisarayskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1989 g., 189 l.

29. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 2, д. 138. Годовые отчеты о работе Алуштинского литературно-мемориального музея имени С. Н. Сергеева-Ценского, Керченского государственного историко-культурного заповедника, Бахчисарайского историко-культурного заповедника и Евпаторийского краеведческого музея за 1990 г., 198 л.

GAARK, f. R-3319, op. 2, d. 138. Godovye otchety o rabote Alushtinskogo literaturno-memorialnogo muzeya imeni S. N. Sergeeva-Tsensnogo, Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika, Bakhchisarayskogo istoriko-kulturnogo zapovednika i Yevpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1990 g., 198 l.

Османов Є. Є. Ремонтно-реставраційні роботи в архітектурному комплексі Ханського палацу в 1944–1990 рр. / Є. Є. Османов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 96–111.

У даній статті проаналізована науково-дослідна діяльність Бахчисарайського Музею, а також ремонтно-реставраційні роботи, що виконувала Київської науково-реставраційної майстерні, а з травня 1972 проводила Кримська науково-реставраційна майстерня. Особливу увагу приділено пам'ятникам історії та архітектури кримських татар на території Ханського палацу

Ключові слова: Бахчисарайський Палац-музей, вивчення історичних пам'яток, стан архітектурних споруд, реставраційні роботи.

Osmanov E. E. Repair and restoration work in the architectural complex of the Khan palace in the years 1944–1990 / E. E. Osmanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 96–111.

This article analyzes the research activities Bakhchisaray Museum, as well as repair and restoration work carried out by the Kiev scientific restoration workshop, and Crimean conducted research and restoration workshop from May 1972. Particular attention is paid to the historical and architectural monuments of the Crimean Tatars in the Khan's Palace. Museum of the Turko-Tatar culture was opened in the Bakhchisaray palace November 3, 1917, and destined to become a place of gathering information about the history of the Crimean Tatars, its political status in the past. Usein Bodaninsky was the first director of Bakhchisaray Palace Museum.

The palace was saved from destruction by the efforts of a student Bodaninsky Mary Kustova after the deportation of the Crimean Tatars. Museum remained intact and continued to work soon. One of the first priorities was – viewing and recording of monuments of the city and the surrounding area in order to reveal the devastation after the departure of the Nazis. The Nazis used the building of places of worship and public buildings for warehouses during the occupation. Considerable damage was caused to the building. The work program of the museum in the late 40 and early 50's. can be reduced to such items as: rerun of the stone walls, replacement of rotten rafters, roof slab, repair plaster, whitewash the facades of buildings.

In 1954, was created Bakhchisaray Historical and Archaeological Museum on the basis of two museums - the «Cave towns» and the «Palace Museum». The research work of the museum expanded in the future. Khan mosque minarets were repaired. For large-scale restoration of the palace turned into a 1960–1964 gg. The task of restoration were: to identify and fix those old elements in architecture and painting, which can still be found, without destroying the subsequent layers in order to be able to follow all the stages of repairs and restorations of the Khan Palace. Supervise the work and she was the author of the project architect, E. I. Lopushinsky. The palace was taken multicolor painting of the eighteenth century and he was given a view of the sixteenth century as a result of repair and restoration work 1960–1962 years. The restoration works discovered new details about the architecture and art of the palace. Early painting the walls of the hall of the Council and the Court in the form of grape bunches and a cache of floral ornament refers to the sixteenth century. In the center of the room there was a marble fountain it was also found, which ran a line running water from lead pipes. Marble fountain in the summerhouse has been dated to the eighteenth century by Turkish an unknown sculptor.

By 1979, was completed restoration works of the Suite housing: color carved ceilings, floors, windows, walls, installation of ceiling lamps, electrical equipment. Restored fountains in the embassy and the Kitchen patios, plumbing routed to them and started restoration of cabinets. In 1986–1987 Institute «Ukrproektrestavratsiya» engaged in the restoration of the Falcon tower. In 1989 he was commissioned produced construction documents for the Big Khan mosque and Falcon Tower by the institute «Ukrproektrestavratsiya». Employees BIKZ made presentations at a national conference on the history of the Crimea, on the occasion of the 140th anniversary of the birth of Gasprinsky. In this connection was held re-exposition of the exhibition «I. GASPRINSKY – a prominent Crimean Tatar educator. Institute «Ukrproektrestavratsiya» was commissioned project documentation for the repair and restoration of the bath Sarah-Guzel, Zyndzhyrly Madrasah in Salachik. By 1990, the team BIAM has improved all aspects of the museum and was preparing to move into the work of the Bakhchisaray Historical and Cultural Reserve (BIKZ). There are three kinds of monuments in the jurisdiction of Bakhchisarai Reserve: the objects related to the history of formation and development of the Crimean Tatar statehood; monuments called the «mountain city» and «cave monasteries», as well as a variety of archaeological complexes.

Key words: Bakhchisaray museum, restoration works, the state of architectural structures, the study of historical monuments.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Э. Б. Петрова

д.и.н., проф. И. Н. Храпунов

УДК 908: 021.9 (477.75)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КНИЖНОЙ КОЛЛЕКЦИИ «КАРАЙ-БИТИКЛИГИ»

Парафило Д. М.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: denis_parafilo@mail.ru*

Предпринята попытка на основе синтеза архивных и опубликованных источников восстановить картину формирования книжных богатств «Карай-Битиклиги» в период 10–20-х гг. XX в. Освещается процесс создания библиотеки и дальнейшее пополнение коллекции рядом частных книжных собраний. Особый акцент уделяется инкорпорации в «Карай-Битиклиги» части книг библиотеки А. Ю. Мичри.

Ключевые слова: «Карай-Битиклиги», коллекция, А. Ю. Мичри, П. Я. Чепурина, Б. С. Ельяшевич.

Проблема освещения в истории формирования единой книжной коллекции «Карай-Битиклиги» 1916–1931 гг., активное участие в ней первых хранителей коллекции, представителей караимской интеллигенции – остается малоизученным сюжетом исследуемой темы функционирования книжной коллекции «Карай-Битиклиги» в период с 10–20-х гг. XX в. Восстановление полноценной картины этого процесса на основании новых архивных источников формулирует **актуальность** нашего исследования. Его **целью** является научная реконструкция истории формирования караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги».

Вместе с тем, изученные материалы архивов и малоизвестных опубликованных источников позволяют говорить о том, что процесс формирования библиотеки протекал неравномерно и с разной степенью интенсивности и не прекращался после национализации коллекции в 1920 г. Анализ документальной базы по проблеме позволяет нам выделить два периода в истории формирования коллекции: 1) 1916–1920 гг. – период становления основной части собрания, связан с деятельностью представителей караимской общественности М. Я. Фирковича и С. С. Ельяшевича. 2) 1921–1928 гг. – период характеризуется процессом инкорпорации частного собрания А. Ю. Мичри в состав «Карай-Битиклиги», в котором принимали активное участие крымские краеведы П. Я. Чепурина и Б. С. Ельяшевич.

Идея создания книжного собрания по караимике возникла почти сразу же после присоединения Крымского ханства к Российской империи. В 1804 г. возникает собрание рукописной и печатной книги в Евпатория в среде караимской общины [6, с. 8]. По сохранившемуся сведениям, она насчитывала до 500 томов. Во время Крымской (Восточной) войны (1853–1856) библиотека была полностью ограблена. После войны она была восстановлена, но не имела большой ценности и значения, из-за того, что во время войны исчезли редкие книги и рукописи, составлявшие гордость коллекции [6, с. 8]. К началу XX в. библиотека не функционировала. На базе существовавшего в Евпатории при Караимском духовном правлении книгохранилища возникла в июне 1916 г. библиотека «Карай-Битиклиги». Основателем коллекции являлся караимский гахам Серайя Маркович Шапшал (1873–1961). Первым заведующим библиотекой стал М. Я. Фиркович (1846–1916) [6, с. 8]. Он был внуком

знаменитого караимского историка А. С. Фирковича. Среди современников выделялся обширными познаниями рукописной и печатной караимской книги. Б. С. Ельяшевич указывал, что «М. Я. Фиркович передал в «Карай-Битиклиги» и свою небольшую, но ценную библиотеку, в которой находились неизданные рукописи и много политипажей с древних караимских надгробных надписей, а также речи и переписка с учеными великого его деда А. С. Фирковича. М. Я. Фиркович хорошо знал древнееврейский и родной караимский языки» [1, с. 196]. Первоначально коллекция включала нескольких книг, принадлежащих караимской общине, а также – 400 томов с печатями покойного Нисан Давидовича Кокизова (1843–1908), [5, с. 9]. В годы гражданской войны происходило дальнейшее пополнение фондов библиотеки путем пожертвований книг и целых частных собраний от известных и богатых караимов. Как отмечал М. Я. Фиркович, «после смерти гахама Самуила Моисеевича Пампулова его семьей были пожертвованы два ящика ценных книг, принадлежавших покойному. Их примеру последовали и другие караимы. Семья покойного Барахи Моисеевича Шишмана принесла в дар 40 томов. Таким образом, на июнь 1917 г. в библиотеке наличествовало до 1200 томов книг и рукописей [6, с. 9].

М. Я. Фиркович начал проводить работу по систематизации книг и рукописей в библиотеке по отделам. Им было учреждено 11 отделов: 1) произведения религиозного характера; 2) философия; 3) этика, нравственная философия; 4) история караимов и израильского народа; 5) изящная словесность; 6) сочинения по истории караимского языка и письменности; 7) комментарии на тексты Ветхого Завета; 8) физика; 9) астрономия; 10) математика; 11) словари и справочники [10, с. 9]. Дальнейшей успешной работе по комплектации коллекции помешала внезапная смерть М. Я. Фирковича 29 января 1918 г. по дороге из Евпатории в Мелитополь на станции Сарабуз от разрыва сердца [24, с. 348].

После смерти М. Я. Фирковича необходимо было найти ответственного и способного человека, понимающего всю важность сохранения коллекции. Полгода должность заведующего библиотекой была вакантной и лишь в июне 1918 г. была занята Симой Саадьевичем Ельяшевичем (1879–1933). Он родился в 1879 г. в семье Рахили и Саадьи Ельяшевичей. В 1892 г. семья переезжает в Москву и Симу Саадьевича отдают на учебу в Строгановское училище, 6 общеобразовательных классов которого он закончил. Затем Сима Саадьевич сдал экстерном экзамены за 8 классов гимназии, также несколько лет дома изучал иврит. По приглашению своего брата Бориса Саадьевича, С. С. Ельяшевич в 1914 году приезжает в Крым, где проживал до 1921 г. Именно на этот период приходится часто общественная деятельность на благо караимского народа. С. С. Ельяшевич активно выступал на собраниях Симферопольской и Евпаторийской караимских общин [24, с. 348]. С. С. Ельяшевич 24 июня 1918 г. подал прошение на имя С. М. Шапшала на вакантную должность библиотекаря «Карай-Битиклиги» [24, с. 348]. С. М. Шапшал принял прошение и с 24 июня 1918 г. по сентябрь 1921 г. С. С. Ельяшевич стал вторым хранителем «Карай-Битиклиги». По свидетельству самого С. С. Ельяшевича «Работа по библиотеке была самая разнообразная вплоть до переделок разборных шкафов, вследствие отсутствия необходимых для библиотеки кредитов» [11, л. 8]. Но, несмотря на мате-

риальные трудности, библиотека «Карай-Битиклиги» пополнялась частными собраниями. Как отмечал С. С. Ельяшевич, в библиотеку в июле 1918 г. поступило крупнейшее пожертвование от наследников Моисея Симовича Сарача – Лазаря и Самуила Моисеевичей (Одесса) от которых было получено 440 книг [3, с. 11]. Продолжая писать о пожертвованиях, С. С. Ельяшевич указывал на то: «так от г. Гелеловича Исаака Ароновича остались книги присланные наследниками, всего 53 тома. Наследник известного в свое время газзана и караимского ученого Ю. Савускана обещал принести в дар несколько сот томов книг своего отца. Приносили книги и не караимы, так г. Сергей Степанович Чех пожертвовал 16 томов. Гахам С. М. Шапшал не переставал пополнять библиотеку – передал часть своей библиотеки, книги по караимике. Гахам передал в Библиотеку кроме того на хранение (временно) и для обозрения некоторые исторические вещи своего музея. Все эти музейные вещи, оставаясь личной собственностью Высокостепенного Гахама, украшают нашу Библиотеку» [3, с. 12].

Под угрозой реквизиции своей личной библиотеки со стороны советской власти 15 марта 1919 г. Б. С. Ельяшевич написал заявление, в котором указывал, что он передал свою библиотеку в ведение «Карай-Битиклиги» [9, л. 1]. С. С. Ельяшевич 17 июня 1919 г. выдал Б. С. Ельяшевичу удостоверение, в котором отметил, что: «находящееся в его квартире библиотека со всеми книгами и рукописями находится в ведении Караимской Национальной Библиотеки Карай-Битиклиги и никакому учету, реквизиции чего бы то ни было не подлежит на основании ст. 22 Конституции Рос. Соц. Фед. Советской Республики; и абз. 13 Декларации Крымск. Раб – Крестьянск. Правительства» [9, л. 11]. Таким образом, в конце 1920 г. библиотека «Карай-Битиклиги» включала в себе более 500 рукописей и 4000 томов разнообразных книг по истории караимов и зарубежных изданий. Являясь совокупностью частных караимских собраний, «Карай-Битиклиги» становится полноценной национальной библиотекой караимов.

Второй период формирования фондов коллекции 1921–1928 гг. связан с инкорпорацией частного собрания А. Ю. Мичри в «Карай-Битиклиги». В ноябре 1920 г. в Крыму окончательно была установлена Советская власть, начался процесс национализации «Карай-Битиклиги». Одновременно с этим, проходил процесс реорганизация работы библиотеки. 28 декабря 1920 г. библиотекарем «Карай-Битиклиги» стал С. Я. Нейман [11, л. 1], а уже 15 января 1921 г. в число сотрудников вошли: С. М. Шайтан, З. Я. Юхневич, О. М. Бебеш, В. С. Череф, А. И. Михайлова, М. И. Иртлич [11, л. 1]. К этому времени в Евпатории, кроме библиотеки «Карай-Битиклиги» существовала и библиотека А. Ю. Мичри.

Владелец большого собрания по истории караимского народа Авраам Юфудович Мичри (1830 – 10.08.1917 г.) родился в Евпатории, в большой многодетной семье. В 1839 г., лишившись отца, А. Ю. Мичри вынужден был оставить дальнейшее образование и поступить на службу в один из караимских магазинов в Одессе. Проживая в Одессе долгое время и занимаясь разными коммерческими делами, А. Ю. Мичри разбогател. После этого он переехал в Харьков, а потом в Санкт-Петербург. Здесь А. Ю. Мичри провел многие годы, продолжая заниматься коммерцией, и лишь на склоне лет он возвратился в родную Евпаторию [2, с. 142].

А. Ю. Мичри, был известен своими широкими познаниями в области лингвистики, а также филологии, геологии и экзегетики. По словам современников, он «отличался глубоким своеобразным умом и изумительной разносторонней образованностью» [2, с. 141]. Одаренный от природы редкой памятью, А. Ю. Мичри отдавал все свое свободное время самообразованию – чтению разных книг. В результате он приобрел познания в области языковедения, основательно изучил арамейский, крымскотатарский, а также русский, французский, немецкий, английский, итальянский и другие языки, являлся глубоким знатоком Библии, экзегетики, богословия и теологической литературы. Среди караимов А. Ю. Мичри был известен как гебраист, и пользовался авторитетом в этой области наравне с И. И. Казасом, «с которым находился в тесной дружбе и который всегда считался с его мнением» [2, с. 143].

А. Ю. Мичри составил свои комментарии к ТаНаХу [2, с. 145]. В последние дни своей жизни А. Ю. Мичри решил изложить свои научные комментарии к Библии в отдельной книге, которая, несомненно, явилась бы ценным вкладом в область экзегетики, но, к сожалению, автор не успел ее закончить – он скоропостижно скончался 10 августа 1917 г. в своем имении Конраш под Евпаторией от сердечного приступа [2, с. 144]. Как пишет С. С. Ельяшевич, «много яркого оставила та светлая полоса духовной жизни, в которой так ярко сверкал, бесспорно, огромный талант А. Ю. Мичри. Много весьма ценного унес с собой этот глубокий, удивительно своеобразный ум, столь же философский, сколь и практичный» [4, с. 26]. Столь лестная оценка заслуг А. Ю. Мичри характеризует его как, несомненно, влиятельную фигуру в истории караимского просветительского движения во второй половине XIX – XX вв.

А. Ю. Мичри заслужил репутацию библиофила, собравшего обширную библиотеку, насчитывавшую более 18 тыс. томов произведений средневековых и современных ему ученых, писателей и поэтов на разных языках, которые А. Ю. Мичри собирал в течение всей своей жизни. Библиотека А. Ю. Мичри включала в себя большое число ценных старопечатных книг, 10 инкунабул и 40 старинных рукописей неизданных сочинений караимских авторов [2, с. 143]. Исходя из «Списка библиотеки А. Ю. Мичри», можно сделать вывод о качественном составе коллекции [8]. Общее число книг составляло 16000 томов. Зарубежные издания составляли 1/4 всей коллекции – 4239 книг. В основном книги были на французском, итальянском, немецком и др. языках. Основная часть книг библиотеки была издана в XIX в., но было много экземпляров, напечатанных в XVIII в., 4 книги изданные в XVII в., из них наиболее старинной является «Da theologie», без автора, 1621 г. [8, л. 2].

Коллекция А. Ю. Мичри, после смерти владельца, полтора года находилась в имении Конраш, у его родственников. 22–23 мая 1919 г. состоялись два совместных заседания наследников А. Ю. Мичри и Совета выборных евпаторийской караимской общины. На данных заседаниях были приняты условия дарственного акта [18]. общине» [19]. Для принятия библиотеки необходимо было согласие всей Евпаторийской караимской общины и Духовного правления караимов. С целью получить это согласие, 25 мая 1919 г. в помещении Александровского караимского училища собралось Общее собрание Евпаторийской караимской общины. На котором выбрали членов правления библиотекой А. Ю. Мичри. – 1) Ф. И. Раецкий; 2) Я. О. Авах; 3) Р. О. Пойрак; 4) Б. А. Шамаш; 5) Б. И. Каракоз; 6) С. И. Шайтан; 7) Ш. М. Тиро.

Остальные два члена – А. А. Ходжаш и С. Ф. Мичри представляли интересы наследников Авраама Юфудович [25, с. 145].

В связи с большим объемом библиотеки было принято решение разместить ее в здании Евпаторийского караимского семиклассного мужского училища, которое до 1919 г. носило название Александровского караимского духовного училища и находилось в самой Евпатории (ныне – ул. Бартенева, 5 / Пионерская, 4).

В феврале 1921 г. С. С. Ельяшевич при приеме библиотеки, отмечал: «Факт тот, что никаких актов Правлением библиотеки не было составлено ни при первоначальном ввозе библиотеки из Конраша, ни позже, а также [то], что правлением не было даже установлено и зафиксировано общее количество принятых книг, не было выдано дарителям библиотеки даже простой расписки о количестве принятого книжного имущества и шкафов» [9, л. 16]. Далее Б. С. Ельяшевич спрашивал у представителя дарителей И. А. Мичри, «не сохранилось ли у него личных заметок, в которых приводятся сведения о перевозе коллекции из имени Конраш в здание Евпаторийского караимского семиклассного мужского училища». Сохранилась заметка, датированная 1919 г., из которой видно, что «библиотека была вывезена из Конраша с 29-го мая по 1-е июня 1919 года на 24 больших подводах и заключала семнадцать тысяч триста восемьдесят (17380) книг, кроме небольшого количества представленных в сундуке. Вместе с этими книгами перевезено две корзины, из коих одна с ножами, а в другой были семь скрипок со струнами, кроме того, перевезено пять виолончелей в деревянных футлярах и один альт в деревянном футляре с альтовым смычком, все эти шесть инструментов в футлярах были завернуты во что-нибудь, а альт в футляре с альтовым смычком был завернут в особую скатерть» [9, л. 17]. Эти сведения позволяют точно установить количество книг – 17380 экземпляров.

В период с 3 июня 1919 г. по 28 января 1921 г., библиотека им. А. Ю. Мичри не работала. Временное правление за 21 месяц даже не смогло не только разобрать все книги по шкафам, но и провести опись имущества. Денежные средства евпаторийской караимской общиной, на содержании которой находилась библиотека, не выделялись. По свидетельству сторожа Евпаторийского караимского семиклассного мужского училища Э. Раецкого, «в течение всего времени с мая 1919 года по январь 1921, т.е. за 21 месяц, все помещения проветривались не более двух или трех раз» [9, л. 15]. Совет Выборных караимской евпаторийской общины пытался влиять на ситуацию и неоднократно подымал вопрос о библиотеке А. Ю. Мичри на своих заседаниях, но дальше слов дело не двигалось.

Неспособность Временного правления библиотеки Мичри навести порядок и открыть библиотеку привели к тому, что караимская общественность после прихода Советской власти, поставила вопрос о передаче коллекции в ведение заведующего «Карай-Битиклиги» – С. С. Ельяшевича. На основании постановления объединенного заседания президиума Караимского исполкома и избранных в 1919 г. членов Правления Библиотеки имени А. Ю. Мичри, передача коллекции была назначена на 28 января 1921 г. В этот день к 12 часам дня явились: заведующий библиотекой Карай-Битиклиги С. С. Ельяшевич, сын Авраама Юфудовича – И. А. Мичри, приглашенный в качестве понятого сторож Караимского Учительского института Э. Раецкий, а также приглашенные для работы сотрудники: помощница заведующе-

го Библиотекой С. Я. Нейман, З. Я. Юхневич, участвовавший в работах по приему библиотеки А. Ю. Мичри и перевозке ее в г. Евпаторию из имения Конраш в 1919 г., а также правление библиотеки и ее сотрудники: Э. И. Ерусальми, О. М. Бебеш, М. И. Иртлач, К. С. Кальфа, Т. И. Пигит, В. А. Оксюз, Т. Б. Рофе, В. С. Чореф и Р. А. Черкес [9, л. 16].

Библиотекой было занято два помещения – актовый зал и вестибюль училища, причем в первом оказалось 47 шкафов с книгами и 2 пустых шкафа без книг, а во втором – 9 шкафов с книгами и 8 пустых, всего же 66 шкафов. Все помещение – зал и вестибюль, а также шкафы, книги, скамьи, подоконники были покрыты толстым слоем пыли [9, л. 17].

Работа по приведению в порядок и подсчету книг продолжалась с 28 января по 8 февраля 1921 г., когда начальник военно-командных курсов, занимавших здание училища, предоставил десять подвод с десятью красноармейцами, потребовав, чтобы в тот же день, 8 февраля, были освобождены занятые библиотекой помещения. С этого момента работы были прекращены, и сотрудники приступили к разгрузке шкафов, погрузке их на подводы и к перевозке их в новое помещение (в дом караимской общины), бывший магазин Караимского кооператива по адресу: Кустарный переулок, 10. При погрузке и перевозке были приняты все меры охраны и надзора, а именно: одна дежурная сотрудница поставлена у выхода из зала в коридор училища (вынос шкафов и книг производился во дворе училища), одна дежурная – у выхода на двор, и одна – на дворе у подвод. Работами руководил заведующий С. С. Ельяшевич; при следовании подвод на место назначения последние сопровождалась 6–7 сотрудниками, принимавших и разгружавших подводы в том же порядке. К началу перевозки подсчет книг был совершенно закончен.

После окончательного подсчета выяснилось точное количество книг – 16865 экземпляров. Кроме того, было выявлено незначительное количество разрозненных номеров из журналов 1914–1918 гг. и несколько номеров старых газет того же времени. Таким образом, в библиотеке не оказалось одного альфа с альфовым смычком в футляре и 515 экземпляров книг, вывезенных из Конраша [9, л. 18].

После переноса библиотеки, ее история неразрывно связана с судьбой «Карай-Битиклиги». Начинается процесс постепенной инкорпорации в состав «Карай-Битиклиги». На основании выявленных фактов можно прийти к выводу, что к апрелю 1921 г. единственным хранителем библиотеки остался С. С. Ельяшевич, который 27 апреля 1921 г. стал сотрудником евпаторийского КрымОХРИСа в должности заведующего по охране архитектурных памятников в г. Евпатория [12, л. 31]. После всех этих событий, вновь был актуализирован вопрос о включении библиотек «Карай-Битиклиги» и А. Ю. Мичри в непосредственное подчинение КрымОХРИСу. Уже 16 мая 1921 г. на одном из заседаний евпаторийской секции КрымОХРИСа хранитель краеведческого музея в Евпатории Г. Х. Бояджиев делал доклад о том, что библиотека «Карай-Битиклиги» и А. Ю. Мичри должны перейти в ведение КрымОХРИСа [12, л. 36]. О содержании данного доклада сотрудник КрымОХРИСа решил поставить в известность библиотечную секцию Политпросвета, после чего завязалась переписка между этими учреждениями по вопросу о том, кому должны перейти обе библиотеки.

12 июня 1921 г. заведующий евпаторийским Политпросветом А. Шиндер отметил несостоятельность заявлений КрымОХРИСа касательно караимских библиотек и рекомендовал впредь согласовывать с Политпросветом решения по данному вопросу [12, л. 66].

2 сентября на заседании караимского Культпросвета, как составной части евпаторийского отделения Политпросвета, С. С. Ельяшевичу было предложено передать библиотеку имени А. Ю. Мичри, не проведя при этом предварительный учет хранящихся материалов, представителю Культпросвета С. М. Шайтану [12, л. 148]. В свою очередь, С. С. Ельяшевич 25 сентября в письме заведующей Евпаторийским центральным комитетом Крымнаркомпроса, поднимал вопрос о том, что он периодически получает уведомления о сдаче библиотеки А. Ю. Мичри новому заведующему без составления полной описи. По его мнению, подобный переход библиотеки противоречил принципам ее хранения и контроля. В конце письма С. С. Ельяшевич отказался сдавать библиотеку в распоряжение Культпросвета [9, л. 18]. Однако 21 октября 1921 г. ситуация внезапно изменилась, С. С. Ельяшевич передает опись книг и библиотеку А. Ю. Мичри в ведение сотрудника Культпросвета С. М. Шайтана [12, л. 111]. В свою очередь, сам С. С. Ельяшевич уехал в Москву. Официальным хранителем и библиотеки А. Ю. Мичри становится Марк Соломонович Шайтан в январе 1922 г. [13, л. 158]. А библиотеки «Карай-Битиклиги» Борис Саадьевич Ельяшевич – единственный оставшийся после революции бывший член Караимского духовного правления, ставший бесплатным хранителем коллекции.

Б. С. Ельяшевич, родился 13 марта 1861 г. в г. Поневеже (Литва) [2, с. 50]. В 1888 г. вместе с семьей он переехал в Москву. В детстве Б. С. Ельяшевич не посещал школу – караимскую и русскую грамматику он усвоил от своего отца Саады Семеновича. Московское караимское общество за свой счет послало Б. С. Ельяшевича учиться в открытом в 1895 г. Александровском караимском духовном училище. После его окончания, Борис Саадьевич уехал в Москву. С перерывами с 1903 по 1921 гг. Борис Саадьевич работал преподавателем древнееврейского языка в Александровском караимском духовном училище. 15 марта 1915 г. Б. С. Ельяшевич стал старшим газзаном Соборной кенасы Евпатории. В 1917–1920 гг. Б. С. Ельяшевич преподавал караимскую грамматику в Александровском караимском духовном училище, был старшим газзаном в кенасе, заведовал канцелярией Таврического и Одесского караимского духовного правления и замещал гахама во время его отъездов из Евпатории [1, с. 174]. А после выезда своего брата С. С. Ельяшевича в Москву поселяется в доме при библиотеке «Карай-Битиклиги» для охраны коллекции [24, с. 175], стал бесплатным хранителем и внештатным сотрудником евпаторийского отделения КрымОХРИС и Евпаторийского музея. Б. С. Ельяшевич посвятил последующее десятилетие своей жизни служению своему народу, пытаясь не допустить разграбления уникальной книжной коллекции. Б. С. Ельяшевич обращал внимание крымских властей на неудовлетворительное состояние здания, в котором хранилась «Карай-Битиклиги».

Общее руководство осуществлялось директором Евпаторийского музея краеведения и главой Евпаторийского ОХРИС Полиной Яковлевной Чепуриной (1880–1947). Полина Яковлевна Чепурина родилась 8 октября 1880 г. в Киеве в семье свя-

щенника. После традиционного курса домашнего образования она окончила Евпаторийскую гимназию, а затем Одесское художественное училище. Образование было продолжено через несколько лет в Московском археологическом институте, где Полина Яковлевна получила специальность «археолог-художник» [18, с. 143]. Ее научным наставником в Институте была известный этнограф Вера Николаевна Харузина (1886–1931) [21, с. 306]. 20 ноября 1920 г. П. Я. Чепурина становится научным сотрудником Евпаторийского музея, в апреле 1921 г. председателем Евпаторийского ОХРИС [14, л. 4]. А в ноябре 1921 г. совмещая пост председателя Евпаторийской секции КрымОХРИС – директором Евпаторийского музея краеведения до 1927 г. [15, л. 111]. Основными научными интересами П. Я. Чепуриной на протяжении жизни являлось изучение крымскотатарского и караимского народного искусства.

Отдельной страницей подвижнической деятельности П. Я. Чепуриной в области изучения и сохранения культуры народов Крыма была концентрация при музее караимского национального книжного фонда. Важной составляющей частью музея были находящиеся в его ведении две караимские библиотеки «Карай-Битиклиги» и библиотека А. Ю. Мичри. П. Я. Чепурина составила смету расходов по евпаторийскому отделению КрымОХРИС на 1922 г., где были выделены пункты расходов на содержание библиотеки А. Ю. Мичри. В общей сложности, должно было быть выделено 7,5 млн. рублей [41]. К сожалению, у Советского государства не нашлось средств для содержания подобного учреждения, что негативно сказалось на судьбе собрания. После смерти Марка Соломоновича Шайтана в марте 1923 г., единственным хранителем караимских библиотек становится Б. С. Ельяшевич.

Летом 1924 г. библиографом Е. Д. Никитиной была проведена каталогизация книг. Сохранился отчет Е. Д. Никитиной «Наличность и состояние караимской библиотеки имени А. Ю. Мичри», датированный августом 1924 года. Библиограф отметила, что помещение магазина «никуда не годится: темное внизу, продырявленное сверху, потолок обваливается, крыша протекает, в результате чего многие ценные книги портятся». Е. Д. Никитина систематизировала все издания («12–13 тысяч книг самого разного типа и достоинства, книги по всем отраслям на всех языках смешаны в общей массе») на 6 крупных групп: 1) караимские книги и учебники (до 1000, из них 40 рукописных); 2) арабские издания (около 150); 3) латинские и греческие книги XVI – XVIII века (150 единиц); 4) русские издания XVIII – начала XIX века (до 200 экз.); 5) книги на европейских языках (до 800 наименований, не считая французских изданий XVIII – XIX века, которых было несколько тысяч, в том числе «до 500 особо ценных»); 6) более 1000 разрозненных, разрушенных книг [18, с. 157]. В период с сентября 1921 г. по август 1924 г. количество книг в библиотеке А. Ю. Мичри из-за неблагоприятных условий хранения сократилось с 16865 томов до примерно 12–13 тысяч наименований.

В июле 1924 г. часть наиболее редких изданий была представлена на выставке «Старина Востока» в Евпаторийском археолого-этнографическом музее. В этом же году часть редких изданий была переведена на хранение в музей. Зимой 1924–1925 года в результате сильных ливней и установившихся внезапно морозов в магазине, где хранилась основная часть собрания, провалилась крыша [18, с. 158]. Группа воров украла несколько сотен книг. Силами Евпаторийской милиции часть книг уда-

лось вернуть. П. Я. Чепурина лично отправилась в КрымОХРИС для получения средств для перевозки остатков коллекции в здание музея. Средства были получены и к концу мая все оставшиеся книги коллекции были перевезены в здание музея.

На летние месяцы 1926–1927 гг. в Евпаторию был командирован для разбора и описания книжного и рукописного фонда «Карай-Битиклиги» М. Н. Соколов (1890–1937) – семитолог, гебраист и арабист. В своей отчете ученый выделил современное состояние собрания – «В самое последнее время вошла часть библиотеки А. Ю. Мичри, имеющая около 40 рукописей, среди которых оказалась и считавшиеся погибшей в во время Севастополя единственная рукопись комментатора на Пятикнижие Товие бен Моше» [5, с. 144]. Таким образом, в июле–августе 1926 г. рукописный фонд библиотеки А. Ю. Мичри был слит с рукописным фондом «Карай-Битиклиги».

В письме к районному архивариусу от 27 августа 1928 г. П. Я. Чепурина привела сведения о дальнейшей инкорпорации книг библиотеки А. Ю. Мичри в состав «Карай-Битиклиги». Она отмечает что в течении 1926–1927 гг. «мною и научным сотрудником Карай-Битиклиги тов. Ельяшевичем Б. С. – отобраны книги для библейского отдела. По мере отбора книги перевозились в основную библиотеку (Карай-Битиклиги)» [15, л. 192].

Летом 1927 г. представителем Московского профИнтерна, журналистом Яном Мак-Ферсоном были просмотрены английские и немецкие издания. Отобранные 4822 книги второй категории ценности были перенесены в гаражный сарай, где пересчитаны, расставлены в шкафах и опечатаны. В здании музея оставалось до 5 тысяч книг. Они разбирались на добровольных началах научным сотрудником Анной Яковлевной Денисевич [18, с. 160].

В течение апреля–мая 1928 г. в Центральную Евпаторийскую библиотеку из библиотеки А. Ю. Мичри было передано 800 экземпляров книг [15, л. 195]. Так 13 апреля был составлен акт о передаче книг из библиотеки А. Ю. Мичри в Центральную Евпаторийскую библиотеку. При передаче присутствовали новый заведующий Евпаторийским краеведческим музеем Я. Г. Благодарный, научный сотрудник музея А. Я. Денисевич, Заведующий Центральной Евпаторийской библиотекой Э. С. Габбай. Были переданы 55 книг известных писателей XIX в. [15, л. 189].

В декабре 1928 г. как единая коллекция – библиотека А. Ю. Мичри прекратила свое существование, остатки книжного фонда, около пяти тысяч книг были слиты с книжным фондом библиотеки «Карай-Битиклиги». Соответственно книжная коллекция «Карай-Битиклиги» была окончательно сформирована и включала в себя более 9000 книг и 1000 рукописей.

Список использованных источников и литературы

1. Ельяшевич Б. С. Историко-этнографические очерки (1926–1929 гг.) / Б. С. Ельяшевич // Караимы : матер. к серии «Народы и культуры» / под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. – М., 1994. – Вып. 14, кн. 3. – 222 с.

Elyashevich B. S. Istoriko-etnograficheskie ocherki (1926–1929 gg.) / B. S. Elyashevich // Karaimyi : mater. k serii «Narody i kulturyi» / pod red. M. N. Guboglo, A. I. Kuznetsova, L. I. Missonovoy. – M., 1994. – Vyip. 14, kn. 3. – 222 s.

2. Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) / Б. С. Ельяшевич // Караимы : матер. к серии «Народы и культуры» / под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. – М., 1993. – Вып. 14, кн. 2. – 185 с.
- Elyashevich B. S. Karaimskiy biograficheskiy slovar (ot kontsa XVIII veka do 1960 g.) / B. S. Elyashevich // Karaimy : mater. k serii «Narody i kulturyi» / pod red. M. N. Guboglo, A. I. Kuznetsova, L. I. Missonovoy. – M., 1993. – Vyip. 14, kn. 2. – 185 s.
3. Ельяшевич С. С. Карай-Битиклиги // Известия Караимского духовного правления. – 1918. – № 2. – Декабрь. – С. 11–13.
- Elyashevich S. S. Karay-Bitikligi // Izvestiya Karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1918. – № 2. – Dekabr. – S. 11–13.
4. Ельяшевич С. С. Авраам Юфудович Мичри : некролог / С. С. Ельяшевич // Известия Караимского духовного правления. – Евпатория, Июль 1918. – № 1. – С. 26.
- Elyashevich S. S. Avraam Yufudovich Michri : nekrolog / S. S. Elyashevich // Izvestiya Karaimskogo duhovnogo pravleniya. – Evpatoriya, Iyul 1918. – № 1. – S. 26.
5. Соколов М. Н. Азиатский музей // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 год : отчет о научных командировках и экспедициях / авт.-сост. С. Ф. Ольденбург. – Л., 1927. – С. 144–145.
- Sokolov M. N. Aziatskiy muzey // Otchet o deyatelnosti Akademii nauk SSSR za 1926 god : otchet o nauchnykh komandirovках i ekspeditsiyah / avt.-sost. S. F. Oldenburg. – L., 1927. – S. 144–145.
6. Фиркович М. [Я.] Национальная караимская библиотека при Духовном правлении «Карай Битиклиги» / М. Я. Фиркович // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. – 1917. – № 2. – Июнь. – С. 8–9.
- Firkovich M. [Ya.] Natsionalnaya karaimskaya biblioteka pri Duhovnom pravlenii «Karay Bitikligi» / M. Ya. Firkovich // Izvestiya Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1917. – № 2. – Iyun. – S. 8–9.
7. Фиркович М. [Я.] Национальная караимская библиотека при Духовном Правлении «Карай Битиклиги» / М. Я. Фиркович // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. – 1917. – № 5/6. – Ноябрь. – С. 41–43.
- Firkovich M. [Ya.] Natsionalnaya karaimskaya biblioteka pri Duhovnom Pravlenii «Karay Bitikligi» / M. Ya. Firkovich // Izvestiya Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1917. – № 5/6. – Noyabr. – S. 41–43.
8. Государственный архив в АР Крым (ГААРК), ф. 241, (Караимское духовное правление), оп. 1, д. 1897. (Список книг библиотеки Авраама Юфудовича Мичри; без дат.), 35 л.
- Gosudarstvenniy arhiv v AR Kryim (GAARK), f. 241, (Karaimskoe duhovnoe pravlenie), op. 1, d. 1897. (Spisok knig biblioteki Avraama Yufudovicha Michri; bez dat.), 35 L.
9. ГААРК, ф.241, оп.2, д. 45 (Акты, копия протокола с перепиской о передаче библиотеки, принадлежавшей Аврааму Юфудовичу Мичри в собственность Евпаторийской караимской общины; 1919–1921), 50 л.
- GAARK, f.241, op.2, d. 45 (Akti, kopiya protokola s perepiskoy o peredache biblioteki, prinadlezhavshey Avraamu Yufudovichu Michri v sobstvennost Evpatoriyskoy karaimskoy obschiny; 1919–1921), 50 L.
10. ГААРК, ф.241, оп.2 д. 75 (Списки и протоколы заседания Совета Выборных Евпаторийской караимской общины; 04.02.1919 – 23.12.1919), 98 л.
- GAARK, f.241, op.2 d. 75 (Spiski i protokolyi zasedaniya Soveta Vyiborniyh Evpatoriyskoy karaimskoy obschiny; 04.02.1919 – 23.12.1919), 98 L.
11. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 111. (Заявления о поступлении на работу, удостоверения личности служащих библиотек; 22.12.1920 – 19.01.1921), 14 л.
- GAARK, f. 241, op. 2, d. 111. (Zayavleniya o postuplenii na rabotu, udostovereniya lichnosti sluzhaschih bibliotek; 22.12.1920 – 19.01.1921), 14 l.
12. ГААР, ф. Р-138, (Евпаторийский краеведческий музей), оп. 1, д. 1. (Протоколы заседаний сотрудников, удостоверения служащих, переписка по личному составу; 03.12.1920 – 15.12.1921), 221 л.
- GAAR, f. R-138, (Evpatoriyskiy kraevedcheskiy muzey), op. 1, d. 1. (Protokolyi zasedaniy sotrudnikov, udostovereniya sluzhaschih, perepiska po lichnomu sostavu; 03.12.1920 – 15.12.1921), 221 L.

13. ГААРК, ф. Р-138 (Евпаторийский краеведческий музей), оп. 1, д. 6. (Программа конференции крымских музейных работников, циркуляры, инструкции по хранению музейных предметов и переписка с Управлением Музейного отдела по Крыму; 17.02.1924 – 15.11.1924), 336 л.
- GAARK, f. R-138 (Evpatoriyskiy kraevedcheskiy muzey), op. 1, d. 6. (Programma konferentsii krymskikh muzeynykh rabotnikov, tsirkulyary, instruksii po hraneniyu muzeynykh predmetov i perepiska s Upravleniem Muzeynogo otдела po Krymu; 17.02.1924 – 15.11.1924), 336 L.
14. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 7. (Циркуляры Управления Уполномоченного музейного отдела по Крыму и переписка с учреждениями и организациями; 08.01.1925 – 23.09.1925), 245 л.
- GAARK, f. R-138, op. 1, d. 7. (Tsirkulyary Upravleniya Upolnomochennogo muzeynogo otдела po Krymu i perepiska s uchrezhdeniyami i organizatsiyami; 08.01.1925 – 23.09.1925), 245 L.
15. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10. (Трудовые договора, переписка по личному составу и переписка с различными учреждениями; 1927–1928), 196 л.
- GAARK, f. R-138, op. 1, d. 10. (Trudovyye dogovora, perepiska po lichnomu sostavu i perepiska s razlichnyimi uchrezhdeniyami; 1927–1928), 196 L.
16. Евпаторийский краеведческий музей, фонды, д. 5483. (Список книг С. М. Сарача; 1921). – 18 л. Evpatoriyskiy kraevedcheskiy muzey, fondyi, d. 5483. (Spisok knig S. M. Saracha; 1921). – 18 L.
17. Люди и судьбы : биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. – 496 с.
- Lyudi i sudby : biobibliograficheskiy slovar vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetSKIy period (1917–1991) / Ya. V. Vasilkov, M. Yu. Sorokina. – SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. – 496 s.
18. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки / У. К. Мусаева / Под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – 214 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 2).
- Musaeva U. K. Podvizhniki krymskoy etnografii, 1921–1941: Istoriograficheskie ocherki / U. K. Musaeva / pod red. A. A. Nepomnyashego ; Tavricheskiy natsionalnyi un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol, 2004. – 214 s. – (Seriya : «Biobibliografiya krymovedeniya» ; vyip. 2).
19. Непомнящий А. А. Академик Г. Ю. Крачковский і кримські орієнталісти : за матеріалами епістолярію / А. А. Непомнящий // Східний світ. – 2008. – № 1. – С. 194–209; № 2. – С. 148–157.
- Nepomnyaschiy A. A. Akademik G. Yu. Krachkovskiy I krimskI oriEntalIsti : za materIalami epIstolyarIyu / A. A. Nepomnyaschiy // ShIdniy svIt. – 2008. – № 1. – S. 194–209; № 2. – S. 148–157.
20. Непомнящий А. А. Листування В. Філоненка з академіком Г. Крачковським : нове джерело з історії кримознавства 20-х років ХХ ст. / А. А. Непомнящий // Історичний журнал. – 2008. – № 3. – С. 9–18.
- Nepomnyaschiy A. A. Listuvannya V. Filonenka z akademIkom G. Krachkovskim : nove dzhereło z istorIyi krimoznavstva 20-h rokIv XX st. / A. A. Nepomnyaschiy // Istorichniy zhurnal. – 2008. – № 3. – S. 9–18.
21. Непомнящий А. А. Неизвестные документы о судьбе коллекции Карай-Битиклиги / А. А. Непомнящий // Крымский архив. – 2009. – № 11. – С. 303–316.
- Nepomnyaschiy A. A. Neizvestnyie dokumentyi o sudbe kolleksiі Karay-Bitikligi / A. A. Nepomnyaschiy // Krymskiy arhiv. – 2009. – № 11. – S. 303–316
22. Непомнящий А. А. Утраченная коллекция : новые документы о судьбе караимского книжного собрания Карай-Битиклиги / А. А. Непомнящий // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці : матер. Міжн. книгознавчих читань, м. Одеса, 14–16 вересня 2009 р. : зб. ст. / упор. : О. В. Полевщикова, В. А. Самодурова, О. В. Суворовцева ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса : Астропринт, 2010. – С. 199–217.
- Nepomnyaschiy A. A. Utrachennaya kolleksiya : novyye dokumentyi o sudbe karaimskogo knizhnogo sobraniya Karay-Bitikligi / A. A. Nepomnyaschiy // Starodruki i ridkicni vidannya v universitetskiy bibliotetsi : mater. Mizhn. knigoznavchih chitan, m. Odesa, 14–16 veresnya 2009 r. : zb. st. / upor. : O. V. Polevschikova, V. A. Samodurova, O. V. Suvorovtseva ; Odes. nats. un-t im. I. I. Mechnikova. – Odesa : Astroprint, 2010. – S. 199–217.
23. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения : в 2 т. / А. А. Непомнящий ; Рес. ком АРК по охране культ. наследия. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 с., ил. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 12).

Nepomnyaschiy A. A. Podvizhniki kryimovedeniya : v 2 t. / A. A. Nepomnyaschiy ; Res. kom ARK po ohrane kult. naslediya. – Simferopol : SGT, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 s., il. – (Seriya : «Biobibliografiya kryimovedeniya» ; vyip. 12).

24. Парафіло Д. М. К биографии заведующего библиотекой «Карай-Битиклиги» С. С. Ельяшевича / Д. М. Парафіло // Матеріали 9-ї Всеукраїнської наукової конференції : «Актуальні питання історії науки і техніки» : м. Житомир, 7–9 жовтня 2010 р. / Центр пам'ятокознавства НАН України і УТОPIK. – К., 2010. – С. 348–350.

Parafilo D. M. K biografii zaveduyuschego bibliotekoy «Karay-Bitikligi» S. S. Elyashevicha / D. M. Parafilo // Mater. 9-Yi VseukraYinskoYi naukovoyi konferentsiyi : «Aktualni pitannya Istoriyi nauki I tehniki» : m. Zhitomir, 7–9 zhovtnya 2010 r. / Tsentr pam'yatkoznavstva NAN Ukraini I UTOPIK. – K., 2010. – S. 348–350.

25. Парафіло Д. М. К истории передачи библиотеки А. Ю. Мичри Евпаторийской караимской общине / Д. М. Парафіло // Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма : матер. III Межд. науч. конференции, пгт. Новый Свет, 1–3 октября 2010 г. / сост. О. С. Анисимова ; под ред. В. Ю. Ганкевича, А. А. Непомнящего. – Новый Свет : Соло-Рич, 2011. – С. 141–146.

Parafilo D. M. K istorii peredachi biblioteki A. Yu. Michri Evpatoriyskoy karaimskoy obshchine / D. M. Parafilo // Aktualnyie voprosyi istorii, kulturyi i etnografii Yugo-Vostochnogo Kryima : mater. III Mezhd. nauch. konferentsii, pgt. Novyyi Svet, 1–3 oktyabrya 2010 g. / sost. O. S. Anisimova ; pod red. V. Yu. Gankevicha, A. A. Nepomnyaschego. – Novyyi Svet : Solo-Rich, 2011. – S. 141–146.

Парафіло Д. М. До питання про формування книжкової колекції «Карай-Бітіклігі» / Д. М. Парафіло // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 112–124.

На основі синтезу невідомих архівних та опублікованих джерел відновлено картину формування книжкових багатств «Карай-Бітіклігі» у період з 10–20-х рр. ХХ в. Висвітлюється процес створення бібліотеки і подальше поповнення колекції низкою приватних книжкових зібрань. Особливий акцент приділяється інкорпорації в «Карай-Бітіклігі» частини книг бібліотеки А. Ю. Мічри.

Ключові слова: «Карай-Бітіклігі», бібліотека, колекція, А. Ю. Мічри, П. Я. Чепуріна, Б. С. Ельяшевіч.

Parafilo D. M. To the question on formation to the book collection «Kara-Bitikligi» / D. M. Parafilo // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 112–124.

The problem of the forming a single interpretation of the history book collection «Kara-Bitikligi» 1916–1931 and active participation in its first collection keepers, representatives Karaite intellectuals – remains poorly studied subject of research theme functioning book collection «Kara-Bitikligi» in the period from 10–20 years XX century.

Analysis of the evidence base on the problem allows us to distinguish two periods in the history of collection. The first period 1916–1921 years to be made formation collection period, related to the activities in representatives of the Karaite community M. J. Firkovich and S. S. El'yashevich. And the second period 1921–1928 years – characterized by a process of incorporation of a private collection of A. Yu Michri of the «Kara-Bitikligi», which participated actively in the Crimean scientists P. Y. Chepourina, B. S. El'yashevich.

The first period in the history library from 1916 to 1920 years, associated with the names of the first two custodians M. J. Firkovich and S. S. El'yashevich – representatives Karaite intellectuals of the late 19th century, early 20th century. It was thanks their diligence has been working on the primary part private collections in cataloging, admitted to «Kara-Bitikligi». And the inclusion of the «Kara-Bitikligi series of private meetings Karaites – S. M. Sarach, B. S. El'yashevich, S. M. Shapshal and others.

By the end of 1920 the library «Kara-Bitikligi» included a more than 1,000 manuscripts and 4,000 volumes of various books on the history of the Karaites and foreign publications. After the establishment of Soviet power library «Kara-Bitikligi» was nationalized became part of local lore museum funds Eupatorium subordinated KrymOHRIS. S. S. El'yashevich was forced to resign custodian of the collection and go in September 1921 from Moscow.

Second period of the formations «Kara-Bitikligi» in the 20-years XX century associated with the names of devotees krymovedeniya P. Y. Chepurina, B. S. El'yashevich. Events connected with the history incorporate private collection – library Abraham Yufudovicha Michri in the «Kara-Bitikligi» Through the efforts of keepers «Kara-Bitikligi» managed to keep the books library A. Yu. Michri this is cocnanted more than five or six thousand and forty manuscripts. This collection were involved in the «Kara-Bitikligi» in December 1928. It should be noted that «Kara-Bitikligi» ceased organizational formalize and included more than 9,000 books and thousands of manuscripts of major scientific importance.

Keywords: «Karai-Bitiklig», collection, library, A. Yu. Michri, P. I. Chepyrina, B. S. Elyashevich.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. В. М. Хмарский

д.и.н., проф. С. С. Щевелев

УДК 94(477.75):351.746.1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ СЕВАСТОПОЛЯ В XIX ВЕКЕ

Пасечников И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: info_ingvar@list.ru*

Рассматривается организация и деятельность органов политической полиции Севастополя в XIX веке. Особое внимание уделено анализу работы её органов, направленной на поддержание политического порядка и борьбу с революционным движением. Описывается развитие жандармерии в различные исторические периоды. Показаны причины создания органов политической полиции в городе. Отдельно отмечена их структура, штат сотрудников и финансирование. Дается характеристика условиям и проблемам службы. Характеризуется деятельность чинов Корпуса жандармов в годы Крымской войны. Указывается судьба городской жандармской команды в первые послевоенные годы. Выявляются причины её упразднения. Анализируется реформа политической полиции в 1867 году и её значение для Севастополя. Освещается начало борьбы с революционным и рабочим движением. Выделены наиболее яркие эпизоды политического противостояния. Представлено появление новых структурных подразделений имперской жандармерии. Объясняется факт постепенного превращения Севастополя в один из главных объектов наблюдения чинов политической полиции. Предпринята попытка определения роли жандармерии в историческом процессе на территории Севастополя в указанный период.

Ключевые слова: Таврическая губерния, Севастополь, политическая полиция, Корпус жандармов, революционное движение.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос деятельности органов политической полиции Российской империи в XIX столетии на сегодняшний день является одним из наименее исследованных в отечественной историографии. Большинство современных работ освещает функционирование дореволюционных спецслужб лишь на этапе их наивысшей активности – в конце XIX – начале XX века [1]. Значительный же период становления и развития органов государственной безопасности остается неосвещенным. Именно поэтому изучение истории деятельности политической полиции, главной задачей которой было поддержание и охранение государственных устоев, до сих пор остается весьма актуальной темой. В частности, это касается жандармерии города Севастополя, который являлся одним из важнейших военно-стратегических пунктов Российской империи.

Среди исследователей, обращавшихся к проблеме функционирования Корпуса жандармов на территории Севастополя, стоит назвать С. В. Бородину, В. И. Королёва, В. В. Крестьянникова, А. Р. Кучеренко. Однако тема деятельности органов политической полиции в XIX веке в их работах также не освещена, либо затрагивается лишь фрагментарно [2].

В то же время, подразделения жандармерии Севастополя с самого момента своего основания отличались от подобных им в других городах спецификой службы, которая оправдывалась особым статусом города – главной базы Черноморского флота империи. В XIX столетии местной политической полиции довелось пройти

через нелегкий период становления, героическую оборону города во время Крымской войны, фактическое упразднение и последующее возрождение, активную борьбу с нарастающим революционным и рабочим движением и т.д.

Таким образом, основной целью данной работы является освещение организации и деятельности органов политической полиции города Севастополя, а также определение их роли в историческом процессе на данной территории.

1. СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

В истории российской жандармерии 1827 год ознаменовался важнейшим событием, обусловившим весь период её дальнейшего существования. 28 апреля был обнародован указ императора Николая I о создании Корпуса жандармов, как исполнительного органа III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Фактически это означало превращение данного подразделения в орган государственной безопасности империи [3, с. 250]. Согласно проекту первого Шефа жандармов генерала Александра Христофоровича Бенкендорфа, вся территория российского государства была поделена сначала на пять, а затем на восемь жандармских округов, в каждый из которых входило от пяти до восьми губерний. Таврическая губерния с 1827 по 1832 год входила в состав IV, а с 1832 по 1867 год – V жандармского округа, во главе которого стоял генерал, подчиненный непосредственно Шефу жандармов [4, с. 112]. В губернию назначался штаб-офицер в чине от майора до полковника, имевший собственную канцелярию, главной задачей которого являлся контроль над основными структурными единицами жандармерии – губернскими командами.

Севастополь, как это ни странно, стал последним городом Таврической губернии, где была специально создана отдельная жандармская команда. Хотя следует отметить, что идея о необходимости учреждения жандармской части в таком стратегически важном пункте прозвучала еще в марте 1828 года – т.е. всего через год после создания самого Корпуса жандармов. Именно тогда командующий Черноморским флотом адмирал Алексей Самуилович Грейг направил в Министерство внутренних дел специальное отношение, которое затем было передано Александру Бенкендорфу [5, л. 2]. В нём адмирал указывал на важный статус Севастополя, а также на необходимость ограждения его от явных и тайных покушений со стороны неприятеля. Из-за того же, что полицейских сил в городе было явно недостаточно, Грейг заявлял о необходимости определения в Севастополь жандармов для более бдительного надзора. К письму был приложен даже проект штата команды, в которую должны были войти 2 унтер-офицера, 12 рядовых, а также 2 нестроевых чинов (коновал и кузнечный ученик) [5, л. 3]. В целом Бенкендорф согласился с планом Грейга, «но только не в том положении, как тот полагает учредить оную». Шеф жандармов распорядился составить особое положение по этому вопросу, однако, из-за бюрократических проволочек, оно было отложено на неопределенное будущее [5, л. 4].

В то же время, исторические события явно указывали на то, что город нуждается в особом подразделении, которое бы следило за настроениями в обществе и во время бы выявляло недовольства, грозящие вылиться в открытый конфликт. Ярчайшим примером подобных волнений стал так называемый «Чумной бунт» 1830

года, когда Севастополь в течение нескольких дней фактически находился в руках восставших жителей. Тогда представители Корпуса жандармов, в лице губернского штаб-офицера майора Локателли, принимали активное участие в подавлении мятежа, розыске преступников и последующих расследованиях [6, с. 90, 109, 110]. Но даже этот эпизод не привел к своевременному учреждению в городе частей политической полиции. И лишь 7 лет спустя – 14 июня 1837 года вышел приказ военного министра о создании в Севастополе отдельной портовой жандармской команды [4, с. 113].

К середине XIX века общий штат политической полиции города был представлен 1 обер-офицером (начальник команды), 4 унтер-офицерами, 24 рядовыми и 4 нестроевыми чинами (писарь, коновал, кузнец, денщик) [7, с. 270, 271]. Стоит отметить, что в Корпус жандармов направлялись только наиболее развитые и годные к службе солдаты. В частности, в указе Николая I от 25 марта 1835 года говорилось, что на жандармскую службу следует принимать людей «здорового телосложения, роста не менее 2 аршин 4 вершков (около 160 см.) и благовидной наружности, неукоризненной нравственности, сметливых и расторопных, состоявших в военной службе не менее 5 лет, основательно знающих кавалерийскую службу при способности к оной». Еще более строгий отбор проходили кандидаты на офицерские должности. Ими могли быть офицеры с 25 лет, трезвого поведения, не имеющие долгов, принадлежавшие к дворянскому сословию. Важнейшим условием была политическая благонадежность. Не допускались в офицеры Корпуса жандармов лица, женатые на католичках, а также евреи (даже крещенные). Дополнительную проверку проходили поляки. Благоприятные перспективы были у тех, кто имел сильную протекцию или отличные рекомендации. Обязательной была подписка о непринадлежности к тайным обществам [3, с. 251].

В то же время, несмотря на столь высокие требования к кандидатам, общее положение рядовых чинов политической полиции мало отличалось от других военно-служащих. Так, они размещались в типичных воинских казармах [8, л. 1]. Положение же жандармских офицеров было более комфортным. Они получали от местной казенной палаты квартирные деньги в сумме до 1000 рублей в год [9, л. 1]. Согласно указам Правительствующего Сената, денежные выплаты должны были осуществляться и на различные служебные командировки чинов жандармерии, однако они не всегда вовремя доходили до своего прямого адресата, что вынуждало сотрудников политической полиции оплачивать необходимые поездки за свой собственный счет [10, л. 2].

Что же касается жалования чинов Корпуса жандармов, то оно было достаточно высоким на фоне других воинских подразделений Российской империи. Так начальник жандармской команды получал 800 рублей в год, унтер-офицер – от 30 до 40 руб. (в зависимости от оклада), рядовой – от 15 до 25 руб. Из нестроевых чинов писарь зарабатывал 60 рублей в год, коновал – 20 руб., кузнец – 20 руб., а денщик – 7 руб. 40 коп. К тому же за образцовую службу сотрудники жандармерии нередко получали премии и вознаграждения [11].

Несмотря на то, что сфера компетенции политической полиции была практически безграничной, реальная её деятельность в указанном регионе на протяжении

почти всей первой половины XIX столетия сводилась к «понуждению к исполнению законов и приговоров судов». Чины её посылались на поимку беглых крестьян, задержание беспаспортных лиц, на преследование воров, контрабандистов, «запрещенных скопищ», препровождение важных преступников и арестантов, участие в рекрутских наборах, расследование крупных пожаров и преступлений [12, с. 63]. Жандармы присутствовали в качестве временных комендантов на ярмарках, торжищах, церковных и народных празднествах, гуляньях [13, л. 1]. Офицеры обязаны были также осуществлять надзор за местным госаппаратом, докладывать в III Отделение о настроениях в местном обществе [14, л. 2].

Таким образом, период с 1837 по 1853 год можно назвать в истории органов политической полиции Севастополя временем их становления и первоначального развития. За эти годы были заложены основы организации и практической деятельности жандармерии, которая обеспечила её развитие в дальнейшем. Однако, как уже было отмечено, данный временной промежуток характеризовался относительной стабильностью и отсутствием серьезных потрясений, что резко изменилось с началом Крымской войны, ставшей настоящим испытанием для сотрудников политической полиции Севастополя.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Перерастание очередного русско-турецкого конфликта в войну с коалицией могущественных европейских держав и появление английской и французской эскадр в Черном море заставили чинов политической полиции города активизировать свою деятельность, чтобы не допустить действий враждебного характера и провокаций со стороны противника. Так, еще в 1853 году из Санкт-Петербурга была получена информация о том, что в Лондоне изготовлены и планируются к распространению среди населения южных областей России революционные воззвания. Жандармам предписывалось, в случае обнаружения подобных писем или листовок схожего содержания, изымать их и доставлять лично Шефу жандармов графу Алексею Фёдоровичу Орлову [15, л. 1]. В связи с этим, под негласный надзор «голубых мундиров» попали все проживающие на территории губернии иностранные подданные, а также крымскотатарское население. Особое внимание к последнему объяснялось тем, что еще с начала лета 1854 года до сведения губернского штаб-офицера полковника Александра Петровича Щербачева стала доходить информация о готовящихся мятежах среди татар, в случае высадки союзнического десанта на территории Крыма [16, л. 1]. Соответствующие проверки явных улик не обнаруживали, но констатировали тот факт, что «среди татарского населения происходит брожение умов и некоторые люди втайне сочувствуют враждебной Турции» [17, с. 282]. В то же время, сильнее всего руководство губернии обеспокоило донесение о возможном переходе Бахчисарайского головы и близких к нему лиц на сторону неприятеля, и организации ими массового восстания. Эта информация вынудила Таврического гражданского губернатора генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Пестеля сделать распоряжение о создании специальной комиссии, возглавляемой начальником Севастопольской жандармской команды Ильей Ивановичем Сизовым, для подробного расследования этого дела. Прибывшим в Бахчисарай членам комиссии никаких сле-

дов заговора выявить не удалось, о чём Сизов официально заявил в своем рапорте, сделав в конце вывод, что вся информация основывалась на ложных слухах, не подтверждающихся фактами. Но, несмотря на это, чины политической полиции и в дальнейшем продолжали сохранять за всеми подозрительными лицами строгий надзор [18, л. 85, 87].

Осада союзниками Севастополя и введение в губернии военного положения привели к тому, что городская жандармская команда в скором времени была, как предполагалось, временно переведена подальше от мест боевых столкновений – в Симферополь. Однако, несмотря на это, её чины регулярно командировались в оборонявшийся город [19, л. 1]. Непосредственной их задачей здесь было поддержание порядка и исполнение различных поручений [20, л. 1]. Так, жандармы выявляли в среде местного населения вражеских лазутчиков, провокаторов и лиц, сотрудничавших с войсками союзников. Всего за время крымской кампании ими было задержано значительное число жителей, служивших неприятелю в качестве разведчиков и проводников, а также тех, кто промышлял разбоем и мародерством [21, л. 194]. Кроме этого, чины политической полиции вместе с казаками и солдатами Крымско-Татарского эскадрона направлялись на пути для предотвращения самовольных потрав полей, «различных насилий и разбоя» [22, с. 138].

Отдельного упоминания заслуживает борьба сотрудников политической полиции с дезертирами. Согласно секретному предписанию нового губернатора – графа Адлерберга, полковник Щербачев сделал распоряжение, чтобы чины подведомственных ему команд разыскивали скрывающихся дезертиров и представляли их в комендантское управление. Распоряжение это стало ответом на участвовавшие слухи о действовавших в окрестностях Симферополя и Севастополя 300 бывших солдатах, которые, разделившись на шайки, занимались воровством и грабежами. Данные слухи хотя и не нашли фактических подтверждений, но чинам политической полиции всё же удавалось задерживать отдельных дезертиров. Активности «голубых мундиров» в этом деле способствовало и то, что за каждого пойманного беглеца они получали денежное вознаграждение [23, л. 7].

Севастопольские жандармы использовались также в качестве срочных курьеров для доставки особо важных секретных приказов и донесений. Кроме этого, они назначались для отправки в войска пакетов с различной информацией. При подобных командировках им выделялся эскорт из нескольких казаков. В то же время, жандармы и сами выступали в качестве сопровождающих высоких военных чинов и их экипажей [24, с. 54]. Надо отметить, что эта служба носила довольно опасный характер. Свидетельством этому может быть рапорт главы V жандармского округа генерал-майора Николая Петровича Черкесова начальнику штаба Корпуса жандармов генерал-лейтенанту Леонтию Васильевичу Дубельту от 5 сентября 1855 года, в котором он сообщал о возвращении из плена рядового Севастопольской жандармской команды Кохана, который ранее был захвачен противником вместе с экипажем князя Меньшикова [25, с. 155].

Таким образом, деятельность чинов политической полиции Севастополя в годы войны была не только исключительно напряженной, но и довольно опасной. Кроме всего прочего, существенные трудности им создавали проблемы снабжения и задерж-

ка квартирного довольствия. Так, почти на всем протяжении войны жандармские офицеры Таврической губернии оплачивали проживание из своего личного жалования, что прямо противоречило указам Правительствующего Сената [26, л. 5–10].

Но, даже несмотря на это, свои обязанности чины Корпуса жандармов продолжали активно исполнять вплоть до последних дней севастопольской обороны. Когда же верховным командованием было принято решение об оставлении Южной стороны города, «голубые мундиры» обеспечивали порядок движения войск по вновь построенному мосту. Как писал в своих воспоминаниях подпоручик Тобольского пехотного полка Евгений Романович Корженевский: «стоявшие на всем протяжении моста жандармы обязаны были наблюдать, чтобы отступающие войска следовали непременно через мост, в должном порядке» [27, с. 94].

После подписания 18 марта 1856 года графом А. Ф. Орловым мирного договора в Париже, по решению властей Таврической губернии, именно офицеры жандармерии должны были принять передачу России ранее занятых противником городов и территорий. Севастопольская жандармская команда под руководством штабс-капитана Николая Евстафьевича Беловодского была направлена в Евпаторию для введения здесь полицейского надзора и общего устройства. Также, временно расквартировавшись в городе, чины политической полиции стали разыскивать оставшихся бродячих иностранцев, и, под угрозой ареста, высылать их за границу через порт Евпатории [22, с. 223, 228].

Рассматривая описанную выше деятельность жандармских чинов в период 1853–1856 годов, можно сделать вывод, что Крымская война стала первым серьезным испытанием, возложившим на политическую полицию Севастополя новые обязанности различного характера, и ставшим своеобразным рубежом в истории, разделившим период становления со временем её дальнейшего развития.

3. СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Разрушение Севастополя и временная потеря им стратегического значения, как военной базы, привела к тому, что отпала надобность и в существовании здесь отдельной жандармской команды. В то же время, расформировывать данное подразделение начальство явно не спешило. Так в 1857 году из Евпатории Севастопольская жандармская команда была переведена в Симферополь, где разместилась в местных казармах [20, л. 1]. Затем в 1858 году её командируют в Феодосию для наблюдения за возведением Московско-Феодосийской железной дороги. Здесь она находилась под руководством начальника железнодорожного полицейского управления полковника Корпуса жандармов П. П. Рындина вплоть до апреля 1861 года, после чего была расформирована за ненадобностью. Её чины и имущество впоследствии были распределены по вакансиям в другие жандармские команды. Это означало фактическую ликвидацию органов государственной безопасности Севастополя [28, л. 1–2].

В течение шести последующих лет в город лишь изредка командировались представители других жандармских команд. Но всё изменилось после проведенной в 1867 году реформы политической полиции Российской империи. Согласно новому «Положению о Корпусе жандармов», на территории Таврической губернии упразд-

нялись, действовавшие с первой половины XIX века, Симферопольская и Керченская жандармские команды, а также канцелярия губернского штаб-офицера. Взамен них было учреждено единое Таврическое губернское жандармское управление (ТГЖУ). В Севастополе же создавалось управление помощника начальника ТГЖУ, имевшего права эскадронного командира и отвечавшего также за Евпаторийский и Ялтинский уезды (до апреля 1888 года) [29]. Кроме того, с 1871 года в местном порту появилась отдельная жандармская команда для осмотра паспортов всех прибывающих и убывающих лиц [30, с. 160]. Нижние же чины политической полиции, набранные преимущественно из рядовых бывших жандармских команд, в регионе были представлены унтер-офицерами, несшими службу в отдельных населенных пунктах [29].

Для наблюдения за железными дорогами и охраны важных составов с конца декабря 1866 года были утверждены жандармские полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД). Таврическая ветка строящейся Лозово-Севастопольской железной дороги с 14 августа 1872 года находилась во временном ведении ЖПУЖД Московско-Киевской и Курско-Азовской железных дорог, а с 1873 года была подчинена Харьковскому жандармскому полицейскому управлению. В Севастополе же было учреждено специальное отделение данного управления, отвечавшее за участок от Мелитополя до, собственно, Севастополя длиной 314 верст (около 335 км). Ежегодное содержание штата отделения было отнесено на счет частного Общества Лозово-Севастопольской железной дороги [31, с. 119–120].

Согласно реформе, несколько изменялись и официальные обязанности сотрудников политической полиции. Жандармы с этого времени назначались: для обнаружения и расследования преступлений исключительно политического характера; для содействия местным властям в охране порядка и внутренней безопасности; для осмотра паспортов в портах и пограничных местах империи; для надзора за содержащимися в тюрьмах государственными преступниками; для охранения внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог [30, с. 17]. Кроме того, «Положение» обязывало сотрудников жандармерии иметь самую точную информацию о происходящих событиях на вверенной им территории. Так, помощник начальника жандармского управления в Севастопольском градоначальстве совершал объезды подведомственной ему территории 1 раз в 2 месяца, фиксируя общее положение и всяческие изменения. Начальник отделения жандармского полицейского управления железных дорог лично осматривал всё полотно вверенного ему участка дороги 1 раз в месяц [30, с. 15]. Нижние чины совершали регулярные пешие обходы местности, ведя два журнала: в одном фиксировались различная информация и слухи, а во втором – сведения о собственных поездках и обходах [30, с. 32]. Следует добавить, что унтер-офицеры, являвшиеся основной силой органов политической полиции, в городе размещались исключительно по окраинам и слободам, чтобы иметь наблюдение за «неблагонадежной частью населения» [30, с. 22]. Особыми циркулярами жандармам также рекомендовалось вводить негласный полицейский надзор за подозрительными и неблагонадежными лицами. Не упускалось из методов и использование тайных сотрудников, формировавших постепенно развивающуюся систему агентуры [32, л. 24].

В ходе реформирования органов имперской государственной безопасности произошли изменения и в способах их комплектования. С 1870-х годов все офицеры, желавшие перейти на службу в Корпус жандармов, испытывались при Штабе Корпуса, как в нравственных качествах, так и в служебных достоинствах. Все кандидаты должны были ранее прослужить не менее 5 лет в армии и окончить курс наук не ниже средних учебных заведений [30, с. 24].

Несмотря на рост революционной ситуации в регионе, численность сотрудников политической полиции в Севастопольском градоначальстве и прилегающих к нему районах нельзя было назвать высокой. К концу 1870-х годов она составляла около 45 человек (3 офицера, 8 унтер-офицеров в городе и уездах, 3 унтер-офицера в севастопольском порту и 30 унтер-офицеров Севастопольского отделения Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог) [31, с. 49]. Это, естественно, создавало определенные трудности, но, с другой стороны, вполне соответствовало требованиям того исторического периода.

Жалование же чинов Корпуса жандармов значительно возросло, в связи с увеличением возложенных на них обязанностей. Так в 70-х годах помощник начальника жандармского управления получал 1300 руб. в год, а унтер-офицеры – 120 руб. К концу века эти цифры возросли до 2000 руб. и 200–250 руб. соответственно [33, л. 29, 38].

Как видим, предпринятая правительством Российской империи реформа политической полиции имела целью адаптировать жандармерию под реалии новой эпохи, сделать её более мобильной, профессиональной и ориентированной на наблюдение за широкими слоями населения.

Что же касается борьбы с революционным движением, то в Севастополе первые антиправительственные общества были раскрыты еще в 1875–76 годах. Тогда жандармам удалось ликвидировать кружок на мебельной фабрике Кеффели и два кружка в мастерских Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) [34, с. 85]. На конспиративных квартирах, где собирались кружковцы, политической полицией была обнаружена многочисленная народническая литература. Однако аресту подверглись лишь младшие члены кружков, руководителю же – рабочему Н. Вишневецкому удалось скрыться от преследования. Всего за период с 1875–1880 гг. в Севастополе жандармами, по подозрению в революционной деятельности, к дознанию привлекались несколько десятков человек. Среди них был Л. Маторин, обвинявшийся в распространении среди рабочих адмиралтейства запрещенных произведений. Однако дело о нем было решено в административном порядке «с выдержанием его в течение одной недели под арестом» [35, с. 20–21]. В 1878 году особый полицейский надзор был установлен над подрядчиком по работам на Лозово-Севастопольской железной дороге В. Голиковым и кондуктором Н. Лашиным, которые подозревались в распространении запрещенных книг [35, с. 24; 21, л. 24]. А в следующем году, по обвинению в тайном провозе запрещенной литературы, в городе были арестованы кондуктор Г. Высота и бывший писарь I-го Черноморского флотского экипажа И. Морозовский [35, с. 22].

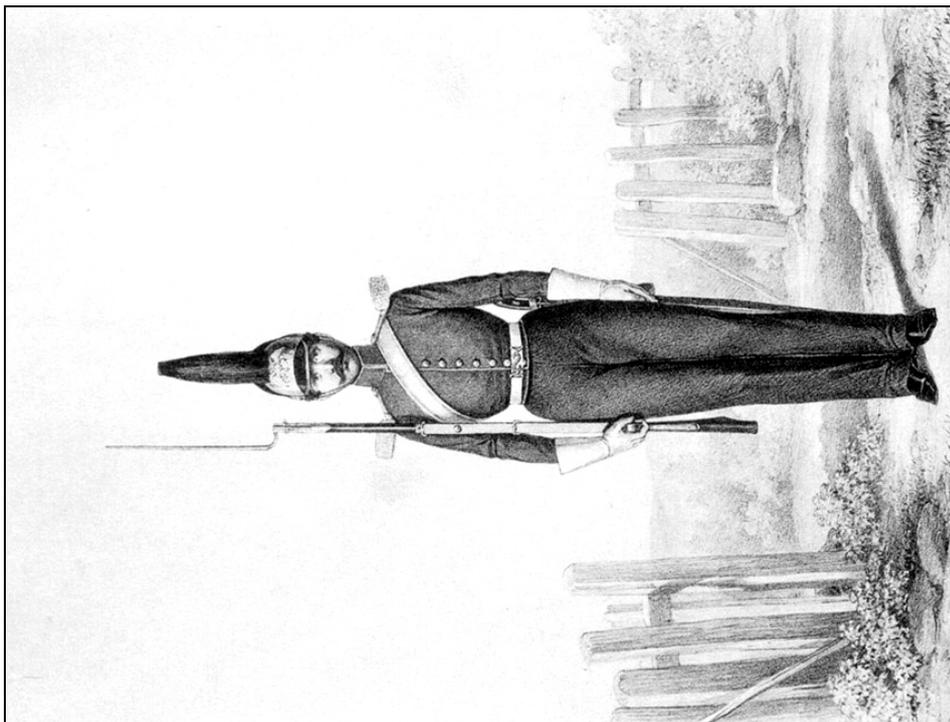

Рис. 1. Рядовой жандармских команд (1836–1845)

Рис. 2. Обер-офицер Корпуса жандармов (1854–1855)

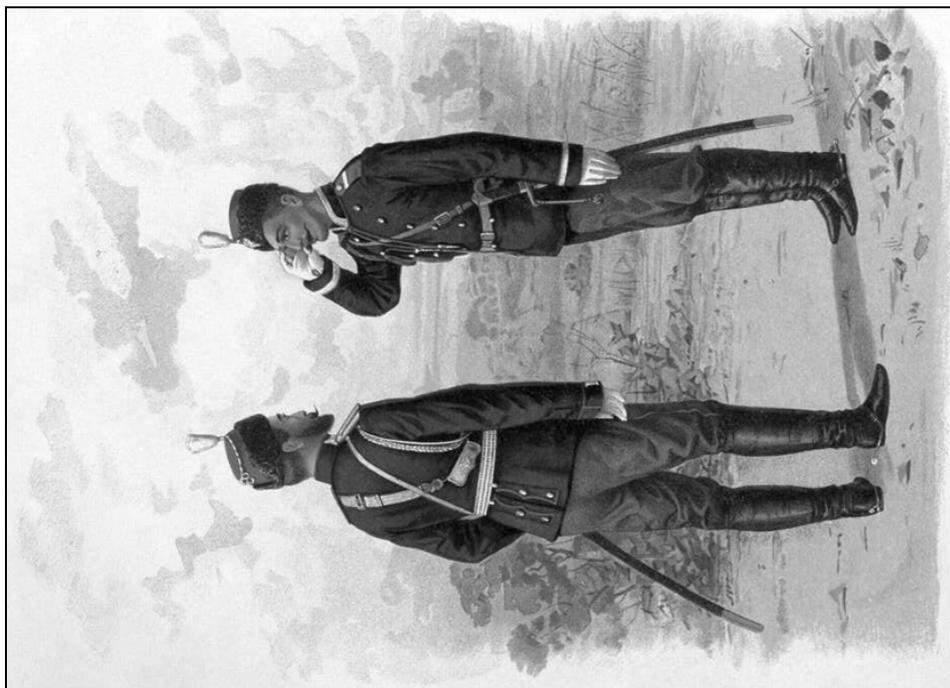

Рис. 4. Обер-офицер и вахмистр
Отдельного корпуса жандармов (1897 г.)

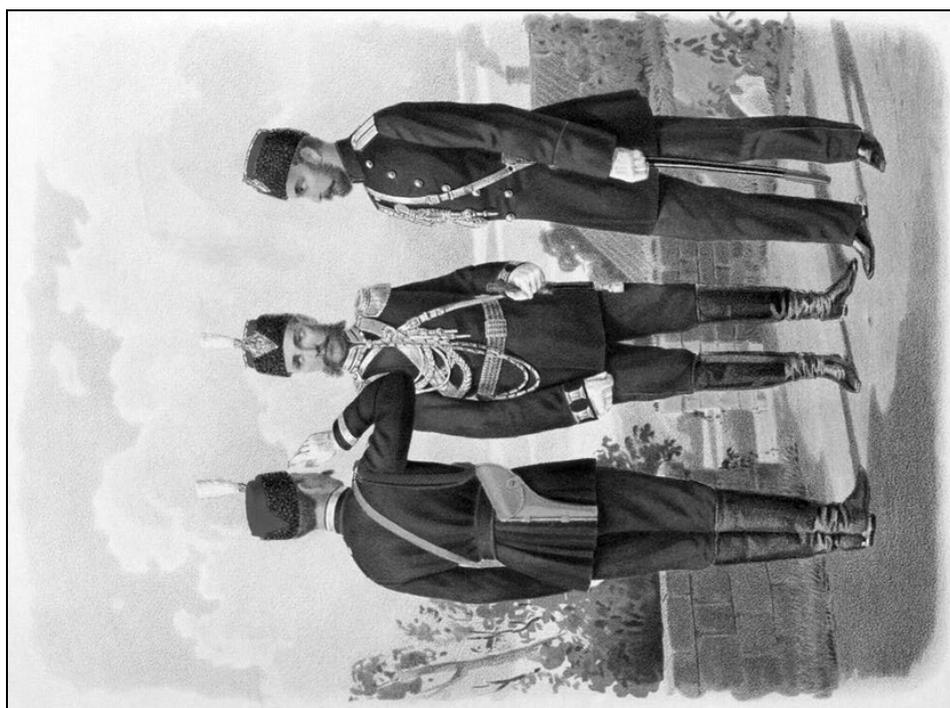

Рис. 3. Штаб-офицер, обер-офицер и унтер-офицер
Отдельного корпуса жандармов (1884 г.)

В 70-е годы XIX в. чинам жандармерии Таврической губернии пришлось впервые столкнуться и с рабочим движением. Таковым его проявлением стали стачки землекопов на строительстве Лозово-Севастопольской железной дороги в мае – начале июня 1873 года, в которых принимало участие более 500 человек [36, с. 183]. События эти настолько взволновали местные власти, что губернатор просил исполняющего должность начальника жандармского управления майора Поливанова принять личное участие в прекращении беспорядков. Прибыв 7 мая на участок в окрестностях Севастополя, он установил, что причиной недовольств является «грубость немецкого подрядчика Дрюннера, не умеющего обращаться с русским народом» [37, с. 56]. Согласно рапорту Поливанова, он, вместе с начальником Севастопольского отделения Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог майором Хитрово, товарищем прокурора, мировым судьей, следователем, полицмейстером и директором-распорядителем железной дороги безуспешно пытался убедить рабочих вернуться к месту строительства. Однако те просили таких перемен в своих условиях, «что соглашение было невысказано» [36, с. 233]. Потеряв надежду договориться мирным путем, майор Хитрово отдал приказ арестовать шестерых зачинщиков беспорядков, которые вскоре были освобождены под обязательство остальных рабочих вернуться к строительству [37, с. 57]. Другая же стачка, произошедшая в конце мая – начале июня не носила столь массового характера и была быстро ликвидирована после ареста полицией трех зачинщиков [38, с. 188].

Подобные волнения в среде рабочих стали неожиданностью для политической полиции не только города, но и всей губернии. Так, между начальником Таврического губернского жандармского управления и прокурором окружного суда Анастасьевым произошел спор о том, считать ли данное явление за стачку. Поливанов в донесении управляющему III Отделением Н. В. Левашову настаивал, что это была именно стачка, и поэтому Таврический губернатор имел полное право выслать лидеров бастующих за пределы губернии (что впоследствии и было сделано) [37, с. 58]. Кроме того, Поливанов с сожалением доносил в Петербург, что общественное мнение в Севастополе было вполне на стороне рабочих. Объяснял же он это тем, что молодежь «заражена демократическими идеями» [38, с. 189].

В то же время, уже с начала 1880-е годов главная база Черноморского флота перестала иметь большое значение для рабочего движения. Основным интересом Севастополь представлял для нелегальных организаций лишь как перевалочный пункт «особой» литературы из-за границы в Россию, и переправки за рубеж участников движения [35, с. 25]. Это заставляло чинов Севастопольской жандармерии пристально следить за всем лицами, подозреваемыми в революционной пропаганде. Так, еще с конца 1879 года под наблюдение полиции попали служащие Лозово-Севастопольской железной дороги А. Виктор и Ф. Дроботов, подозреваемые в провозе из Симферополя в Севастополь брошюр преступного содержания и распространении их на Корабельной стороне среди рабочих [36, с. 238]. Из донесения помощника начальника Таврического ГЖУ в Севастополе И. И. Гангардта следует, что за подозреваемыми был установлен строгий надзор, в ходе которого было установлено, что эти лица получают письма не почтой, а через частных лиц, прибывающих поездами. Все полученные таким образом зашифрованные письма Дроботов

уничтожал. Однако в марте 1880 года похожую зашифрованную записку нашел на улице секретарь севастопольской полиции Битнер, и сразу же передал её Гангардту, который, в свою очередь, отправил её на дешифровку в Петербург. Как выяснилось, записка эта была написана П. Теллалову, скрывавшемуся в окрестностях Севастополя. На основании этих данных, 18 апреля у подозреваемых был произведен обыск, в ходе которого у Дроботова и Викторова были обнаружены запрещенные книги, переплетный станок и металлический шрифт. В то же время, в ходе проведенного дознания, жандармам так и не удалось доказать их причастность к революционной пропаганде и укрытии Теллалова. Поэтому, служащие железной дороги были обвинены лишь в хранении запрещенной литературы, и вследствие этого высланы в административном порядке из города [35, с. 25].

Однако поток антиправительственной пропаганды в Севастополе не иссяк. Сотрудникам полиции и жандармерии неоднократно приходилось изымать разбросанные по городу листовки. Особенно их количество увеличилось с начала 1882 года. Полковник Гангардт в начале марта сообщал Таврическому губернатору, что «в феврале были разбросаны в городе прокламации комитета «Народной воли», а позже отобраны были два номера «Рабочей газеты» возбуждающей народ к бунту» [39, л. 2]. Также 8 марта начальнику Севастопольского отделения Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог капитану Ломаковскому был предъявлен исписанный лист бумаги с «Программой для собирания сведений в провинции», найденный сторожем на железнодорожной станции. Рассмотрев упомянутую программу, Ломаковский пришел к выводу, что она была утеряна одним из членов революционного кружка, хотя дознанием личность потерявшего не была выяснена [39, л. 4]. Затем 29 марта пятеро мещан представили в полицейское управление связку книг, газет и прокламаций найденную ими близ казармы учебной команды пограничной стражи. По «горячим следам», полиции удалось раскрыть небольшую группу пропагандистов. Однако многочисленные случаи наталкивали сотрудников политической и общей полиции на мысль, что в городе действует еще несколько революционных кружков, вероятно получавших предметы пропаганды через морской порт. В мае 1884 года ими были получены агентурным путем сведения, что 15 числа прибудет из Марселя в Севастополь пароход, на котором будет находиться тюк запрещенных книг. По прибытии в назначенный день корабля, сотрудниками жандармерии был произведен осмотр привезенного багажа. У одного из матросов был найден ящик с 45 экземплярами «Вестника» и «Календаря Народной Воли», программами рабочих, брошюрами, биографиями Желябова, Перовской, Кибальчича и другими революционными изданиями, полученными, по его словам, в Марселе от некоего Лионетти для отправки в Севастополь и выдаче «по востребованию» [37, с. 64]. Установив засаду, жандармам в тот же день удалось арестовать частного учителя И. Телепнева, явившегося за названными изданиями. При обыске его квартиры, было выявлено более 70 революционных брошюр, воззваний, программ и рукописей, фотокарточки государственных преступников, письма политических ссыльных. По поводу всех этих предметов Телепнев дал неправдоподобные показания [37, с. 65]. Однако полковник Гангардт, понимая, что Телепнев сможет вывести жандармов на след других революционных групп, велел провести более

тщательное дознание. Вскоре удалось узнать, что Иван Телепнев являлся агентом исполкома «Народной Воли» и прибыл в Севастополь еще в 1880 году. Все это время, он, под видом частного учителя, переправлял через город нелегальную литературу. Связь с исполкомом он поддерживал через учителей Пелагею и Александру Бальзам, получавших для него зашифрованные письма. Он также создал среди учащихся учебных заведений кружок, где вел народовольческую пропаганду. За революционную деятельность Телепнев два года провел в Симферопольском тюремном замке под надзором жандармов, а затем был выслан на длительный срок в Сибирь [35, с. 26]. Получив в ходе дознания достаточную информацию о членах и деятельности революционных кружков, чинам политической полиции в достаточно короткий срок удалось раскрыть несколько подпольных групп [34, с. 86].

В последующие годы жандармам достаточно успешно удавалось пресекать деятельность прибывавших на главную базу Черноморского флота революционеров, которые стремились восстановить подпольные организации. Так, в 1885 году был арестован член тайной группы А. Карпенко, который пользовался большим авторитетом в революционных кругах, так как успешно создавал кружки в Екатеринославле. В этом же году были арестованы проживавшие с конца 1884 года в Севастополе Д. И. Бартенев, П. Л. Антонов и В. А. Августинович, готовившие вооруженное ограбление денежной почты под Мариуполем [35, с. 29].

Кроме революционеров, под более строгое наблюдение попали и иностранцы, особенно после разоблачения в 1888 году севастопольскими жандармами военного агента Великобритании – подполковника Герберта, у которого были изъяты различные бумаги, планы и карты города [40, л. 21].

К концу XIX столетия органы политической полиции Севастополя представляли собой достаточно эффективную структуру, усиленную к тому же созданной 26 февраля 1893 года крепостной жандармской командой [41, с. 21]. К 1897 году это новое подразделение состояло из начальника команды, вахмистра и 18 унтер-офицеров [42, с. 43; 34, с. 88]. Главными же его задачами были несение военно-полицейской службы в пределах крепости, недопущение в неё беспаспортных и подозрительных лиц, выявление возможных лазутчиков и шпионов [30, с. 13].

В своей деятельности в 90-е годы XIX в. «голубые мундиры» продолжали курс по выявлению и ликвидации подпольных организаций и отдельных государственных преступников, а также по общему наблюдению за распространяющимися идеями в обществе. Однако совсем скоро им пришлось столкнуться и с совершенствованием навыков самих революционеров, которые стали намного более осторожными в своей деятельности. Сокращению антиправительственной деятельности способствовал и неуклонный рост числа лиц, находящихся под негласным жандармско-полицейским надзором. Подобные явления вынудили чинов политической полиции активнее обратиться за помощью к информаторам и тайным агентам, главной задачей которых стало проникновение в ряды заговорщиков [43, л. 11]. Однако в таких сотрудниках ощущался явный недостаток, ведь специально обученных агентов на губернию полагалось только 2. Остальные были просто не готовы к работе на столь высоком уровне, что приводило к ситуации, когда одного опытного агента использовали для внедрения сразу в несколько подпольных групп [44, л. 2].

ВЫВОДЫ

Подводя итог всему вышеизложенному можно сделать вывод, что XIX век стал в истории севастопольской жандармерии периодом её становления, развития, преобразований и испытаний. Сформировавшись как небольшое подразделение военного типа, пройдя через тяготы военного времени, пережив фактическую ликвидацию и новое возрождение, она к концу столетия превратилась в составную часть структуры политической полиции Таврической губернии и взяла под свой контроль всю территорию Юго-Западного Крыма. Ведя непрерывную борьбу с антиправительственной пропагандой и деятельностью, жандармерия Севастополя продолжала постепенно адаптироваться к новым требованиям и вызовам, которые несла с собой будущая эпоха революционных потрясений. Однако к стремительному росту в конце века числа неблагонадежных лиц, равно как профессионализму в среде революционеров, политическая полиция оказалась не готова. Это вынуждало её искать новые пути и разрабатывать новые методы по сохранению порядка и стабильности в регионе.

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов Н. Н. Охранные отделения и местные власти России в начале XX в. / Н. Н. Анисимов // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 119–125 ; Вязьмитипов М. Н. Жандармы и армия : политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. / М. Н. Вязьмитипов // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1. – С. 89–93 ; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение» / Н. П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с. ; Жухрай В. М. Тайны царской охраны : авантюристы и провокаторы / В. М. Жухрай. – М. : Политиздат, 1991. – 336 с. ; Мулукаев Р. С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер / Р. С. Мулукаев. – М. : Наука, 1986. – 327 с. ; Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 416 с. ; Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – М. : Просвет, 1992. – 330 с. ; Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно: административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX – начале XX вв. / А. Н. Ярмыш. – К. : Юринформ, 1992. – 186 с.
2. Anisimov N. N. Ohrannye otdelenija i mestnye vlasti Rossii v nachale XX v. / N. N. Anisimov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 5. – S. 119–125 ; Vjaz'mitipov M. N. Zhandarmy i armija : politicheskij sysek i vooruzhennye sily Rossii v revoljucii 1905–1907 gg. / M. N. Vjaz'mitipov // Voennno-istoricheskij zhurnal. – 1995. – № 1. – S. 89–93 ; Eroshkin N. P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii : Uchebnyk dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «Istoriko-arhivovedenie» / N. P. Eroshkin. – M. : Vysshaja shkola, 1983. – 352 s. ; Zhuhraj V. M. Tajny carskoj ohranki : avantjursty i provokatory / V. M. Zhuhraj. – M. : Politizdat, 1991. – 336 s. ; Mulukaev R. S. Politicheskaja policija dorevoljucionnoj Rossii, ee reakcionnyj, antinarodnyj harakter / R. S. Mulukaev. – M. : Nauka, 1986. – 327 s. ; Peregudova Z. I. Politicheskij sysek Rossii (1880–1917 gg.) / Z. I. Peregudova. – M. : ROSSPJeN, 2000. – 416 s. ; Shhegolev P. E. Ohranniki, agenty, palachi / P. E. Shhegolev. – M. : Prosvet, 1992. – 330 s. ; Jarmysh A. N. Nabljudat' neotstupno: administrativno-policejskij apparat carizma i organy politicheskogo syaska v Ukraine v konce XIX – nachale XX vv. / A. N. Jarmysh. – K. : Jurinform, 1992. – 186 s.
2. Бородин С. В. Севастопольское жандармское управление в борьбе с революционным движением в 1905 году / С. В. Бородин // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 283–287 ; Королёв В. И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма / В. И. Королёв. – Симферополь : АнтикВА, 2007. – 196 с. ; Он же. Жандармы Крыма. Кто они? / В. И. Королёв // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 56–61 ; Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века / В. В. Крестьянников // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 85–89 ; Кучеренко А. Р. Діяльність адміністративно-поліцейських органів Таврійської губернії на рубежі XX ст. / А. Р. Кучеренко // Культура народів Причерномор'я. – 2006. –

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ СЕВАСТОПОЛЯ В XIX ВЕКЕ**

№ 96. – С. 117–120 ; Он же. Полиция Таврической губернии на спаде революции (1906–1907 гг.) / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 122. – С. 25–29.

Borodin S. V. Sevastopol'skoe zhandarm'skoe upravlenie v bor'be s revoljucionnym dvizheniem v 1905 godu / S. V. Borodin // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 1999. – № 6. – С. 283–287 ; Koroljov V. I. Dejstvovat' jenergichno i po zakonu. Istorija politicheskoj policii Kryma / V. I. Koroljov. – Simferopol' : AntikvA, 2007. – 196 s. ; On zhe. Zhandarmy Kryma. Kto oni? / V. I. Koroljov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2007. – № 17. – С. 56–61 ; Krest'jannikov V. V. Organy politicheskogo syska v Sevastopole v konce XIX – nach. XX veka / V. V. Krest'jannikov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2008. – № 21. – С. 85–89 ; Kucherenko A. R. Dijal'nist' administrativno-policejs'kih organiv Tavrijs'koj gubernii na rubezhi XX st. / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2006. – № 96. – С. 117–120 ; On zhe. Policija Tavrijskoj gubernii na spade revoljucii (1906–1907 gg.) / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 122. – С. 25–29.

3. Измозик В. С. Политический розыск ведет Третье Отделение (1826–1880 годы) / В. С. Измозик // Жандармы России / сост. В. С. Измозик. – СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 248–278.

Izmozik V. S. Politicheskij rozysk vedet Tret'e Otdelenie (1826–1880 gody) / V. S. Izmozik // Zhandarmy Rossii / sost. V. S. Izmozik. – SPb. : Neva ; M. : OLMA-PRESS, 2002. – С. 248–278.

4. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск : в 19 ч. / А. В. Висковатов. – СПб. : тип. В. С. Балашев и Ко, 1899. – Ч. 19 : 1825–1855. – 1902. – 348 с.

Viskovatov A. V. Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk : v 19 ch. / A. V. Viskovatov. – SPb. : tip. V. S. Balashev i Ko, 1899. – Ch. 19 : 1825–1855. – 1902. – 348 s.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов), оп. 2, д. 145.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. 110 (Shtab Otdel'nogo korpusa zhandarmov), op. 2, d. 145.

6. Полканов А. И. Севастопольское восстание 1830 года : по арх. материалам / А. И. Полканов. – Симферополь : гос. изд-во Крым. АССР, 1936. – 147 с.

Polkanov A. I. Sevastopol'skoe vosstanie 1830 goda : po arh. materialam / A. I. Polkanov. – Simferopol' : gos. izd-vo Krym. ASSR, 1936. – 147 s.

7. Военно-статистическое обозрение Российской империи : в 18 т. – СПб. : тип. Департамента Генерального Штаба, 1837. – Т. 11. Ч. 2 : Таврическая губерния / сост. Н. Б. Герсеванов. – 1849. – 307 с.

Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii : v 18 t. – SPb. : tip. Departamenta General'nogo Shtaba, 1837. – T. 11. Ch. 2 : Tavricheskaja gubernija / sost. N. B. Gersevanov. – 1849. – 307 s.

8. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 11364.

Gosudarstvennyj arhiv v Avtonomnoj Respublike Krym (GAARK), f. 26 (Kanceljarija Tavricheskogo gubernatora), op. 1, d. 11364.

9. Ibid, д. 10816. Ibid, d. 10816.

10. Ibid, д. 20440. Ibid, d. 20440.

11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 2. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 : в 55 т. – СПб. : тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 11 : 1836. отд. 2. – 1837. – № 9355.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ RI). Sobranie 2. 12 dekabrja 1825 – 28 fevralja 1881 : v 55 t. – SPb. : tip. 2 Otd. Sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1830. – T. 11 : 1836. otd. 2. – 1837. – № 9355.

12. Абакумов О. Ю. «Око земного бога» : корпус жандармов на рубеже 50–60-х гг. XIX в. : традиции и новации / О. Ю. Абакумов // Освободительное движение в России. – 2000. – Вып. 18. – С. 61–78.

Abakumov O. Ju. «Oko zemnogo boga» : korpus zhandarmov na rubezhe 50–60-h gg. XIX v. : tradicii i novacii / O. Ju. Abakumov // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. – 2000. – Вып. 18. – С. 61–78.

13. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 15168. GAARK, f. 26, op. 1, d. 15168.

14. Там же, д. 15420.

Tam ze, d. 15420.

15. Там же, оп. 4, д. 1382.

Tam ze, op. 4, d. 1382.

16. Там же, д. 1393.

Tam ze, d. 1393.

17. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя : в 3 т. / Н. Ф. Дубровин. – СПб. : тип. тов-ва Общественная польза, 1900. – Т. 1. – 1900. – 454 с.
Dubrovin N. F. Istorija Krymskoj vojny i oborony Sevastopolja : v 3 t. / N. F. Dubrovin. – SPb. : tip. tov-va Obshhestvennaja pol'za, 1900. – T. 1. – 1900. – 454 s.
18. ГААРК, ф. 26, оп. 4, д. 1393.
GAARK, f. 26, op. 4, d. 1393.
19. ГАРФ, ф. 110, оп. 2, д. 1684.
GARF, f. 110, op. 2, d. 1684.
20. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 22335.
GAARK, f. 26, op. 1, d. 22335.
21. Там же, оп. 4, д. 1482.
Tam ze, op. 4, d. 1482.
22. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1905. – № 37. – 269 с.
Markevich A. I. Tavricheskaja gubernija vo vremja Krymskoj vojny / A. I. Markevich // ITUAK. – 1905. – № 37. – 269 s.
23. ГААРК, ф. 26, оп. 4, д. 1551.
GAARK, f. 26, op. 4, d. 1551.
24. Первых (Васильева) Д. К. Военный Крым : корреспонденции Н. В. Берга / Д. К. Первых (Васильева) // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 11. – С. 33–72.
Pervyh (Vasil'eva) D. K. Voennyj Krym : korrespondencii N. V. Berga / D. K. Pervyh (Vasil'eva) // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2005. – № 11. – S. 33–72.
25. Сидорова М. В. «В городе, благодаря Бога, все тихо и благополучно». «Записки для сведения» Л. В. Дубельта. 1855 г. / М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова // Исторический архив. – 2005. – Вып. 5. – С. 151–173.
Sidorova M. V. «V gorode, blagodarja Boga, vse tiho i blagopoluchno». «Zapiski dlja svedenija» L. V. Dubel'ta. 1855 g. / M. V. Sidorova, E. I. Shherbakova // Istoricheskij arhiv. – 2005. – Вып. 5. – S. 151–173.
26. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 20440. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 20440.
27. Корженевский Е. Р. Воспоминания о Севастополе / Е. Р. Корженевский // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами : в 3 т. – СПб. : тип. А. Траншеля, 1872. – Т. 3. – 1872. – С. 3–103.
Korzhenevskij E. R. Vospominanija o Sevastopole / E. R. Korzhenevskij // Sbornik rukopisej, predstavlennyh Ego Imperatorskomu Vysochestvu Gosudarju Nasledniku Cesarevichu o Sevastopol'skoj oborone sevastopol'cami : v 3 t. – SPb. : tip. A. Transhelja, 1872. – T. 3. – 1872. – S. 3–103.
28. ГАРФ, ф. 1172 (Управление 4-го округа Корпуса жандармов. 1826–1832. Управление 5-го округа Корпуса жандармов 1832–1867), оп. 1, д. 23.
GARF, f. 1172 (Upravlenie 4-go okruga Korpusa zhandarmov. 1826–1832. Upravlenie 5-go okruga Korpusa zhandarmov 1832–1867), op. 1, d. 23.
29. ПСЗ РИ. Собр. 2. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 : в 55 т. – СПб. : тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 42 : 1867, отд. 2. – 1871. – № 44956.
PSZ RI. Sobr. 2. 12 dekabrja 1825 – 28 fevralja 1881 : v 55 t. – SPb. : tip. 2 Otd. Sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1830. – T. 42 : 1867, otd. 2. – 1871. – № 44956.
30. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. Добряков. – СПб. : тип. штаба Отд. корп. жанд., 1903. – 650 с.
Kratkij sistematičeskij svod dejstvujushhih zakonopolozhenij i cirkuljarnyh rasporzazhenij, odnosjashhihsja do objazannostej činov gubernskih zhandarmskih upravlenij po nabljudeniju za mestnym naseleniem i po proizvodstvu doznanij / sost. polk. Dobryakov. – SPb. : tip. shtaba Otd. korp. zhand., 1903. – 650 s.
31. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов : исправлен на 15 мая 1884 года. – СПб. : тип. МВД, 1884. – 484 с.
Obshhij sostav upravlenij i činov Otdel'nogo korpusa zhandarmov : ispravlen na 15 maja 1884 goda. – SPb. : tip. MVD, 1884. – 484 s.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ СЕВАСТОПОЛЯ В XIX ВЕКЕ**

32. ГААРК, ф. 26, оп. 2, д. 1321.
GAARK, f. 26, op. 2, d. 1321.
33. Там же, ф. 706 (Таврическое губернское жандармское управление), оп. 1, д. 3.
Tam ze, f. 706 (Tavrisheskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie), op. 1, d. 3.
34. Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века / В. В. Крестьянников // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 85–89.
Krest'jannikov V. V. Organy politicheskogo syska v Sevastopole v konce XIX – nach. XX veka / V. V. Krest'jannikov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2008. – № 21. – S. 85–89.
35. Он же. Севастополь и народники / В. В. Крестьянников // Русские в истории Тавриды : материалы научно-практической конференции. – Симферополь : Московский мост, 2003. – С. 20–34.
On zhe. Sevastopol' i narodniki / V. V. Krest'jannikov // Russkie v istorii Tavridy : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Simferopol' : Moskovskij most, 2003. – S. 20–34.
36. История города-героя Севастополя : в 2 ч. / Акад. наук УССР, Ин-т истории; под ред. С. Ф. Найды. – К. : изд-во Академии наук УССР, 1960. – Ч. 1 : 1783–1917 / А. И Неделин, Е. В. Тарле, Г. И. Семин. – 1960. – 364 с.
Istorija goroda-geroja Sevastopolja : v 2 ch. / Akad. nauk USSR, In-t istorii; pod red. S. F. Najdy. – K. : izd-vo Akademii nauk USSR, 1960. – Ch. 1 : 1783–1917 / A. I Nedelin, E. V. Tarle, G. I. Semin. – 1960. – 364 s.
37. Севастополю 200 лет, 1783–1984 : сб. док. и матер. / [сост. Г. И. Ванеев, И. П. Кондранов, М. А. Коротков и др.] ; отв. ред. А. И. Сигора. – К. : Наукова думка, 1983. – 416 с.
Sevastopolju 200 let, 1783–1984 : sb. dok. i mater. / [sost. G. I. Vaneev, I. P. Kondranov, M. A. Korotkov i dr.] ; otv. red. A. I. Sigora. – K. : Naukova dumka, 1983. – 416 s.
38. Семин Г. И. Севастополь : истор. очерк / Г. И. Семин. – М. : Воен. изд-во Мин-ва обороны, 1955. – 552 с.
Semin G. I. Sevastopol' : istor. ocherk / G. I. Semin. – M. : Voen. izd-vo Min-va oborony, 1955. – 552 s.
39. ГААРК, ф. 26, оп. 2, д. 1504.
GAARK, f. 26, op. 2, d. 1504.
40. ГАРФ, ф. 102, оп. 84, д. 74.
GARF, f. 102, op. 84, d. 74.
41. Королёв В. И. Действовать энергично и по закону : история политической полиции Крыма / В. И. Королёв. – Симферополь : АнтикВА, 2007. – 196 с.
Koroljov V. I. Dejstvovat' jenergichno i po zakonu : istorija politicheskoy policii Kryma / V. I. Koroljov. – Simferopol' : AntikvA, 2007. – 196 s.
42. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов : исправлен на 15 января 1892 года. – СПб. : тип. Месника и Римана, 1892. – 356 с.
Obshhij sostav upravlenij i chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov : ispravlen na 15 janvarja 1892 goda. – SPb. : tip. Mesnika i Rimana, 1892. – 356 s.
43. ГААРК, ф. 26, оп. 2, д. 4318.
GAARK, f. 26, op. 2, d. 4318.
44. Там же, ф. 706, оп. 1, д. 22.
Tam ze, f. 706, op. 1, d. 22.

Пасечников И. О. Становлення і розвиток органів політичної поліції Севастополя у XIX столітті / И. О. Пасечников // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 125–142.

Розглядається організація і діяльність органів політичної поліції Севастополя в XIX столітті. Особливу увагу приділено аналізу роботи її органів, спрямованої на підтримку політичного порядку і боротьбу з революційним рухом. Описується розвиток жандармерії в різні історичні періоди. Показано причини створення органів політичної поліції у місті. Окремо відзначена їх структура, штат співробітників і фінансування. Дається характеристика умов і проблем служби. Характеризується діяльність чинів Корпусу жандармів в роки Кримської війни. Вказується доля міської жандармської команди в перші повоєнні роки. Виявляються причини її скасування. Аналізується реформа політичної поліції в 1867 році і її значення для Севастополя. Висвітлюється початок боротьби з революційним і робітничим рухом. Виділені найбільш яскраві епізоди політичного протистояння. Представлено появу нових стру-

ктурних підрозділів імперської жандармерії. Появляється факт поступового перетворення Севастополя на один з головних об'єктів спостереження чинів політичної поліції. Зроблена спроба визначення ролі жандармерії в історичному процесі на території Севастополя в зазначений період.

Ключові слова: Таврійська губернія, Севастополь, політична поліція, Корпус жандармів, революційний рух.

Pasechnikov I. A. Formation and development of the bodies of the political police of Sevastopol in the XIX century / I. A. Pasechnikov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 125–142.

The article examines the organization and activities of the political police of Sevastopol in the nineteenth century. Special attention was paid to the work of its bodies. The duties of the Corps of gendarmes in maintaining political order and the struggle against the revolutionary movement had been analyzed. The activities during the Crimean War have been separately marked. An attempt to determine the role of the gendarmerie in the historical process in the Sevastopol region was made. The Special Corps of Gendarmes was the uniformed security police of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. Its main responsibilities were law enforcement and state security. The responsibilities of the Gendarmes also included the execution of court orders, pursuit of fugitives, riot control, and detainment of «unusual» criminals. Gendarmes could also be assigned to assist local police and officials. Following the 1825 revolt, the new tsar, Nicholas I, created the office of the Chief of Gendarmes in July 1826 and appointed General Count Alexander Benkendorf to it; all of the Gendarmes were subordinate to the Chief. Benkendorf was also appointed Executive Director of the newly created Third Section of the Imperial Chancellery, although the office of the Head of the Third Section was not formally merged with Chief of Gendarmes until 1839. In 1827, the Gendarmerie was transformed into the Special Corps of Gendarmes, under the Chief of Gendarmes. The Commander of the Corps and Chief of Staff of the Corps were also Directors of the Third Section under the Executive Director. The Corps was divided into seven territorial Districts, six of them located in Russia and one in the Kingdom of Poland, each having a Directorate. The Main Directorate, along with additional Gubernial Directorates, was also created. As of 1867 statute, the Corps consisted of: Main Directorate; Surveillance staff; Caucasus, Warsaw and Siberia Districts; Gubernial Directorates (56); Uyezd Directorates (50); Railroad Directorates; St. Petersburg, Moscow and Warsaw divisions; Mounted units (13). In 1871, the Gendarmes acquired the right to investigate both political and criminal cases, as the judicial investigators were dismissed. Only the most competent of the Army's officers in noble ranks could join the Corps of Gendarmes. Although the Corps maintained a powerful image, its large network of informers and agents often supplied nothing more than rumors and slanders; the Gendarmes were obviously incapable of infiltrating real revolutionary organizations. In August 1880, both the Third Section and the Special Corps of Gendarmes were transferred to the authority of the Minister of Internal Affairs by proposal of Count Loris-Melikov. The office Chief of Gendarmes was inherited by the Minister, and the Commander of the Corps became his Deputy. Many Gendarme officers were transferred to then-created Department of Police. In the article the little-known sources and archival documents had been used.

Keywords: The Taurida Governorate, Sevastopol, the political police, The Corps of gendarmes, the revolutionary movement.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Е. А. Бачинская

д.и.н., в.н.с. И. В. Тункина

УДК 94(477.75)

ЗАХВАТ СОЛДАЙИ ТУРКАМИ В 1475 г.

Рувев В. Л.

**Республиканский комитет Автономной Республики Крым по охране культурного наследия,
Симферополь, Украина
E-mail: vl.ruev@gmail.com**

Рассмотрены версии истории последних дней генуэзской Солдайи (нын. г. Судак, Автономная Республика Крым, Украина), захваченной турками-османами в июне 1475 г. Несмотря на укрепившуюся в историографии версию относительно героического сопротивления защитников этой крепости, на основе сопоставления археологических материалов и письменных источников автор пришел к выводу, что Солдайя была сдана без сопротивления.

Ключевые слова: Крым, османы, XV в., 1475 г., Солдайя, Судак, военные действия

ВВЕДЕНИЕ

После захвата Каффы османами в 1475 г. для остальных укрепленных пунктов генуэзцев в Северном Причерноморье наступили последние дни их существования. Подобная судьба была уготована и другому мощному опорному пункту генуэзцев на Черном море – крепости Солдайя, которая была расположена в относительном соседстве от Каффы. Ее внушительная оборонительная система могла стать для турок-османов серьезным препятствием и надолго затормозить их завоевательное шествие по южному берегу Крыма.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Захватив Каффу, турки начали быстро покорять опорные пункты генуэзцев на южном берегу Крыма, Керченском полуострове, Тамани. Северо-восточное направление действий турок своей основной целью ставило захват Таны, Матреги, Копы. Османские хронисты Ашик паша заде, Нешри и ибн Кемаль информируют об этих событиях достаточно скупое, что связано с быстрым захватом крепостей генуэзцев на Тамани [47, с. 365; 25, s. 827; 24, s. 386]. По крайней мере, подробная информация о захвате крайней восточной колонии генуэзцев в Крыму – Воспоро отсутствует. Некоторые исследователи считают, что Воспоро была защищена достаточно мощными фортификационными сооружениями [27, с. 158]. Такое предположение можно считать вполне логичным, если учесть расположение этого населенного пункта на важном торговом пути да еще в качестве центра консулата. С учетом подобных обстоятельств и отсутствием каких-либо сведений о постигших турок трудностях, можно сделать вывод, что населенные пункты Керченского полуострова сдались без сопротивления.

Другая группировка османов двинулась от Каффы вдоль южного берега полуострова. Первой на пути завоевателей лежала Солдайя. Мартин Броневский, посетивший эту крепость в 1578 г., о турецком нашествии писал: *«когда турки осаждали этот город с моря многочисленным войском, генуэзцы храбро и сильно защищали его; но когда уже не могли более переносить голода и выдерживать непрерывную осады столь сильного войска, тогда несколько сот, или как он* [«митрополит грече-

ский», собеседник Броневского – В.Р.] уверял, почти тысяча отборных воинов за-
творились в большой церкви, которая и до сих пор еще цела, и несколько дней храбро
защищаясь в нижней крепости, в которую турки ворвались, одержали над ними
славную победу; но наконец, побежденные числом неприятеля, в храме том все по-
гибли» [22, с. 347]. Сведения М. Броневского дали основание целому ряду исследо-
вателей считать, что после героического сопротивления гарнизона и местного насе-
ления крепость пала в результате турецкого штурма в 1475 г. [48, с. 247; 30, с. 74;
26, с. 90; 34, с. 444; 28, с.52]. При этом Л. П. Колли сообщал также о возможности
сопротивления османам консула Солдаи ди Негро во главе гарнизона из 300 вои-
нов [33, с. 27].

Подобная точка зрения, основанная на публикациях авторитетных исследовате-
лей, присутствует и в научно-популярных работах, в том числе в путеводителях.
Автор одного из них – А. И. Полканов ссылается на собственные наблюдения, сде-
ланные во время полевых сезонов 1928–1929 гг. под руководством Е. Ч. Скржин-
ской в районе храма Девы Марии. Обнаруженные захоронения, которые являются
характерным атрибутом любых христианских святынь, А. И. Полканов связал с по-
гибшими генуэзцами [35, с. 29–30], причем сама Е. Ч. Скржинская отнеслась к на-
ходке костяков без каких-либо намеков на события 1475 г. [41, с.150]. Отсутствие
захоронений защитников крепости возле храма Девы Марии подтвердили и резуль-
таты последних исследований В. Г. Тура [2; 3; 43; 44].

В основу гипотезы о сопротивлении Солдаи османам легли также и сделанные
по результатам археологических исследований Судакской крепости выводы
И. А. Баранова. Во время изучения внутренней части барбакана исследователь об-
наружил т.н. «кладки второго строительного периода». В слое были найдены про-
слойка горения, фрагменты амфор XIV – XV в. и каменное ядро диаметром 115 мм,
которое, по мнению И.А.Баранова, является пушечным [4, с. 16]. Все это позволило
заключить, что разрушение постройки с наибольшей вероятностью можно связать с
османской бомбардировкой города в 1475 г. Постройка самого барбакана может да-
тироваться в пределах XVI – XVII вв. По мнению исследователя, он был пристроен
к восстановленной после обстрела 1475 г. куртине, примыкающей с востока к башне
ди Пагано [4, с. 28; 26, с. 90]. В 1978 г. И. А. Баранов корректирует результаты сво-
их исследований, относя постройки «второго строительного периода» и следы по-
жара к 1380 г. [5, с. 26]. Но автор остался на прежней позиции относительно разру-
шения куртины у башни ди Пагано в 1475 г. и ее последующей реконструкции од-
новременно с возведением барабакана. Он конкретизирует дату постройки пред-
вратного оборонительного рубежа в пределах второй половины XVII в. [26, с. 93; 7,
с.8]. С позиции современных взглядов на фортификацию Солдаи сделанные ранее
выводы не выдерживают критики. Так, И. А. Баранов отмечает, что «на первом эта-
пе своего господства турки не восстанавливали приморские крепости, разрушенные
в 1475 г.» [26, с. 90]. Действительно, для крепостей Чобан-Куле, Фуна возрождение
не наступит никогда. А стены Балаклавы, Каламиты, Мангуа, Каффы подверглись
ремонту и даже перестройке уже в конце XV – начале XVI вв. И главное – какова
надобность проведения масштабных и дорогостоящих ремонтных работ в крепости,
которая во второй половине XVII в. не играла для османов большого значения? Эв-

лия Челеби в 1666 г. отмечал, что в крепости находится начальник и гарнизон в 50 человек, да и то потребность в наличии солдат во многом возникала из-за опасности казачьих набегов. Большинство зданий на территории Судакской крепости, согласно сведениям османского путешественника, находилось в запустении [23, с. 76].

Датировку строительства барбакана и участка куртины у башни ди Пагано следует удревнить, по крайней мере до XV в., о чем может свидетельствовать находившаяся ранее над главными воротами закладная плита, установленная в честь консула Солдайи Бернарда де Амико с датой 1469 г. [42, с. 255–257]. Что касается обнаруженного «пушечного ядра диаметром 115 мм», то здесь речь идет об исключительно камнеметном снаряде, которое по классификации С. В. Карлова возможно отнести подгруппе II а, имеющим аналогии на Мангупе, Фуне [32, с. 344]. Во время изучения помещения Б «здания с камином» И. А. Баранов отмечал, «что турецкое пушечное ядро пробило стену дома с северной стороны и через дымоход упало в топку камина» [6, с. 14]. Однако по неизвестным причинам ни в описи находок, ни на фотографиях эта весьма значимая находка не фигурирует, что ставит под сомнения сам факт существования этого артефакта. Также совершенно безосновательно были связаны следы горения в верхней безымянной башне цитадели с событиями 1475 г. [7, с. 22–23].

Эталонный археологический материал, связанный с событиями османского вторжения в Крым в 1475 г., был обнаружен на территории бывшей столицы горного княжества Феодоро – Мангупа. В районе укрепления №14 Главной линии обороны Мангупа, которая подверглась атаке со стороны турок, в 2007 г. под завалом рухнувшей в ходе артиллерийского обстрела стены были обнаружены османские наконечники стрел, фрагменты каменных артиллерийских ядер, свинцовые пули к ручному огнестрельному оружию. Уникальность данного археологического материала из закрытого комплекса заключается в его многочисленности и возможности узкой датировки аналогичных артефактов. По крайней мере, находки с Мангупа можно продатировать в пределах августа-декабря 1475 г., что представляет собой случай поистине уникальный в археологии. В последующих публикациях были опубликованы 25 целых экземпляров и 48 обломков артиллерийских османских ядер, более сотни пуль, более сотни наконечников стрел [29; 36–40]. Эти артефакты были классифицированы, а также выявлены аналогии в других частях Мангупского городища, а также на территории иных населенных пунктов Крыма, стоявших на пути османского экспедиционного корпуса. Эта надежно атрибутированная «османская триада 1475 г.» позволяет окончательно поставить точку в обсуждении последних дней генуэзской Солдайи.

Археологическому изучению на территории Судакской крепости подвергся целый ряд археологических объектов – барбакан, привратные башни, крепостные башни нижнего замка, укрепления цитадели, «здание с камином», «храм с аркадой», храм Девы Марии, «храм на консолях», припортовая часть [26; 31; 43–46 и др.).

Анализируя материалы, добытые за годы систематических исследований Солдайи (1970-е – 2000-е), отмечаем, что не было обнаружено ни одного артефакта – наконечника стрелы, пули или каменного пушечного ядра, на основании которого можно было бы говорить о каких-либо военных действиях [1–21]. Отметим, что от-

существование следов пожаров и разрушений 1475 г. было отмечено и в обобщающей публикации А.В. Джанова [31, с. 328]. В пользу этого вывода косвенно свидетельствует Эвлия Челеби, в сочинении которого полностью отсутствуют данные о боевых действиях османов при овладении Солдайей [23, с.78].

ВЫВОДЫ

Таким образом, вопреки сложившейся историографической традиции, на сегодняшний день можно обоснованно говорить о быстрой сдаче генуэзцами крепости Солдайя османам в июне 1475 г. без какого-либо существенного сопротивления.

Список использованных источников и литературы

1. НА ИА НАН Украины, инв. 1987/28 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1987 г. Симферополь. 24 с. 1988.
NA IA NAN Ukrainyi, inv. 1987/28 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1987 g. Simferopol. 24 s. 1988
2. НА ИА НАН Украины, инв. 2004/56 : Тур В. Г. Отчет об археологических раскопках в Центральной части Судакской крепости в 2004 г. Симферополь. 54 с. + 94 рис. 2004.
NA IA NAN Ukrainyi, inv. 2004/56 : Tur V. G. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Tsentralnoy chasti Sudakskoy kreposti v 2004 g. Simferopol. 54 s. + 94 ris. 2004.
3. НА ИА НАН Украины, инв. 2005/55 : Тур В. Г. Отчет об археологических раскопках в Центральной части Судакской крепости в 2005 г. Симферополь. 102 с. + 160 рис. 2006.
NA IA NAN Ukrainyi, inv. 2005/55 : Tur V. G. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Tsentralnoy chasti Sudakskoy kreposti v 2005 g. Simferopol. 102 s. + 160 ris. 2006.
4. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 200, п. 454 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1977 г. Симферополь. 29 с. + 13 рис. 1978.
NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 200, p. 454 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1977 g. Simferopol. 29 s. + 13 ris. 1978.
5. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 149, п. 261 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1978 г. Симферополь. 27 с. + 25 рис. 1979.
NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 149, p. 261 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1978 g. Simferopol. 27 s. + 25 ris. 1979.
6. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 206, п. 461–462 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1979 г. Симферополь. 43 с. + 50 рис. 1980.
NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 206, p. 461–462 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1979 g. Simferopol. 43 s. + 50 ris. 1980.
7. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 98, п. 185–186 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1980 г. Симферополь. 28 с. + 86 рис. 1981.
NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 98, p. 185–186 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1980 g. Simferopol. 28 s. + 86 ris. 1981.
8. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 222–223, п. 479–480 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на мысу Димитраки в 1982 г. Симферополь. 29 с. + 40 рис. 1983.
NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 222–223, p. 479–480 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti i na myisu Dimitraki v 1982 g. Simferopol. 29 s. + 40 ris. 1983.
9. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 224–225, п. 481–482 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1983 г. Симферополь. 14 с. + 32 с. 1984.
NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 224–225, p. 481–482 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1983 g. Simferopol. 14 s. 32 s. 1984.
10. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 214–215, п. 471–472 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и охранных раскопках склепа близ Баклинского городища в 1984 г. Симферополь. 34 с. + 40 рис. 1985.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 214–215, p. 471–472 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti i ohrannyih raskopkakh sklepa bliz Baklinskogo gorodischa v 1984 g. Simferopol. 34 s. 40 ris. 1985.

11. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 1139, п. 1486 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1985 г. Симферополь. 40 с. + 54 рис. 1986.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 1139, p. 1486 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1985 g. Simferopol. 40 s. 54 ris. 1986.

12. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 216, п. 473 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1986 г. Симферополь. 28 с. + 55 рис. 1987.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 216, p. 473 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1986 g. Simferopol. 28 s. 55 ris. 1987.

13. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 1149, п. 1497 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на горе Ай-Фока близ поселка Морское в 1988 г. Симферополь. 34 с. + 97 рис. 1989.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 1149, p. 1497 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti i na gore Ay-Foka bliz poselka Morskoe v 1988 g. Simferopol. 34 s. 97 ris. 1989.

14. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 1150, п. 1498 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на горе Ай-Фока близ поселка Морское в 1989 г. Симферополь. 34 с. + 89 рис. 1990.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 1150, p. 1498 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti i na gore Ay-Foka bliz poselka Morskoe v 1989 g. Simferopol. 34 s. 89 ris. 1990.

15. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 1151, п. 1499 : Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на горе Ай-Фока близ поселка Морское в 1990 г. Симферополь. 27 с. + 72 рис. 1991.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 1151, p. 1499 : Baranov I. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti i na gore Ay-Foka bliz poselka Morskoe v 1990 g. Simferopol. 27 s. 72 ris. 1991.

16. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 548, п. 915 : Баранов И. А., Майко В. В. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1991 г. Симферополь. 37 с. + 52 рис. 1992.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 548, p. 915 : Baranov I. A., Mayko V. V. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1991 g. Simferopol. 37 s. 52 ris. 1992.

17. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 261, п. 563 : Баранов И. А., Майко В. В. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и подводных исследованиях в бухте Лимена–Судак в 1992 г. Симферополь. 33 с. + 57 рис. 1993.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 261, p. 563 : Baranov I. A., Mayko V. V. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti i podvodnyih issledovaniyah v buhte Limena–Sudak v 1992 g. Simferopol. 33 s. 57 ris. 1993.

18. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 497, п. 854 : Баранов И. А., Майко В. В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на холме Тепсень в 1997 г. Симферополь. 84 с. + 36 рис. 1998.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 497, p. 854 : Baranov I. A., Mayko V. V. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Sudakskoy kreposti i na holme Tepsen v 1997 g. Simferopol. 84 s. 36 ris. 1998.

19. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 624, п. 1024 : Баранов И. А., Майко В. В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости, на посаде Сугдеи и на холме Тепсень в 1999 г. Симферополь. 69 с. + 50 рис. 2000.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 624, p. 1024 : Baranov I. A., Mayko V. V. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Sudakskoy kreposti, na posade Sugdei i na holme Tepsen v 1999 g. Simferopol. 69 s. 50 ris. 2000.

20. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 1195, п. 1544 : Майко В. В., Джанов А. В., Фарбей А. М. Отчет об охранных археологических раскопках в портовой части и на посаде средневековой Сугдеи в 2007 г. Симферополь. 79 с. + 222 рис. 2008.

NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 1195, p. 1544 : Mayko V. V., Dzhanov A. V., Farbey A. M. Otchet ob ohrannyih arheologicheskikh raskopkakh v portovoy chasti i na posade srednevekovoy Sugdei v 2007 g. Simferopol. 79 s. 222 ris. 2008.

21. НА КФ ИА НАН Украины, инв. 1311, п. 1674 : Майко В. В., Джанов А. В., Фарбей А. М. Отчет об охранных археологических раскопках в портовой части и на посаде средневековой Сугдеи в 2008 г. Симферополь. 88 с. + 182 рис. 2009.
- NA KF IA NAN Ukrainyi, inv. 1311, p. 1674 : Mayko V. V., Dzhanov A. V., Farbey A. M. Otchet ob ohrannyih arheologicheskikh raskopkakh v portovoy chasti i na posade srednevekovoy Sugdei v 2008 g. Simferopol. 88 s. 182 ris. 2009.
22. Броневский М. Описание Крыма / пер. с латин. И. Г. Шершеневича, прим. Н. Н. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1867. – Т.6, отд. 2. – С. 333–367.
- Bronevskiy M. Opisanie Kryima / per. s latin. I. G. Shershenevicha, prim. N. N. Murzakevicha // Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey. – Odessa, 1867. – Т.6, отд. 2. – С. 333–367.
23. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / пер. и ком. Е. В. Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999. – 144 с.
- Kniga puteshestviya. Turetskiy avtor Evliya Chelebi o Kryime (1666–1667 gg.) / per. i kom. E. V. Bahrevskogo. – Simferopol: DAR, 1999. – 144 s.
24. Kemal ibn Tevarih-i al-i osman. VII defter / önz., ind. Ş. Turan. – Ankara : Türk tarih kurumu basımevi, 1954. – 484 s.
25. Neşri M. Kitab-ı cihan-nüma : Neşri Tarihi / yayın. F. R. Unat, M. A. Köymen. – Ankara : Türk tarih kurumu basımevi, 1995. – С. 1, 2. – 853 s.
26. Баранов И. А. Главные ворота средневековой Солдаи / И. А. Баранов // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – К., 1988. – С. 81–97.
- Baranov I. A. Glavnyie vorota srednevekovoy Soldayi / I. A. Baranov // Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya v Kryimu. – K., 1988. – S. 81–97.
27. Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV – XV вв. / С. Г. Бочаров // 175 лет Керченскому музею древностей : матер. Междунар. конф. (г. Керчь, 27–29 июля 2001 г.). – Керчь, 2001. – С. 157–161.
- Bocharov S. G. Zametki po istoricheskoy geografii Genuezskoy Gazarii XIV – XV vv. / S. G. Bocharov // 175 let Kerchenskomu muzeyu drevnostey : mater. Mezhdunar. konf. (g.Kerch, 27–29 iyulya 2001 g.). – Kerch, 2001. – S. 157–161.
28. Герцен А. Г. Борьба народов Балкан и Крыма с турецкой агрессией в XIV – XV вв. / А. Г. Герцен // Українсько-македонський збірник. – К., 2006. – С. 43–63.
- Gertsen A. G. Borba narodov Balkan i Kryima s turetskoy agressiey v XIV – XV vv. / A. G. Gertsen // Ukrainisko-makedonskiy zbirnik. – K., 2006. – S. 43–63.
29. Герцен А. Г. Свинцовые пули из раскопок Мангупа / А. Г. Герцен, В. Л. Руев // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. – Вып. 14. – С. 385–416.
- Gertsen A. G. Svintsovyie puli iz raskopok Mangupa / A. G. Gertsen, V. L. Ruyev // MAIET. – Simferopol, 2008. – Vyip. 14. – S. 385–416.
30. Греков И. Б. Османская империя и страны Центральной и Восточной Европы в 50-70-е гг. XV в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI в. – М., 1984. – С. 54–81.
- Grekov I. B. Osmanskaya imperiya i strany Tsentralnoy i Vostochnoy Evropyi v 50–70-e gg. XV v. // Osmanskaya imperiya i strany Tsentralnoy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropyi v XV–XVI v. – M., 1984.
31. Джанов А. В. Судакская крепость : двести лет исследований / А. В. Джанов // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость : история – археология – эпиграфика : сборник работ и материалов. – К. ; СПб. ; Судак : Академперидика, 2006. – С. 322–357.
- Dzhanov A. V. Sudakskaya krepost : dvesti let issledovaniy / A. V. Dzhanov // Skrzhinskaya E.Ch. Sudakskaya krepost : istoriya – arheologiya – epigrafika : sbornik rabot i materialov. – K. ; SPb. ; Sudak : Akademperiodika, 2006. – S. 322–357.
32. Карлов С. В. Средневековая метательная артиллерия на Мангуп-Кале / С. В. Карлов // БИАС. – Симферополь : Таврия, 1997. – Вып. 1 – С. 341–359.
- Karlov S. V. Srednevekovaya metatelnaya artilleriya na Mangup-Kale / S. V. Karlov // BIAS. – Simferopol : Tavriya, 1997. – Vyip. 1 – S. 341–359.
33. Колли Л. П. Христофоро ди Негро, последний консул Солдаи / Л. П. Колли // ИТУАК. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 1–29.

- Kolli L. P. Hristoforo di Negro, posledniy konsul Soldayi / L. P. Kolli // ИТУАК. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 1–29.
34. Мыц В. Л. Кафа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты / В. Л. Мыц. – Симферополь : Универсум, 2009. – 528 с.
- Myits V. L. Kafa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty / V. L. Myits. – Симферополь : Universum, 2009. – 528 s.
35. Полканов А. И. Судак : очерк-путеводитель / А. И. Полканов. – Симферополь : Таврия, 1975. – 104 с.
- Polkanov A. I. Sudak : ocherk-putevoditel / A. I. Polkanov. – Симферополь : Tavriya, 1975. – 104 s.
36. Руев В. Л. Боеприпасы к Османской огнестрельной артиллерии 1475 года на Мангупе / В. Л. Руев // Причерноморье : история, политика, культура. Античность и средневековье : избр. матер. VIII Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения» / под общей ред. В. И. Кузищина. – Севастополь, 2010. – Вып. 5, серия А. – С. 175–178.
- Ruyev V. L. Voenpriпасy k Osmanskoу ognestrelnoу artillerii 1475 goda na Mangupe / V. L. Ruyev // Prichernomore : istoriya, politika, kultura. Antichnost i srednevekove : izbr. mater. VIII Mezhdunar. nauch. konf. «Lazarevskie chteniya» / pod obschey red. V. I. Kuzischina. – Sevastopol, 2010. – Vyip. 5, seriya A. – S. 175–178.
37. Руев В. Л. Вооружение турок-османов третьей четверти XV в. (по данным археологического изучения крепости Мангуп (Крым)) / В. Л. Руев // Военна історія Наддніпрянщини та Донщини : науковий збірник : матер. Всеукр. наук. військово-історичної конф. Дніпропетровськ, 25 травня 2011 р. – К., 2011. – С. 41–47.
- Ruyev V. L. Vooruzhenie turok-osmanov tretey chetverti XV v. (po dannym arheologicheskogo izucheniya kreposti Mangup (Krym)) / V. L. Ruyev // Voynna Istoriya Naddnipyanshini ta Donschini : naukoviy zbirnik : mater. Vseukr. nauk. viyskovo-istorichnoyi konf.. Dnipropetrovsk, 25 travnya 2011 r. – K., 2011. – S. 41–47.
38. Руев В. Л. Наконечники османских стрел по результатам исследования укрепления №14 главной линии обороны Мангупа в 2007 г. / В. Л. Руев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2011. – Т. 24 (63), №1 : спецвыпуск «История Украины». – С. 109–126.
- Ruyev V. L. Nakonechniki osmanskih strel po rezultatam issledovaniya ukrepleniya №14 glavnoy linii oborony Mangupa v 2007 g. / V. L. Ruyev // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». – Симферополь, 2011. – Т. 24 (63), №1 : spetsvyipusk «Istoriya Ukrainyi». – S. 109–126.
39. Руев В. Л. Османская огнестрельная артиллерия 1475 г. на Мангупе : историко-археологический обзор / В. Л. Руев // МАИЭТ. – Симферополь, 2010. – Вып. 16. – С. 296–327.
- Ruyev V. L. Osmanskaya ognestrelnaya artilleriya 1475 g. na Mangupe : istoriko-arheologicheskiy obzor / V. L. Ruyev // МАИЭТ. – Симферополь, 2010. – Vyip. 16. – S. 296–327.
40. Руев В. Л. Турецькі свинцеві кулі XV – XVII ст. з розкопок середньовічної фортеці Мангуп-кале (Крим) / В. Л. Руев // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – К., 2010. – Вип. 19. – С. 460–463.
- Ruyev V. L. Turetski svintsevi kulI XV – XVII st. z rozkopok serednovIchnoYi fortetsI Mangup-kale (Krim) / V. L. Ruyev // Novi doslidzhennya pam'yatok kozatskoyi dobi v Ukraini. – K., 2010. – Vip. 19. – S. 460–463.
41. Скржинская Е. Ч. О судакской экспедиции 1929 г. : доклад в ГАИМК / Е. Ч. Скржинская // Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. – К. ; Судак ; СПб. : Академперіодика, 2006. – С. 146–155.
- Skrzhinskaya E. Ch. O sudakskoy ekspeditsii 1929 g. : doklad v GAIMK / E. Ch. Skrzhinskaya // Sudakskaya krepост. Istoriya – arheologiya – epigrafika. – K. ; Sudak ; SPb. : Akademperiodika, 2006. – S. 146–155.
42. Скржинская Е. Ч. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма / Е. Ч. Скржинская // Судакская крепость : история – археология – эпиграфика. – К. ; Судак ; СПб. : Академперіодика, 2006. – С. 248–257.

Skrzhinskaya E. Ch. Novyye epigraficheskie pamyatniki srednevekovogo Kryima / E. Ch. Skrzhinskaya // Sudakskaya krepost : istoriya – arheologiya – epigrafika. – K. ; Sudak ; SPb. : Akademperiodika, 2006. – S. 248–257.

43. Тур В. Г. Археологические исследования Судакской крепости / В. Г. Тур // Сугдейский сборник. – К. ; Судак : Академперіодика, 2005. – Вып. 2. – С. 546–554.

Tur V. G. Arheologicheskie issledovaniya Sudakskoy kreposti / V. G. Tur // Sugdeyskiy sbornik. – K. ; Sudak : Akademperiodika, 2005. – Vyip. 2. – S. 546–554.

44. Тур В. Г. Археологические исследования центрального квартала в Судакской крепости / В. Г. Тур // Херсонесский колокол : сб. науч. статей. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – С. 352–361.

Tur V. G. Arheologicheskie issledovaniya tsentralnogo kvartala v Sudakskoy kreposti / V. G. Tur // Hersonesskiy kolokol : sb. nauch. statey. – Simferopol : SONAT, 2008. – S. 352–361.

45. Фронджуло М. А. Раскопки в Судак / М. А. Фронджуло // Археологические открытия 1972 г. – М. : Наука, 1973. – С. 341–342.

Fronzhulo M. A. Raskopki v Sudake / M. A. Fronzhulo // Arheologicheskie otkryitiya 1972 g. – M. : Nauka, 1973. – S. 341–342.

46. Фронджуло М. А. Раскопки «храма с аркадой» Судакской крепости (1969–1975 гг.) / М. А. Фронджуло // Сугдейский сборник. – К. ; Судак : Академперіодика, 2005. – Вып. 2. – С. 621–631.

Fronzhulo M. A. Raskopki «hrama s arkadoy» Sudakskoy kreposti (1969–1975 gg.) / M. A. Fronzhulo // Sugdeyskiy sbornik. – K. ; Sudak : Akademperiodika, 2005. – Vyip. 2. – S. 621–631.

47. Хайбуллаева Ф. Х. Новый турецкий источник по истории Крыма / Ф. Х. Хайбуллаева // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. – Вып. 8. – С. 362–365.

Haybullaeva F. H. Novyyiy turetskiy istochnik po istorii Kryima / F. H. Haybullaeva // MAIET. – Simferopol, 2001. – Vyip. 8. – S. 362–365.

48. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea / A. A. Vasiliev. – Cambridge, Massachusetts, 1936. – 293 p.

Список сокращений

ИНК – Историческое наследие Крыма

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

НА ИА НАН Украины – научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины

Руєв В. Л. Захоплення Солдайї турками у 1475 р. / В. Л. Руєв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 143–151.

Розглянуто версії щодо останніх днів генуезької Солдайї (у теперішній час м. Судак, Автономна Республіка Крим, Україна), захопленої турками-османами в червні 1475 р. Незважаючи на закріплену в історіографії версію щодо героїчного опору захисників цієї фортеці, на основі зіставлення археологічних матеріалів і писемних джерел автор дійшов висновку, що Солдайя була здана без опору.

Ключові слова: Крим, османи, XV ст., 1475 р., Солдайя, Судак, військові дії

Ruyev V. L. The Capture of Soldaya by Turkish in 1475 / V. L. Ruyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 143–151.

In this article the versions of the last days of Genoas Soldaya (today, the town of Sudak, Crimea, Ukraine) captured by Turkish-Osman in June 1475, are considered. In spite of strengthening version in historiography, concerning heroic standing up to the enemy of the defenders of this fortress, on the basis of comparing to archaeological materials and written sources, the author drew a conclusion, that Soldaya had been surrendered without any resistance.

After capturing Caffa by Osmans in 1475, the last days of the existence for the rest strengthened points of the men of Genoa in the Black Sea Northern Coast Region came. The same fate was given to another strong point of the men of Genoa on the Black Sea – the fortress of Soldaya, which was situated near Caffa. Its imposing defensive system could become a serious obstacle for Turkish-Osmans and it could brake their aggressive procession along the South Coast of Crimea.

The Polish diplomat Martin Bronevskiy, having visited this fortress in 1578, wrote about Turkish invasion: «when the Turkish sieged to this town from the sea with the help of numerous forces, the Genoa people

defended it courageously; but when they could bear hunger and uninterrupted sieges of such strong forces no longer, then hundreds or as he («Greek Metropolit», Bronevskiy's interlocutor – V.R.) assured, that almost a thousand of crack fighting men closed themselves in a large church, which is sate today, and defending courageously in the lower fortress, which the Turkish burst into, won a glorious victory over them; but, at last, the victors, who were not so much in comparison with a number of enemies, fell all in the temple». M. Bronevskiy's information has every reason for investigators to considering, that after heroic standing up to the enemy of the garrison and local inhabitants, the fortress fell as a result of Turkish storm in 1475.

Standard archaeological material, connected with the events of Osman invasion into the Crimea in 1475, was discovered on the territory of the former capital of the mountain principality of Theodoro, which named Mangup. In the district of fortifying №14 of the Main line of Mangup's defense which was attacked from the Turkish line, in 2007 under the obstruction of the fallen wall during the bombardment, Osman arrow-heads, fragments of stone cannon balls, leaden bullets for hand firearm were discovered. The unique object data of the archaeological material from the closed complex consists of its multiplicity and possibility of narrow dating of analogical artifacts. At least, the finds from Mangup can be dated within August-December in 1475, it is of unique value in archaeology.

Analyzing materials, received during some years of systematical researches of Soldaya (1970-2000), we mark that no one artifact was discovered: an arrow-head, a bullet or stone cannon ball, on the grounds of what, we can speak about some military operations. It should be noted, that the absence of the tracks of fires and destructions in 1475 was marked in a summarizing publication of A.V. Dzhanoz.

So, in spite of a historiographical tradition, we can speak surely today about a fast surrender of Soldaya's fortress by the people of Genoa to Osmans in June 1475 without any considerable resistance.

Keywords: Crimea, Osmans, the fifteenth century, in 1475, Soldaya, Sudak, military operations.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., с.н.с. Н. И. Платонова

д.и.н., проф. И. Н. Храпунов

ДОСТОЙНЕ ПОПОВНЕННЯ СКАРБНИЦІ КРИМСЬКОГО КРАЄЗНАВСТВА

Юрочкін В. Ю.

Кримський філіал Інституту археології НАН України, Сімферополь, Україна
E-mail: yurochkin-vladislav@rambler.ru

Рец. на кн.: Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / В. В. Акимченков ; под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический нац. у-т имени В. И. Вернадского ; Центр памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры. – К. ; Симферополь : АнтикВА, 2012. – 120 с. – (Серия : «Библиография крымоведения ; вып. 17).

Здійснено детальний аналіз монографії В. В. Акімченкова «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939)». Автор першим у вітчизняній історіографії здійснив спробу на прикладі діяльності одного з регіональних музеїв показати тенденції розвитку радянського краєзнавства 20-х – 30-х років ХХ століття. Робота складається з п'яти глав та заключної частини, а також декількох додатків, які самі по собі мають наукове значення. Автор, у ході свого дослідження, залучив широкий корпус джерел. Велику його частину складають архівні матеріали. У монографії запропоновано чітку періодизацію історії Севастопольського музею краєзнавства, що дозволило побудувати розповідь за хронологічним принципом. Введено до наукового обігу велику кількість раніше невідомих фотоматеріалів з історії краєзнавчого руху у Севастополі 20-х – 30-х років ХХ століття.

Ключові слова: В. В. Акімченков, В. П. Бабенчиков, П. П. Бабенчиков, Севастопольський музей краєзнавства.

У монографії «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939)», що підготована В. В. Акімченковим, вперше у вітчизняній історіографії зроблено спробу на прикладі діяльності одного з регіональних музеїв надати характеристику тенденціям розвитку радянського краєзнавства 20-х – 30-х років ХХ століття.

Рецензована робота складається з передмови, п'яти глав та заключної частини, а також з декількох додатків, які самі по собі мають наукове значення. Таким чином, робота повністю відповідає усім сучасним вимогам, що пред'являються до наукових досліджень подібного жанру.

У ході свого дослідження В. В. Акімченков залучив значний корпус джерел. Більшу його частину складають архівні матеріали, які ще не публікувалися. Це архівні документи Державного архіву Російської Федерації (м. Москва), рукописного відділу Інституту історії матеріальної культури РАН (м. Санкт-Петербург), Державного архіву в АР Крим (м. Сімферополь), Державного архіву м. Севастополь, наукового архіву Кримського філіалу Інституту археології НАН України (м. Сімферополь), архіву Міжшкільного краєзнавчого музею імені Є. Н. Овена (м. Севастополь). Особливу цінність складає фотоматеріал, що зібраний та вперше оприлюднений у книзі. Ці візуальні джерела роблять текст монографії живим.

Слід зазначити, що історія Севастопольського музею краєзнавства на довгий час була забута, а про його співробітників були відомі лише окремі факти життя та діяльності. Однак серед них були відомі радянські вчені-археологи: В. П. Бабенчиков, О. Н. Бернштам, Є. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецький та ін.

У монографії В. В. Акімченков запропонував чітку періодизацію історії музею, що допомогло побудувати монографію за хронологічним принципом. З'ясувалося багато раніше невідомих фактів. Наприклад, встановлено, що Севастопольський музей краєзнавства був не стільки краєзнавчо-експозиційною структурою, скільки освітнім закладом, який об'єднував навколо себе молодих краєзнавців міста Севастополя. Вони активно займалися науково-дослідницькою діяльністю, допомагаючи організовувати археологічні експедиції, проводили свої розвідки. Приділена увага й акціям з популяризації історії. Останні були показовими для усіх музейних установ того періоду радянської історії. На чолі усієї цієї важливої роботи незмінно знаходились талановиті педагоги – брати Павло Петрович та Володимир Петрович Бабенчикови. У книзі розглянуто їх біографії, які наповнені яскравими, часом трагічними подіями. Не менш цікаві долі й інших учасників Музею краєзнавства. Так, в монографії детально висвітлено кримські сторінки життя вченого сходознавця, етнографа та археолога Олександра Натановича Бернштама та геолога Валерія Миколайовича Махаєва.

Рецензуючи цю монографію, слід звернути увагу на її чудове оформлення, а також на оригінальні назви глав, що якнайкраще характеризують дух того складного часу.

Але слід відмітити ряд зауважень. Автор пише, що С. Д. Димитров, «цікавився «готською проблемою» упродовж тривалого часу» (с. 62), проте ці слова трохи перебільшені. Болгарсько-радянський комуністичний діяч Стратомір Дмитрович Димитров професійним вченим ніколи не був. При усій повазі до його пам'яті, це був типовий партійний висуванець. У 1934 р. він закінчив ідеологічно спрямований Інститут червоної професури та був відправлений Ленінградським міськкомом ВКП(б) на роботу до ДАІМК, де незабаром став виконувати обов'язки директора Інституту історії феодального суспільства, що відповідав за підготовку до друку матеріалів Ескі-Керменської експедиції минулих років.

В. В. Акімченков неправий, коли називає П. П. Бабенчикова серед учасників Ескі-Керменської експедиції 1930 року (с. 74), адже він приймав участь лише у її підготовці, та був заарештований ще до її початку.

Звичайно ж ці дрібні зауваження ніскільки не знижують наукової цінності монографії В. В. Акімченкова, яка сприймається з великим інтересом і напевно буде корисна вченим, археологам, історикам, культурологам, краєзнавцям. Це дійсно, цінне та своєчасне видання.

Хотілося б ще зауважити, що автор іноді категоричний по відношенню до своїх попередників, що торкалися теми севастопольського краєзнавства. Безумовно, ніхто не застрахований від прикрих промахів. Проте усі ми є членами єдиного наукового співтовариства. Тому критика, навіть справедлива, на мій погляд, повинна подаватися більш стримано.

Монографія вийшла у книжковій серії «Біобібліографія кримознавства» під редакцією професора Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського – Андрія Анатолійовича Непомнящого. Ця серія, що налічує вже 20 різноманітних монографій, стала помітним явищем в Україні і в межах пострадянського простору. Усі ці роботи, що вийшли з під пера учнів А. А. Непомнящого, або монографії самого титульного редактора серії, відрізняються актуальністю змісту та добротністю оформлення.

Більша їх частина присвячена персоналіям: діячам науки і культури XIX–XX століття. Кожна з них розкриває нову сторінку вітчизняної історії, що робить їх надзвичайно популярними як у Криму так і за його межами. За ці роки в Криму склалася особлива наукова школа під керівництвом професора А. А. Непомнящого. Її представники скромно називають себе «кримознавцями», хоча насправді їх роботи охоплюють більш широке коло питань та проливають світло на ключові періоди історії археологічної і історичної думки періоду Російській імперії та СРСР.

Монографія, що рецензується, не виключення. Цікаво, що в основі її – дипломна робота студента – п'ятикурсника. Її автор Віктор Володимирович Акімченков – зовсім молодий вчений, але він вже має за плечима хороший досвід науково-дослідної роботи. Зараз він аспірант Центру пам'яткознавства НАН України і Українського товариства охорони пам'яток історії і культури (м. Київ), член Національної спілки краєзнавців України, автор 25 наукових праць.

Вважаю, що в недалекому майбутньому ми побачимо його нові роботи з історії науки і культури Криму.

Юрочкин В. Ю. Достойное пополнение сокровищницы крымского краеведения / В. Ю. Юрочкин // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 152–155.

Осуществлен подробный анализ монографии В. В. Акимченкова «Академия в миниатюре» : Севастопольский музей краеведения (1923–1939)». Автор первым в отечественной историографии предпринял попытку на примере деятельности одного регионального музея показать тенденции развития советского краеведения 20-х – 30-х годов XX века. Работа состоит из пяти глав и заключительной части, а также нескольких приложений, которые сами по себе имеют научное значение. Автор, в ходе своего исследования привлек обширный корпус источников. Большую его часть составляют архивные материалы. В монографии предложена четкая периодизация истории Севастопольского музея краеведения, что позволило построить рассказ по хронологическому принципу. Введено в научный оборот

большое количество ранее неизвестных фотоматериалов по истории краеведческого движения в Севастополе 20-х – 30-х годов XX века.

Ключевые слова: В. В. Акимченков, В. П. Бабенчиков, П. П. Бабенчиков, Севастопольский музей краеведения.

Yurochkin V. Y. Worthy replenishment of a treasury of the Crimean study of local lore / V. Y. Yurochkin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 152–155.

The detailed analysis of the monograph of V. V. Akimchenkov «Academy in a miniature» is carried out: Sevastopol museum of study of local lore (1923–1939)». The author the first in a domestic historiography made an attempt on the example of activity of one regional museum to show tendencies of development of the Soviet study of local lore of the 20th – the 30th years of the XX century. Work consists of five heads and final part, and also several appendices which in itself have scientific value. The author, during the research, attracted the extensive case of sources. Its most part is made by archival materials. In the monograph the accurate periodization of history of the Sevastopol museum of study of local lore that allowed to construct the story by the chronological principle is offered. A large number of earlier unknown photographic materials on stories of local history movement in Sevastopol the 20th – the 30th years of the XX century is introduced into scientific circulation.

Keywords: V. V. Akimchenkov, V. P. Babenchikov, P. P. Babenchikov, Sevastopol museum of study of local lore.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Э. Б. Петрова

д.и.н., в.н.с. И. В. Тункина

УДК904: 726(477.7)

WRITTEN SOURCES ON BYZANTINE PORTS IN THE CRIMEA FROM THE FOURTH TO SEVENTH CENTURY

Aibabin A. I.

*Крымское отделение Института востоковедения имени А. Е. Крымского НАН Украины
E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru*

Laconic accounts of written sources document that the fourth–seventh century Crimea had two large ports in the cities of Bosporos and Cherson and a harbour in the Bay of Symbols (Balaklava). Cherson was a large port of transit located at the shortest sea route from Byzantium, which started in the port of Sinope.

Written sources supply ambiguous evidences on the Byzantine annexation of Bosporos in the first decades of the sixth century. The city became an important Byzantine port on the side of the Strait of Bosporos, where the roads to North Caucasus, Caspian steppes, Western Turkish khanate, and China passed.

The port town of Sudak was first mentioned in the «Cosmography» by an anonymous author of Ravenna from the late seventh century under the name of «Sugdabon» (from Greek Sougdaia). In the first half of the eighth century, dynamically growing economy of the eastern Crimea made Sougdaia an important Khazar port in the area.

Key words: Cherson, Bosporos, port.

Laconic accounts of written sources document that the fourth–seventh century Crimea had two large ports in the cities of Bosporos (Fig. 1) and Cherson and a harbour in the Bay of Symbols (Balaklava). Anonymous author of the *Periplus of Pontos Euxeinos* lists Theodosia among the Pontic cities, though ancient Theodosia was ruined in the fourth century. Archaeological excavations have uncovered there only the finds from Classical, Genoese, and Ottoman periods. The layers of the fourth-century destruction were overlaid by thick sterile layer; above, there was a layer containing fragments of glazed pottery, amphorae, and coins from the 1340s–1380s or the fourteenth century. In M. V. Agbunov's opinion, the book known as «Anonymous Periplus» and usually dated to the fifth century is an enlarged version of the *Periplus* compiled by Arrian, so its main contents originates from the second century [1, c 13–14]. M. V. Skrzhinskaya has provided well-reasoned arguments to date the *Periplus* to the early sixth century [15, c. 115, 120, 124.]. We might explain the appearance of Theodosia in the *periplus* by an anonymous author of Ravenna from the late seventh century in result of he made an uncritical compilation of early *periploi* [53, c. 111–114].

The port of Pantikapaion was established by Greek colonists from Miletos in the sixth century BC on the side of the strait connecting the Pontos and the Maiotis. The port of Chersonesos was constructed in the fifth century BC by the Greeks from Herakleia Pontika on the side of the Karantinnaya Bay, which was sheltered from all the sea winds. It provided a very convenient station for ancient Greek and Byzantine ships. The harbour on the side of deep and twisting Bay of Symbols was first mentioned by Strabo (ca. 64/63 BC – ca. 23/24 AD), Pliny the Elder (23–79 AD), and the second-century *Periplus* by Arrian [14, c. 29].

Written sources and archaeological surveys materials supply enough evidences that the city of Chersonesos and the Harbour of Symbols were annexed by the Eastern Roman

empire in the second half of the fourth century [9; 48; 58]. In the fourth and fifth century, the name of Chersonesos remained the same as in ancient period, though historians from the sixth century and later called the city Cherson. This city port was the ending of maritime trade routes from Constantinople and other Byzantine ports in the Black Sea and Mediterranean Sea. Although Cherson was close to Constantinople by sea, Procopius localizes Cherson «at the extremity of the Roman Empire» [34, 50].

The ports of Chersonesos and Bosphoros developed economical contacts with the new imperial capital. In rhetorician Themistios' words, Bosphoros and Chersonesos belonged to the most important suppliers of grain to Constantinople in the early 360s. [32, c. 531–532]. Zosimos informs us that Julian's nephew Procopius hid in Chersonesos after the failed plot against Valens and escaped from its port to Constantinople in 365 by taking a passing ship [58, c. 266]. In 366, Phronemios, guilty of Procopius' treason, was banished to the city.

The Theodosian Code contains a novel informing about shipbuilding in Chersonesos. In September 419, emperors Honorios and Theodosios II published a decree freeing the Chersonesites from punishment for the betraying of the secrets of shipbuilding to the barbarians, because of the petition of the bishop of their city, Asklepiades [31].

There is an inscription from Chersonesos from 488 AD, [11, c. 10–15] indicating that emperor Zeno (474–491) transferred the government of this city to Byzantine officials. The garrison of Cherson was subordinated to the vicar, ad hoc officer at the commander of the army (magister militum) stationed in the province of Thrace [20, c. 559–560]. Apart from other duties, this vicariate governed the *πρακτει~ον*, or customs, which collected taxes and duties particularly from merchant ships. These means were used to support ballistarii and to repair fortress walls. The mentioned inscription states that the vicariate and *prakteion* were headed by komes Diogenes, who represented the imperial administration. He obviously was supreme military and civil commander in the city [26, c. 397]. From the fact that the customs existed in this city, we might infer that the latter was included into the Byzantine trade network. Zacharias the Rhetorician informs that Monophysite patriarch Timothy Ailouros, who was banished to Cherson in the early 460s, still kept contacts with his supporters in Tomis and in the cities of Syria and Egypt [39, c. 79–80]. Most likely, these contacts were performed by passing merchant ships.

The fifth-century inscriptions from Kerch and the Taman peninsula allow us to suppose that the Bosporan kingdom kept its independence to the late fifth century [2; 6; 27]. There is an inscription about building discovered in Kerch and dated to 483 AD by Yu. G. Vinogradov; it mentions king Douptounos, a representative of local dynasty of Tiberii Julii, as well as komes Sauagos and other supreme officials at the royal court. Yu. G. Vinogradov has provided well-reasoned arguments that the name of the same official, komes Sauagos, occurs in other inscriptions from Kerch and the Taman peninsula [6, c. 234–240]. The latest of them is the inscription on a wall of a catacomb constructed in 491/2 AD [7, c. 4].

Written sources supply ambiguous evidences on the Byzantine annexation of Bosphoros in the first decades of the sixth century.

The chronicle of Zachariah the Rhetorician of Mitylene, finished in 569, tells that emperor Justin I (517–527) sent Probos on an embassy to the Huns «in order to hires some

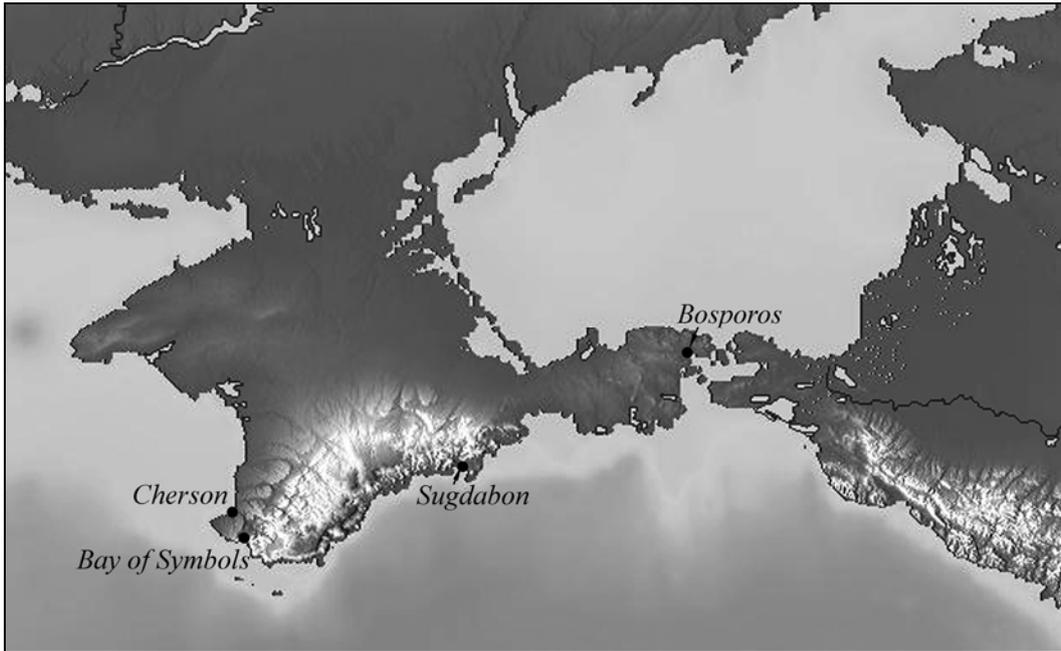
of them to meet the nations in war» [13, c. 398, 596] According to Procopius, Justin I in 522 sent patrikios Probos to Bosporos with a great sum of money in order to establish *symmachia* (alliance) with neighbouring Huns and to send them to wage war against the Persians in Iberia. This mission failed [51–52].

Procopius suggests several versions of the Byzantine annexation of Bosporos in different books of his history of the wars. In the first volume of his «Persian War,» he mentions the Bosporians, who had been autonomous since ancient time, but lately decided to become subject to the emperor Justin I, [51] though the second volume of the «Persian War» discusses how Justinian I (527–565) annexed Bosporos that was subject of the Huns [51–52]. Moreover, the account of the reign of Justinian I in the book of the «Gothic War» states that the city of Bosporos was subordinated by Romans not so long ago [52]. In the book of the «Buildings,» Procopius characterized the achievements of Justinian I: «He strengthened the defences of Bosporos particularly, which in ancient times had been a barbarous city lying under the power of the Huns, but which he himself had brought under Roman sway» [50, c. 10–12]. Therefore, we can see that the mentioned works by Procopius call Bosporos both an independent city and a subject to the Huns, who roamed in steppes between Chersonesos and Bosporos, near the Pontos and the Maiotis.

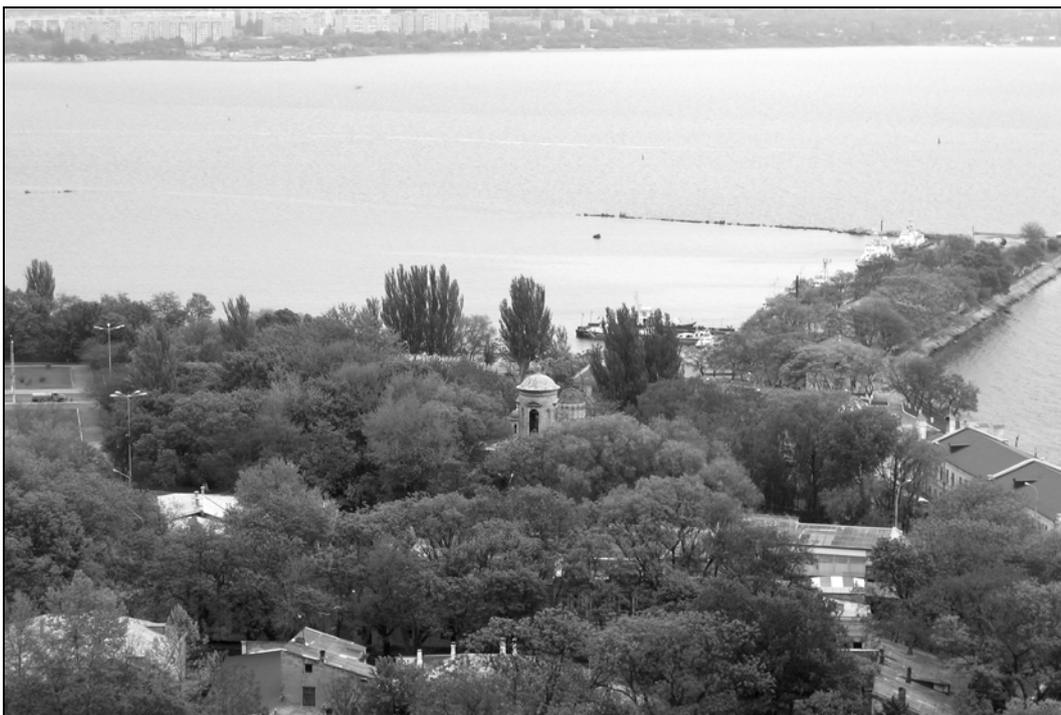
Contemporaries of Procopius, John Malalas (ca. 491–578) and John of Ephesus (507–586) have described how the leader of the Huns, who lived near Bosporos, Gordas arrived to Constantinople, was baptised there, and returned to Bosporos [13; 44]. The account of that event by John Malalas was reproduced in later chronicles of John of Nikiu [29, c. 161, 66] and Theophanes, [22, c. 51, 79, 80] as well as in the «Sagas» by Landulfus [43, c. 369] and in «Synopsis Historion» by George Kedrenos [30, c. 644–665]. The second part of John of Ephesus' «History» is included into works of Pseudo-Dionysios of Tell Machre and Michael the Syrian [13, c. 310–111]. Gordas arrived to Constantinople in the first year of Justinian I's reign according to Malalas, though according to John of Ephesus in 534. In Malalas' words, the emperor himself stood sponsor for the Hun and after bestowing many gifts upon him sent him away to his home country, to guard the roman territory and Bosporos. The emperor stationed in the city a troop of Roman soldiers, who were Italians called Spaniards, under a tribune. The city of Bosporos was a place of transactions between Romans and Huns. After Gordas returned to his country, he melted down Hunnic idols of silver and electrum and exchanged them for *miliaresia* in Bosporos. The Hunnic priests were furious, so they incited the Huns to kill Gordas. His brother Mougel came to power. The Huns seized Bosporos and destroyed its Byzantine garrison. The emperor dispatched to Bosporos a squadron with a troop of Goths under the command of apohypatos John, the komes of the Straits of the Pontos Euxeinos, by sea, and, simultaneously, sent Godilas and stratelates Badourias, the strategos of Thrace, against the Huns by land from Odysopolis. On hearing that the Byzantines are coming, the Huns fled from the city, which was taken by the Roman army. Theophanes and Malalas date these events to 527/528 [22; 29; 44].

In result of the mentioned events, the ports that formerly belonged to the Bosporan kingdom were annexed by the Byzantine empire. The text of a building inscription from the Taman peninsula, dated by V. V. Latyshev to 533, [10, c. 567–569] informs about the establishment of the self-government in the city of Bosporos. According to D. Feissel, this inscription mentions tribune Angoulates and a *pater civitatis* (πατρικίου πλεως).

WRITTEN SOURCES ON BYZANTINE PORTS IN THE CRIMEA
FROM THE FOURTH TO SEVENTH CENTURY

Byzantine Ports in the Crimea from the Fourth to Seventh Century. Cherson, Bosporos, Bay of Symbols (Balaklava) – ports IV – VII centuries; Sugdabon (Sudak) – port the end of the VII century.

Port of Bosporus (Kerch)

Port in a bay of Symbols (Balaklava)

House of the fisherman of the sixth century

D. Feissel has supposed that tribune Angoulates was Isaurian by origin. From the fourth century on, *pater civitatis* in Byzantine self-government supervised over public works and was responsible for military depots [27; 36; 37]. The city became an important Byzantine port on the side of the Strait of Bosphoros, where the roads to North Caucasus, Caspian steppes, Western Turkish khanate, and China passed. Justinian I ordered destroyed walls of the city of Bosphoros to be reinforced [50, c. 12–13].

The materials uncovered by archaeological excavations supply evidences that former urban planning and limits of Bosphoros survived. T. I. Makarova has discovered in the sea-side part of the city remains of a basilica church (baptismal font and water well), which was probably built under Justinian I [12, c. 140]. Bosphoros imported various types of amphorae, red-slip and glass vessels from many Mediterranean and Black Sea centres [2; 16; 17]. Apart from trade, metal-working, and ship-building, Bosphoros kept traditional branch of its economy, industrial fishing and fish-processing. Fishers probably lived in the sea-side area of the city, not far from the port. In that very area, at the foot of Mitridat hill, close to the house of the Kerch Historical and Archaeological Preserve, in 2007–2008, the team of the Crimean Branch of the Institute of Oriental studies uncovered sites of residential and industrial buildings in three houses of fishmongers, dated to the sixth century. Excavation of one of these houses unearthed a fish-salting cistern, plastered with dark-pink *opus signinum*.

Cherson was a large port of transit located at the shortest sea route from Byzantium, which started in the port of Sinope. Menander describes how the Byzantines sailed along that route. In 576, Tiberios, in order to get assistance from the Turks in the war with Persia that resumed in 573, sent them an embassy with Valentine at the head. This embassy sailed on ships through Sinope to Chersonesos and thence by sea along the southern coast of the Crimea to Bosphoros [2; 28]. In Jordanes' words, Cherson received goods delivered by Asian merchants [41, c. 37].

In 576, the Turks and their allies Utigurs [8, c. 12–14] seized Bosphoros, [28] burning and destroying urban quarters on Mitridat hill and in the coastal area; in 581, they menaced Cherson. A fragment of inscription discovered at the southern defensive wall: «This wall [or tower] was built... under [our most pious masters Justin] and Sophia... and under [works]... of the doux [of Cherson]... his serene highness Theagenes» [19, c. 213–214] documents the appearance of the doux in this city [21, c. 560]. In frontier areas, doux commanded local army and headed civil administration [42, c. 282–283]. Obviously, the mentioned events forced the administration of Justin II (565–578) to rearrange the government of the Byzantine possessions in the Crimea and to strengthen the defences of Cherson. An inscription from Taman peninsula informs that stratelates and doux of Cherson Eupaterios by name restored a «kaiser's house» in Bosphoros [10, c. 671–672]. This document informs that the imperial power was restored in Bosphoros and the imperial possessions in the Crimean peninsula were governed by single administration of the doux of Cherson [27, c. 89–90].

However, the quarters in the city of Bosphoros remained not restored throughout the seventh century. My excavations in the city centre discovered that only one of the three burnt down houses was restored. A Christian cemetery was arranged on the side of Mitri-

dat hill and above the ruins of the fishermen's quarter mentioned above. They continued to salt fish in cisterns located in the maritime area of the city [12, c. 140–141].

According to scant accounts of written sources, the seventh-century Chersonesos remained the main Byzantine port city in the Crimea keeping wide trade connections. These connections are also documented by the seventh-century seals of Byzantine kommerkiarioi discovered in Cherson, including the seal of the general kommerkiarios of the apotheke of Constantinople from 688/689 [18, c. 305–206]. A letter written by Roman pope Martin I informs us that the empire imported salt from the city [4, c. 179, 187].

Cherson was a place where delinquents were sent to exile by sea. According to the scholia on the Life of Euprepios (died in 655) and Theodoros (died in 667) in the *Collectanea* by Anastasios the Librarian from the ninth century, [24; 45; 57] they were banish to Cherson. In 655, pope Martin was exiled to Cherson [4, c. 179].

Theophanes, Nikephoros, and Ananias of Širak inform of the Khazar expansion into the Pontic steppe between 660 and 665 [21, c. 330–332]. Nikephoros wrote that the Khazars «invaded with complete impunity» all the settlements at the Pontos [47, c. 88–89]. There is a thick layer of conflagration with a coin from 654–659 discovered in the seaside part of the Bosphoran own, informing about the terminus post quem for the Khazar invasion to the northern Black Sea area. The date of this fire corresponds to the «Armenian Geography» account that the Khazars occupied the northern Black Sea area before 665 [3, 25, 40].

From the information of Theophanes [56, c. 519–523] and Nikephoros [47, c. 106–109] on the events related to Justinian II's exile to Cherson in 695, we might reasonably suppose that the Khazars conquered almost all the Crimea. Theophanes mentions Papatzys, the governor of Phanagoreia, and Baltizis, the archon of Bosporos [22]. Nikephoros refers to the governor of Phanagoreia as the «archon of his [khagan's] tribesmen.» [22, 47]. A. A. Vasiliev has considered that the terms κ προσπου ανδ ρχων are Greek interpretations of Turkish term tudun [22, 57]. The word Βαλγτζις ισ Turkish, with its etymology derived from Turkish Bulgi (Bolgi)tsi, Balgichi, «governor.» [36, 46, 49, 59]. The tenth-century Khazar-Hebrew document from Cambridge calls the khagan's governor of the Asiatic Bosporos BWLSSY (baliqci). He also was HMQR (hapaqid), and this Hebrew word signifies the «commander of a troop or a garrison» [38, c. 116–117]. The cited sources are unequivocal about the Khazar occupation of the port cities of Bosporos and Phanagoreia, so they established control over the Strait of Bosporos, the most important section of the way from Byzantium to the Azov Sea and thence to Asia.

The port town of Sudak was first mentioned in the «Cosmography» by an anonymous author of Ravenna from the late seventh century under the name of «Sugdabon» (from Greek Sougdaia) [5, 54]. The Sougdoi probably migrated to the south-eastern Crimea in the last quarter of the seventh century, being pressed by the Khazars. It was the Byzantine name of the Adygians who lived at the lower reaches of the Kuban river. They established trading and industrial settlement of Sougaia on the sea coast. The earliest in Sudak is a seal from 696/697, of Kyriakos, apohypatos and general kommerkiarios and general logothetes of Constantinople [23, c. 120–121]. In the first half of the eighth century, dynamically growing economy of the eastern Crimea made Sougdaia an important Khazar port in the area. They probably created their customs in the city in the early eighth century. There

are more than 400 Byzantine seals from the eighth to twelfth century discovered in the water area of the port. V. S. Shandrovskaia has published the mentioned seal of Kyriakos and those of general kommerkiarioi of the apothekai of Honorias, Paphlagonia, and Pontic coast imperial balnitor Anastases and hypatos John from the period of joint reign of Leo III and Constantine V in 720–741, as well as of the «imperial kommerkia of the eparchies in Opsikion, protected by God» from 745/746, [23, 55] supplying information that Sougdaia conducted direct trading with Constantinople and Byzantine ports in the Asia Minor.

List of references and literature

1. Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря / М. В. Агбунов. – Москва, 1987.
Agbunov M. V. Antichaja locia Chernogo moria / M. V. Agbunov. – Moskva, 1987.
2. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь, 1999.
Ajbabın A. I. Etniceskaja istorija rannevizantijskogo Kryma / A. I. Ajbabın. – Simferopol, 1999.
3. Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2000. – Вып. 7. – С. 168–185.
Ajbabın A. I. Khazarskij sloj v Kerchi / A. I. Ajbabın // Materiali po arxeologii. Istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol, 2000. – Vyp. 7. – S. 168–185.
4. Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма / О. Р. Бородин // Причерноморье в средние века. – Москва, 1991. – С. 173–190.
Borodin O. R. Rimskij papa Martin I i ego pisma iz Kryma / O. R. Borodin // Prichernomorie v srednie veka. – Moskva, 1991. – S. 173–190.
5. Васильевский В. Г. Труды / В. Г. Васильевский. – Петроград, 1915. – Т. 3.
Vasilevskij V. G. Trudy / V. G. Vasilevskij. – Petrograd, 1915. – T. 3.
6. Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия / Ю. Г. Виноградов // Вестник древней истории. – М., 1998. – № 1. – С. 233–247.
Vinogradov Ju. G. Pozdneantichnij Bospor i rannij Vizantij / Ju. G. Vinogradov // Vestnik drevnej istorii. – M., 1998. – № 1. – S. 233–247.
7. Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491/2 г. / Ю. А. Кулаковский // Материалы по археологии России. – М., 1891. – Вып. 6. – С. 1–30.
Kulakovskij Ju. A. Kerchenskaj xristianskaj katakomba 491/2 g. / Ju. A. Kulakovskij // Materiali po arxeologii Rossii. – M., 1891. – Vyp. 6. – S. 1–30.
8. Кулаковский Ю. А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. / Ю. А. Кулаковский // Византийский Временник. – 1896. – Т. 3. – С. 1–17.
Kulakovskij Ju. A. K istorii Bospora Kimmerijskogo v konce VI v. / Ju. A. Kulakovskij // Vizantijskij Vremennik. – 1896. – T. 3. – S. 1–17.
9. Кулаковский Ю. А., Сони А. И. ed. and trans Ammianus Marcellinus // Римская история. – Санкт-Петербург, 1996.
Kulakovskij Ju. A., Soni A. I. ed. and trans Ammianus Marcellinus // Rimskaj istorij. – Sankt-Peterburg, 1996.
10. Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике / В. В. Латышев // Византийский Временник. – 1894. – Т. 1. – С. 657–672.
Latihev V. V. Etyudy po vizantijskoj epigrafike / V. V. Latihev // Vizantijskij Vremennik. – 1894. – T. 1. – S. 657–672.
11. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – Санкт-Петербург, 1896.
Latihev V. V. Sbornik greceskikh nadpisej xristianskix vremen iz Juzhnoj Rossii. – Sankt-Peterburg, 1896.
12. Макарова Т. И. Боспор-Корчев по археологическим данным / Т. И. Макарова // Византийская Таврика. – Киев, 1991. – С. 121–146.
Makarova T. I. Bospor-Korcev po arxeologiceskim dannym / T. I. Makarova // Vizantijskaj Tavrika. – Kiev, 1991. – S. 121–146.

13. Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография / Н. В. Пигулевская. – Санкт-Петербург, 2011.
Pigulevskaiya N. V. Sirtijskaiya srednevekovaya istoriografiya / N. V. Pigulevskaiya. – Sankt-Peterburg, 2011.
14. Сарновский Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. – Warschau, 2000.
Sarnovskij T., Savelya O. J. Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatiliche Yupitera Dolixena. – Warschau, 2000.
15. Скржинская М. В. Перипл Понта Евксинского анонимного автора / М. В. Скржинская // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – Киев, 1980.
Skrchinskaya M. V. Peripl Ponta Evksinskogo anonimnogo avtora / M. V. Skrchinskaya // Issledovaniya po anticnoj arheologii Severnogo Prichernomoria. – Kiev, 1980.
16. Смокотина А. В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора / А. В. Смокотина // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2008. – Вып. 14.
Smokotina A. V. Keramicheskij kompleks vtoroj poloviny VI v. iz raskopok g. Bospora / A. V. Smokotina // Materiali po arheologii. Istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol, 2008. – Вып. 14.
17. Смокотина А. В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора / А. В. Смокотина // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2009. – Вып. 15.
Smokotina A. V. Htampy na rannevizantijskoj krasnolakovoj keramike iz raskopok g. Bospora / A. V. Smokotina // Materiali po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol, 2009. – Вып. 15.
18. Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса / И. В. Соколова // Византийский Временник. – 1991. – Вып. 52. – С. 201–213.
Sokolova I. V. Vizantijskie pechati VI – pervoj poloviny IX v. iz Xersonesa / I. V. Sokolova // Vizantijskij Vremennik. – 1991. – Вып. 52. – С. 201–213.
19. Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма / Э. И. Соломоник // Византийский Временник. – 1986. – Вып. 47. – С. 210–218.
Solomonik E. I. Neskolko nobyx grecheskix nadpisej srednevekovogo Kryma / E. I. Solomonik // Vizantijskij Vremennik. – 1986. – Вып. 47. – С. 210–218.
20. Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV веке / К. Цукерман // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1994/1995. – Вып. 4. – С. 545–561.
Cukerman K. Episkopy i garnizon Xersonesa v IV veke / K. Cukerman // Materiali po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol, 1994/1995. – Вып. 4. – С. 545–561.
21. Цукерман К. Хазары и Византия : первые контакты / К. Цукерман // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2001. – Вып. 8.
Cukerman K. Hazary i Vizantiya : pervye kontakty / K. Cukerman // Materiali po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol, 2001. – Вып. 8.
22. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – Москва, 1980.
Cicurov I. S. Vizantijskie istoricheskie sochineniya : «Hronografiya» Feofana, «Breviarij» Nikifora. – Moskva, 1980.
23. Шандровская В. С. Таможенная служба в Сугдее VII – X вв. / В. С. Шандровская // Византия и средневековый Крым. – Симферополь, 1995.
Handrovskaya V. S. Tamochennaya sluchba v Sugdee VII – X vv. / V. S. Handrovskaya // Vizantiya i srednevekovyj Krym. – Simferopol, 1995.
24. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI – X веках по Р. Хр. – Москва, 1908.
Hestakov S. P. Oчерki po istorii Hersonesa v VI – X vekax po R. Hr. – Moskva, 1908.
25. Aibabin A. 2006. «Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea.» La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris: 31-65.
26. Ajbabin A. I. 2010. «Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson» Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Monographien RGZM 84,2,1. Mainz.
27. Ajbabin A.I. 2011. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums 98. Mainz.

WRITTEN SOURCES ON BYZANTINE PORTS IN THE CRIMEA
FROM THE FOURTH TO SEVENTH CENTURY

28. Blockley R. C. 1985. The history of Menander the Guardsman. Liverpool.
29. Charles R. H. 1916. The chronicle of John (c. 690 A. D.) coptic bishop of Nikiu. London and Oxford.
30. Georgius Cedrenus. 1838. Compendium historiarum. Ed. Bekker I. Bonn, 2 vol. CSHB.
31. Codex Theodosiani, MCCCCV. Ed. Th. Mommsen and P. Meyer. I–II. Berlin.
32. Dagron G. 1968. «L'Empire Roman d'orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme.» TM 3. Paris: 1–242.
33. Dagron G. 1974. Naissance d'une capitale. Paris.
34. Dagron G. 2000. «Crimée ambiguë (IV – Xe siècles).» *Материалы по археологии истории и этнографии Таврии VII*: 289–301.
35. Dunlop D. M. 1954. The history of the jewish Khazars. Princeton.
36. Feissel, D. 1987. «Nouvelles données sur l'institution du ⲛⲟⲩⲉⲛⲟⲩⲟⲩⲟⲩ τῆς πλεως.» Ed. G. Dagron and D. Feissel. *Inscriptions de Cilicie*. Paris : 215 - 220.
37. Feissel D. 2004. «L'empereur et l'administration impériale.» Ed. C. Morisson. *Le Mond Byzantin I*. Paris : 79–110.
38. Golb N. and Pritsak O. 1982. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca, London.
39. Hamilton F.J. and Brooks E.W. 1899. The Syrian chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. London.
40. Hewsen, 1992. R.H. *The Geography of Ananias of Širak. The Long and the Short Recensions*. Wiesbaden.
41. Iordanis, MDCCCLXXXII. *Romana et Getica*. Recensuit T. Mommsen. *Monumenta germaniae historica V*. Berlini.
42. Jones A. H. M. 1973. *The Late Roman Empire 284-602*. Vol. I–II. Oxford.
43. Landulfus Sagax. 1877. *Addimenta ad Pauli Historiam Romanam*, ed. H. Droysen (*Monumenta Germaniae Historica*, AA, 2), Berlin: 227–376
44. Joannis Malalae 1831. *Chronographia*. Ed. Dindorf L. Bonnae.
45. Migne J. P. 1864. *Patrologie Cursus Completus. Series Latina*. CXXIX. Paris.
46. Minorsky V. 1960. «Balgitzi – «Lord of the Fishes» *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 56. Vienna: 130–137.
47. Nikephoros patriarch of Constantinople, 1990. *Short history*. Text, tr. and com. Mango. C. Washington.
48. *Oxford Dictionary: The Oxford Dictionary of Byzantium*. – New York : Oxford, 1991.
49. Pritsak O. Review. *Studies on the Khazar Problem*, published by the Polish Academy // *Der Islam*. – 1949. – Band 29.
50. Procopius, 1964. *De Aedificiis*. Ed. Haury J. and Wirth G. Leipzig.
51. Procopius, 1963. *De bello Persico*. Ed. Haury J. and Wirth G. Leipzig.
52. Procopius, MCMLXIII. *De Bello Gotico. Opera Omnia*. Ed. Haury J. and Wirth G. *Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. II*. Lipsiae.
53. Pekkanen Tuomo, 1979. «The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymous Ravennas» *Arctos: Acta Philologica Fennica* 13. Helsinki: 111–128.
54. *Ravennatis anonymi cosmographia et Gvidonis geographika*. 1860. Berolini.
55. Šandrovskaja, V. 1993. «Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak.» *Studies in Byzantine Sigilography* 3. Washington: 85–99.
56. *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813*. 1997. Text, tr. and com. by Mango C. and Scott R. Oxford.
57. Vasiliev A. A. 1936. *The Goth in the Crimea*. Cambridge.
58. Zosime 1979. *Histoire nouvelle. Tome II. Texte établi et traduit par F. Paschoud*. Paris.
59. Zuckerman C. 1995. «On the date of the Khazars' conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor.» *Revue des études Byzantines* 53. Paris: 237–270.

Айбабин А. И. Письменные источники о византийских портах в Крыму в четвертом – седьмом веках / А. И. Айбабин // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 156–166.

В немногословных сообщениях письменных источниках зафиксировано функционирование в IV – VII вв. в Крыму двух крупных портов в городах Боспор и Херсон и гавани в бухте Символов (Балаклава). Херсон являлся крупным транзитным портом на самом коротком морском пути из Византии, начинавшемся в порту Синопа.

В письменных источниках содержатся неоднозначные свидетельства о присоединении Боспора к Византии в первые десятилетия VI в. Город стал важным византийским портом, на берегу Боспорского пролива, через которые проходил пути на Северный Кавказ, в Прикаспийские степи, в Западный Тюркский каганат и в Китай. Юстиниан I, повелел укрепить разрушенные стены города Боспора.

Портовый город Судак впервые упомянут в Космографии Равеннского анонима конца VII в., где он назван Сугдеей «Sugdabon». Вероятно, под давлением хазар в Юго-Восточный Крым в последней четверти VII в. переселились сугды. В первой половине VIII в. благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона.

Ключевые слова: Херсон, Боспор, порт.

Айбабин О. І. Письмові джерела про візантійські порти у Криму в IV–VII століттях / О. І. Айбабин // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 156–166.

У небагатьох згадках письмових джерел зафіксовано функціонування у IV–VII ст. у Криму двох великих портів у містах Боспор та Херсон та гавані у бухті Символів (Балаклава). Херсон був великим транзитним портом на самому курортному морському шляху з Візантії, який розпочинався у порту Сінопу.

У письмових джерелах містяться неоднозначні свідчення о приєднанні Боспору до Візантії у перші десятиліття VI ст. Місто стало важливим візантійським портом, на березі Боспорської протоки, через яку проходив шлях на Північний Кавказ, у Прикаспійські степи, у Західний Тюркський каганат та до Китаю. Юстиніан I звелів укріпити зруйновані стіни Боспору.

Портове місто Судак вперше згадується у Космографії Равенського аноніма кінця VII ст., де від названий Суднеєю «Sugdabon». Скоріш за все, під натиском хазар до Південно-Східного Криму в останній чверті VII ст. переселилися сугди. У першій половині VIII ст. завдяки динамічному росту економіки Східного Криму Сугдея стала важливим хазарським торгівельним портом регіону.

Ключові слова: Херсон, Боспор, порт.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Э. Б. Петрова

д.и.н., проф. Е. В. Смынгына

MOLDOVA AND FEODORO PRINCIPALITY BEFORE THE FACE OF THE OTTOMAN EXPANSION

Gertsen A. G.

*Taurida National V. I. Vernadsky University, Simferopol, Crimea, Ukraine
E-mail: gertsenag@yandex.ru*

The article is devoted to the events of the last months of the existence of the Principality Theodoro, where an active role was played by the ruler of Moldova Stephen the Great. In a complex political environment, typical for the Northern black sea in the second half of the XV century. there is active diplomatic activity aimed at establishment between the states of the region political relations aimed at creating antiosman coalition. The most active participants of this activity was the Moldovan Principality, Mangup (Theodore) and the Hungarian Kingdom. The conclusion of the marriage union and political union between Suchava and Mangup lead researchers on the assumption about the claims of Stephen, in the case of the expulsion of the Turks, on the throne restored Byzantium or, at least, become the ruler of the principality Theodoro. Trying to find the possibility of combating the increasing threat of Turkish invasion, Mangup prince Isaac in response to the desire of the Northern neighbour on strengthening its Byzantine pedigree, led successful negotiations about marrying princess of Mangup whose name remains unknown, for the son of the great prince of Moscow Ivan III, Ivan the Young. This union prevented the capture by the Turks Mangup. The feeling of the inevitability of the Turkish invasion, the prince Isaac tried to establish friendly relations with Mehmed II. Probably, this was negatively perceived as his subjects, and allies. The most severe was the reaction from the side of Stephen III. According to A. A. Vasiliev, he actually gave rise to the palace coup of Theodoro. Before the Turkish invasion was unstable political situation not only in the principality. Internal political conflict erupted and in the Crimean khanate, was overthrown by Khan Mengli-Girey. His flight to the Genoese and the appeal of the Tatar nobility for help to Mehmed II became the pretext for a military invasion of the Turks on the peninsula. The Turkish Navy with the expeditionary force led by Grand vizier Keduk Ahmed Pasha may 31 appeared in minds Kaffa and June 6, the city opened the gate to the winner. XV century Kaffa capture was to Stephan the Great sign of the strengthening of the Turkish threat to his possessions. He's trying to get help from his suzerain, the Hungarian king Matthew Corvin, shrewdly hinting in his letter about the increase of the common threat of an invasion by the Turks, both for Moldova and Hungary. After the capture of the city, Soldaya and other Genoese fortress on the southern coast, it was the turn of the possessions of Mangup. Turkish siege was the culmination of a life Mangup fortress. The company has identified its strengths and weaknesses. Here there was a meeting of the late Roman fortification with the latest siege weapons. As Constantinople, Mangup met Turkish siege on the borders created in early medieval era. The courage of the city defenders of the city was tested new weapons Turks, which had not only a destructive force, but also a huge psychological impact, especially on those who knew about the guns only by hearsay. Mangup defenders flinched at the sight of guns. Probably, an important role was played by soldiers from the squad sent to Stefan the Great. They already had considerable experience in battles with the Turks, and to be familiar with artillery already widely used on the Balkan theater of operations. During the attacks on the walls remained hour, watching the Janissaries not getting to the walls and unexpected throw seized them. Final events of the siege, not reflected in the written sources are reconstructed on the basis of archaeological materials. The heroic defence of Mangup no doubt, for some time to put the brakes on the Turkish conquest of the most important cities-fortresses in the North-West coast of Black sea. Only in 1484 sultan Bayazid, successor Mehmed II, managed to seize Kiliya and Monkastro (Ackerman). Thus, the action of Stephan the Great in support of the prince Alexander, can be seen not only as a purely political action directed on change of the ruler, but also as an attempt to implement the idea of strategic antiosman defence in the Black sea basin. Military and diplomatic activity of Stephan Great in this field sets out a number of governors of other countries in the region. Unfortunately these steps first have no support, secondly, they are very late before the face of the immensely increased the Ottoman Empire, invaded the Balkan countries and the remains of the Byzantine Empire.

Keywords: Moldova, Feodoro principality, Mangup, Ottoman Empire, Stefan the Great, Mehmed II.

The complex political situation, typical for Northern Black Sea coast in the second half of the fifteenth century, was accompanied by active diplomatic actions aimed at establishment of antiosman coalition. The most active participants of this activity were Moldavian, Mangup (or Feodoro) principalities and Hungarian kingdom [1]. The little Principality in the south-western part of Crimean peninsula found itself in a whirlpool of events that sharply changed the political map of the region. Now some words about biography of Mangup city as it seen according to archaeological and written sources. To make it more vivid I am going to show some slides. There you will be able to see the major sites of our long-term researches.

So we determined the following phases of evolution of the settlement at Mangup plateau.

1. Pre-fortress period: (middle of third – middle of fourth century). Only the upper parts of the valleys were inhabited at the plateau. The population mostly consisted of Goths and Alans. Christianity was gradually spread among them.

2. Early Byzantium fortress period (sixth-eighth century). Construction of powerful defensive system, Grand Basilica was built in the centre of the plateau.

3. Khazars period (end of eighth – first half of ninth century). Khazars captured the fortress for the short period. The local economy strengthened.

4. Thema period (middle of ninth – tenth centuries). The fortress is back under the Byzantine authority.

5. Period of neglect (ninth – thirteenth centuries)

6. Early-Feodoro period (fifteenth century). The town blocks appear at the plateau, citadel is formed at Teshkli-Burun Cape; at the end of the century the town is devastated by Tamerlan's forces.

7. Late Feodoro period (first – third quarter of fifteenth century). Revival of Feodoro principality, reconstruction of citadel, palace and Basilica, the second defensive line was built.

8. Turkish period (end of fifteenth century – seventieth of eighteenth century). After the town was captured by Turks (1475) it gradually falls into neglect and totally abandoned by the residents (karaites) at the very end of eighteenth century [2].

Rise of the Turkish threat caused ideological reaction in neighbouring countries. It was expressed by strengthening of interest to Byzantine legacy. Twenty years after the fall of Constantinople rush for a «purple» bride has started. In a single year, 1472, two marriages took place at the highest state level. Ivan the Third, the great prince of Moscow married Sofia Paleolog the niece of the last Byzantine emperor Constantine the Twelfth. By this Moscow showed claim for role of the Third Rome.

The same year political relations between Feodoro principality and Moldavia were secured by marriage between Stephen the Third and Prince Isaac's sister (?) Maria, known as Maria Mangupian. The bride arrived to the court on September 4th, 1472, and the day after the marriage was concluded [3]. By this act the commander gained relationship to Paleologs and other noble Byzantine families, who were mentioned in the genealogical tree of his bride.

There is still true remark of Romanian historian Banescu (1935) regarding the origin of Mangup ruling dynasty that this subject is not clear up to now [4]. Last years the popular hypothesis that the dynasty had Armenian Byzantine-Trabzond roots is criticised. Ac-

ording to it the origin of the dynasty derives from the noble family of Havras which representatives were exiled to Kherson in twelfth century [5]. However there is no other strong evidence of this version beside the similar pronunciation of this name and Prince's surname Hovr-Hovrin [6].

Austrian philologist H.-F. Bayer relying on Romanian anonymous German-language chronicle where Stephen's the Third wife was called Circassian assumes her Northern Caucasus origin [7]. However that should be considered that in fourteenth-sixteenth centuries Alans which appeared in Taurica at least in the fourth century were called Circassian [8]. Medieval city ruined by emir Nogai horde in the end of thirteenth century and neighbouring village located in the vicinity of Mangup were called Circassian-Kermen. This name was recorded by Martin Bronevsky in 1578 [9]. Alans and Goths were the major ethnic component that formed medieval population of mountainous and coastal areas of peninsula [10]. Information about Goths and Alans in Crimea who preserved their ethnic identity is mentioned many times in the medieval written sources. There is one more important issue to be noted. H. -F. Bayer supposed that offspring of Mangup dynasty prince Ioann who died in Trabzond is the same person Ioann Tsirias it est Circassian, who died in 1435 and buried in George Peristerion monastery near Trabzond. In case the hypothesis about Ioann's nickname is correct, we can suppose carefully the Alanic origin of Maria Mangupian. By the way, Ioann who married Maria Asanina Paleolog Tsambalokonin was the brother of Maria from Feodoro the first wife of Trabzond tsar's son David the Great Comnin [11]. This marriage opened the new epoch of international recognition of Mangup Principality.

The most important source for research of the issue of Mangup dynasty origin is Maria's funeral pall kept in Putna monastery. Emblems of Paleologs and Asens depicted on it suggest kindred relationship of Mangup family and those noble families of the Empire. There are no hints at Hovrs or Havras present on this relic. Indirectly connection of Asens to family tree of Mangup elite is confirmed by fragment of lime-stone slab discovered during excavation of the Virgin church at the centre of Mangup plateau. Unfortunately its top part is missing but obviously there was reared heraldic animal depicted on it, most probably lion that was the emblem of Asens.

Marriage and political union between Suchawa and Mangup suggested to scientists that Stephen had claims for the throne of reconstructed Byzantium in case of Turk's defeat, or at least for ruling Feodoro principality. Probably these intentions were not secret to Mangup and that brought to deterioration of relations between two principalities. It seems there was prerequisite to implementation of Stephen's Crimean plan – the glorious victory over the Turkish army on January 10th, 1475. Inspired by the triumph Stephen entered into negotiations with Genoese Kafa to establish the union to fight against Crimean khan and Prince of Feodoro Isaac. However rising threat of Turkish invasion prevented Genoese from this risky step against two powerful forces of the peninsula. After Feodoro was captured by Turks, Stephen loose interest to Mangup princess and was enamoured by Maria Voychita, daughter of Radu the Beautiful, prince of Walachia, who became the third wife of the commander after the death of Maria Mangupian on December 19th, 1477. We have to admit that marriage to Stephen the Great the victor over the terrible Osmons was the high honour for the small Crimean principality that was the vassal of Tatars' khan. Perhaps

only high and gained in unclear way title of the bride attracted attention of the warlord who like Ivan III wanted to develop Byzantine subject.

Trying to find possibility to resist the rising threat of the Turkish invasion as a response to attempt of the northern neighbour to strengthen his Byzantine genealogy Prince Isaac negotiated successfully on marriage of Mangup Princess whose name is unknown to son of a Tsar Ivan the Young. This alliance was prevented by capture of Mangup by Turks [12]. Let's notice that after this marriage didn't take place Ivan the Third remained bound to the chosen by him south direction of his policy. In 1483 son of a Tsar Ivan became husband of Helen the daughter of Stephen the Third and Princess Eudoxia who was sister of Kiev Prince Semen Olekovich [13]. However according to the legend he became a victim of this policy having been poisoned by stepmother «despina» Sofia Paleolog.

Feeling the inevitability of Turkish invasion the ruler of Feodoro Prince Isaac tried to establish friendly relations with Mohamed the Second. Probably, it was negatively accepted by his citizens and allies. The harshest reaction was from Stephen the Third. It is A. Vasiliev's opinion, that Stephen in fact inspired coup d'etat in Feodoro. The hint is dropped by the embassy report to Hungarian king Matthew Korwin dated June 1475. It says that Stephen sent his wife's brother Alexander to Mango Principality. Genoese ship conveyed him to the point named by Genoese sources «Yaspo». Probably Laspi bay, 20 km south of Mangup is meant. The area was part of Gothia Capitanate – the territorial division of Genoese Gazaria, with Chembalo fortress (Balaclava) as administrative centre. Probably Genoese administration alarmed by pro-Turkish dispositions of the neighbouring ruler, assisted Stephen's the Third in removal of Isaac and his replacement by more radical Alexander. Stephen provided ship and 300 armed Walachians, who helped Alexander to come to the throne. Those warriors probably formed the backbone of the garrison, which protected Mangup. Most likely this mission met support from within the Principality and first of all from elite, otherwise fast overthrow of Isaac is hardly explainable. According to Genoese source, it took only three days for Alexander «to seize the father's legacy» and to subdue it [14].

According to another version Prince Isaac, whose ruling started in 1471, died in spring or in the begging of summer 1475. He was replaced by the ruler, whose name is unknown, probably the nephew of the late Prince. But soon he was overthrown by Isaac's younger brother Alexander, brother-in-law of Moldavian ruler.

It is important that those events occurred just before Turkish expeditionary corps landed in vicinity of Kafa on May 31, 1475. Thus, overthrow and probably concurrent murder of Isaac or his successor, happened in spring 1475.

At the time before the Turkish invasion political situation was unstable not only at the Principality. Internal political conflict broke out also in Crimean Khanat – Mengli Girey Khan was overthrown. His escape to Genoese and request for help from the Tatars elite to Mohamed the Second became the cause for Turkish military invasion to the peninsula. Turkish fleet with expeditionary corps under command of Grand vizier Keduk Ahmed-Pasha appeared at the sight of Kafa on May 31, landing took place on June 1, and on June 6th the city opened the gates to the victors.

The fall of Kafa for Stephen was a signal of rising Turkish threat to his domain. So he tries to meet support from his suzerain Hungarian king Matthew Corwin, making a hint in his letter on rise of common threat of invasion both for Moldavia and Hungary.

After Kafa, Soldaya and several smaller Genoese fortresses at the southern coast were captured, the turn of Mangup domain had come. The sources inform only on Turkish operations against the capital of Principality and give no information on resistance of other fortifications like Kalamita, which was built at mouth of river Chernaya in 1420th to protect the main and probably the only Principality's seaport. Most likely there were no considerable military operations against those settlements, they surrendered soon or were abandoned by inhabitants.

The best European source for reconstruction of events of Mangup siege is an essay of gunsmith George Nuremberg. His destiny connected him to Stephen the Great to whom he was sent by duke of Bosnia in 1456. Later in 1460 George with his family was captured by Turks and worked for Mohamed the Second for 20 years. In a book about his adventures he briefly mentions that after capture of Soldaya and Kafa, Turks approached city Santodoro (Feodoro), three kings (princes) and 15 thousand persons were there [15].

The quick storm of the fortress was not successful, but three months later it surrendered voluntarily, the kings with their people were killed. The later authors, for example canon from Krakow Matthew Mahovskiy mentioned about two princes who were brothers and the last Gothic Konungs. According to Martin Bronevskiy, Polish diplomat who visited Mangup in 1578, they were uncle and nephew, descended from Trabsond or Constantinople ruler's family. This information Martin Bronevskiy received from abbot of one of the two remaining temples in the deserted city [16].

Theodore Spandunis, the author from the end of fifteenth century – beginning of sixteenth century, using sources that are not available today, informs that Prince of Gothia killed the elder brother and came to power. Mohamed send his biglierbey against the Prince. The siege of the fortress made Prince surrender in exchange to promise to save his life and property. However after he was delivered to Constantinople Mohamed ordered to execute him, allegedly saying that «promise given by my official to be kept by his own». Little son of the Prince was turned into Islam and the author saw him in Constantinople already Turkish-like.

Till recently the best review of Turkish source informing on fall of Mangup was contained in monograph of A. Vasiliev [17]. In addition to it – recently published in MAIET new translation of historical essay of Ashik Pashaoglu «Osman dynastic history», written between 1475–1480 [18]. New, the more precise version of the translation allows to determine certain details of the siege. For example, assumption about two stages of the siege is confirmed. There is important information on the fall of the fortress due to use of war ruse – false Turk's retreat and a strike from an ambush. This information is supplemented by data from the book of Saad-ed-Din (1536–1599) the author of «History of Osman Empire».

By the time military actions began the fortress on Mangup plateau represented powerful fortified complex consisting of three major components. Main defence line provided protection to the entire natural contour of the plateau. Its main line 6600 m long followed the natural inaccessible contour of the plateau added with artificial fortification 1500 m

long. The fortified area of 90 hectares had broken defensive line that is typical for mountainous fortifications. The most dangerous areas – valleys – were crossed by the lines of fortress walls, which form re-entering angle on a plan. Rift valleys in the cliffs were blocked by short walls with flanks joining the cliffs. The three major sections of the area fortified by the Main defence line may be determined: the Northern, Southern and Western fronts. Each front differed by landscape and fortification features. This complex was created in the second half of sixth century by Byzantine military engineers. It fully or partially functioned during the entire history of the settlement [19].

During the existence of Feodoro principality (fourteenth – third quarter of the fifteenth century) with Mangup as a capital, the second defence line was created. It represented continuous belt of walls and towers and protected the developed part of the plateau cutting off the two largest in area capes – Chamnu-Burun and Chufut-Cheargan-Burun. Citadel was created at Teshkli-burun cape which served also as a fortified residence for the principality rulers. The total area of this fortification is 1.2 hectares [20].

There was no other medieval fortress in Crimea with such a developed defence composed of three belts strengthened by natural conditions. Its siege became for the Turkish army one of the hardest military campaigns at the Northern Black Sea Coast. Open grounds surrounding Mangup plateau made numerous blockade troops necessary mostly cavalry rather than infantry. The other problem for besiegers was choice of the site for the major strike. Tactics of war in mountains requires operations at the several sectors in that case. Course of events suggests that besiegers had precise information on strong and weak sections of the fortress. And it is not surprising when taking into account presence of deserters – representatives of the ruling dynasty in Turkish camp. This information came from Turkish authors. The archaeological excavations and written sources made it clear that according to classic requirements of fortress war the siege took place at least at two sectors. This allows to disperse defendants and to increase the effect of sudden storm. However in the beginning Turks launched an attack to the fortress from the South, but unsuccessfully. Two centuries later it was still remembered. That noted by Turkish traveller Evlia Cheleby, who mentioned that 7 thousand janissary died here, although this number is undoubtedly too high, nevertheless it suggests to extensive losses of the besieging part [21]. This was an affect of both natural inaccessibility of the slope and ineffective usage of artillery here. Range of effective cannon fire in the second half of fifteenth – sixteenth centuries was limited to 200 meters, beyond this distance dispersion of shells was too high even the total range reached up to 800 m and more [22; 23]. So, the cannon cast by Urban, sent 600 kilogram cannonballs into distance of 4 km. However, during the siege of Constantinople it was placed 500 steps from the gates of Saint Roman. Information that we have on Turkish artillery usage suggests that it was usually placed not far from the target. The distance from emplacement south of Mangup (250 m) exceeded optimal range for aimed fire of artillery that time. Besides angle at sight was close to 45 degrees that increased dispersion of cannonballs and weakened its effect on the walls because of high trajectory.

The necessity to use artillery more effectively forced Turks to start operations also at the northern side of the plateau at Hamam-Dere valley during the second stage of the siege. Clear evidence of this event well preserved as the main point of bombardment and

assault – fortification A. XIV was not reconstructed in Turkish time or used as a source of bricks unlike the fortifications at the southern edge of the plateau. Exactly this site allowed restoring several details of organisation of the siege. There were fragments of granite cannonballs found in the remaining of the walls. About 20 hit points and even 2 cannonballs stuck in the stone-work were detected. That allowed determining azimuth of firing directory equal to 35 degrees and location of the Turkish battery. The only location to place the battery was the opposite western slope of Elli-Burun cape. Two fortifications – A. XIV and A. XV could be fired at from this site concurrently. There are traces of the road remaining. The road led from the bottom of the valley along the western slope of the cape up to two levelled grounds each 25–30 square metres in size. The grounds were used for the placement of cannons.

The types of artillery used at the northern sector of Mangup siege may be determined sufficiently precisely according to arrays of found cannonballs with steady sizes. At that time every cannon had its own calibre and unification started only after implementation of artillery scale developed by Gartmann – mechanic from Nuremberg in 1540 [24]. There are three types of cannons may be determined: the small ones with calibre of 8, 9, 11, 14 and 15 centimetres called by Turks «shaika»; the medium size with only one calibre detected – 26 centimetres (Turkish name «shaklos» or «pranka»); and the large siege cannons «martin», «eiderdehen», «belemez» (the heaviest one also called «shahy») [25]. The large cannons had calibres of 35, 40 and 42 centimetres. This range corresponds well with known method of artillery usage during siege of fortresses in the second half of fifteenth century. Usually the small cannons were used for adjusting the large ones or they formed the batteries for breaking the wall battlements, bringing down defenders or catapults [26]. Then heavy cannons were employed to destroy the walls. This way Turkish artillery was used against Constantinople [27]. There were about 30 small calibre cannonballs found during excavation of fortification A. XIV. They were made of marble and were usually used by Turkish ship artillery. However the majority of finds is fragments of large calibre cannonballs. Number of large fragments (half to quarter of the cannonball) amounts to several hundreds, the smaller fragments are countless. Material for those shells is granite which could not be mined in Crimea at that time because it is covered with heavy cover of sedimentary rocks.

The firing at two directions at fortifications A. XIV and A. XV lasted long enough, it is suggested by few number of heavy cannons due to lack of space for their allocation and by huge number of cannonball fragments. We have to consider also extremely low fire rate of heavy cannons in fifteenth century. They fired no more than ten shots per day. For example continuous bombardment of Constantinople walls continued for six weeks [28]. Even in the first half of sixteenth century fire rate of 10 shots per day was considered good [29]. Besides, the theory of fortification bombardment was not developed well in fifteenth century. They considered it is easier to break down the wall rather than breach it with convenient way for assault troops [30].

Five assaults of Mangup launched by besiegers prove that theirs artillery haven't made necessary demolition at once. During the assault both sides suffered considerable losses: besiegers – from stones, defenders – from arrows. There were more than hundred arrowheads found, two of them were detected stuck in the bricks of the defensive wall.

Turks used mostly narrow, rhomb shaped in section steel arrowheads. Turkish arrows were mostly short and light with small flight range; they rebounded from plate armour but penetrated chain armour. Usually assault was launched after preparatory bombardment combined with archery, then storm troops with ladders rushed to the attack, archers followed them raining the defenders on the walls with arrows.

The Turkish siege was culmination of life of Mangup fortress. It revealed its strong and weak sides to the maximum extent. Here late Roman fortification met modern siege weaponry. The same way as Constantinople Mangup met Turkish siege at the frontier created in the early medieval times. The walls of Byzantine capital, built under Theodosius the Second (408–450) withstand for two months, Mangup walls – about half a year. Siege of Novo Brdo lasted forty days, siege of Smederevo – three months. Against this background operation at Mangup may be considered as the hardest campaign of Turkish army in South-Western Europe after Constantinople was captured. The obstacle for the besiegers was not only the natural and artificial fortifications. We may assert of high morale of the garrison which was undoubtedly supported by local population who gathered for protection of the city walls. Courage of the defenders was tested with new Turkish weapon, which had not only the destructive power but huge psychological effect especially for those who haven't seen cannons before. This way it was in Smederevo [31]. In 1478 after fortress and Turkish ship squadron saluted ambassador of khan Seid-Ahmed Tatars ran away in panic from the walls of Kafa [32].

Defenders of Mangup haven't loose courage at the sight of cannons. Probably, due to important role of the warriors from the troops sent by Stephen the Great. They already had experience of fighting Turks and were familiar with artillery which was widely employed at Balkan battlefields. During the bombardment sentinels remained at the walls to prevent janissaries from sudden attack and capture. Skeleton of a defender was found at the doors of tower A. 4 under the pile of bricks from the wall that was ruined after cannonball hit. Even after large section of the wall A between tower A. 4 and joint with wall B was ruined Turks still haven't managed to enter the city. It is suggested by new wall 1.4 meter wide created of the bricks from the ruined wall and limestone boulders. The bricks in the new wall have no clear traces of cannonball hits. Probably Turks finally managed to overcome it without new bombardment. It is still hard to point out the exact location where they forced their way to the territory of the city in the end of December, 1475. Possibly it happened in the Camp valley due to its weak natural flanks. However the new translation of Ashik Pashaoglu text allows to consider another version of siege development and its final.

Failure of the first assault made Keduk Ahmed-pasha fall back temporarily, leaving relatively small part of the troops to support the blockade. Later he came back with reinforcement and started the operation again. However this hasn't brought enough progress. Then he used ruse by starting false retreat. Part of the warriors remained in an ambush. They waited till defenders came out of the walls, rushed to the attack and entered the city.

Final events, which are not reflected in written sources, are reconstructed based on materials of archaeological excavation. After the main defence line has fallen the city was doomed. The palace of prince Alexey became separate resistance centre on the plateau. Citadel became the last stronghold for the defenders of the fortress. Resistance here was

offered till the last opportunity. Pieces of marble cannonballs and several fragments of granite cannonballs 26 centimetres in diameter were found in the doorway. The cannon («shaklos») that fired them were used little in Hamam-dere valley. Only one cannonball of this calibre was found there. Probably after citadel garrison's refusal to surrender this cannon was delivered to the new location – Teshkli-burun cape. Its shots sounded as a final event in life of Feodoro principality capital. Undoubtedly the envoys of Stephen the Great were among the last defenders of the citadel who did their duty to the very end. It is symbolic that during excavations the last year there was silver coin dated to the period of his ruling found. It was probably a talisman of the warrior who fought at Mangup walls also for the honour and independence of his Homeland. It seems symbolic that namely the year Mangup fell there was church built in Suchawa in the name of Saint Demetrius who was one of the divine patrons of Feodoro.

Undoubtedly carnage over the defeated was violent. There were tombs found at the plateau of Mangup during excavations of basilica held by N. Barmina. The tombs dated to the last period of temple existence were packed with skeletons – up to seventeen per one. Many skulls had traces of a hit with heavy blunt tool. Many skeletons had limbs cut off. Burials were found in many unexpected places. Hollows of winepresses were used as graves, sometimes bodies were just bestrewn with ground and stones. The last representatives of Mangup prince dynasty ended their lives in Istanbul: Prince Alexander and his male relatives except the youngest one were executed, women were taken to sultan's harem [33].

The destiny of the population of captured Mangup may be realised according to «signature» of Keduk-Ahmed-pasha in the similar situation during capture of Otranto city in Southern Italy. After two week siege Turks having breached the fortress wall entered the city. Almost all male population (12 of 22 thousand persons) was killed; 800 persons who refused to adopt Islam were executed, about 8 thousand persons were enslaved [34]. According to Ashik Pashaoglu after the city has fallen census was held and *cadi* was appointed. Mangup *kadylyk* that included considerable number of settlements in the south coast of Crimea existed till 1783.

List of references and literature

1. Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. / Г. В. Гонца. – Кишинев : Штиинца, 1984. – С. 22.
Gonca G. V. Moldaviya i osmanskaya agressiya v poslednej chetverti XV – pervoj treti XVI v. / G. V. Gonca. – Kishinev : Shtiinca, 1984. – S. 22.
2. Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro / A. Gertsen // 31 Annual Byzantine Studies Conference, October 28–30, 2005 / The University of Georgia Athens. – Georgia, 2005. – P. 41.
3. Bogdan I. Cronicile slavo-romane din sec. XV – XVI / I. Bogdan. – București, 1959. – P. 57–58 ; Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. – Москва : Наука, 1976. – С. 27 (Бистрицкая летопись 1359–1507 гг.), 64 (Путнянская I летопись 1359–1526 гг.), 118 (Молдавско-польская летопись 1352–1564 гг.).
Slavyano-moldavskie letopisi XV–XVI vv. – Moskva, 1976. – S. 27 (Letopis Bystricy), 64 (Letopis Putny I), 118 (Moldavsko-polskaya letopis 1352–1564 gg.).
4. Bănescu N. Contribution a l'histoire de la seigneurie de Théodoro-Mangoup en Crimée / N. Bănescu // Byzantinische Zeitschrift. – 1935. – P. 26.
5. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea / A. A. Vasiliev. – Cambridge, Mass., 1936. – P. 153–158.

6. Степаненко В. П. Князя Феодоро и византийская аристократия XV в. / В. П. Степаненко // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции в Севастополе, Симферополь, 1997. – С. 76–77 ; Idem. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии / В. П. Степаненко // Историография Балканского средневековья. – Тверь, 1990. – С. 87–95 ; Idem. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. / В. П. Степаненко // АДСВ. – 2001. – № 32. – С. 335–353.
- Stepanenko V. P. Knyaz'ya Feodoro i vizantiiskaya aristokratiya XV v. / V. P. Stepanenko // Vizantiya i Krym. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii v Sevastopole, Simferopol, 1997. – S. 76–77 ; Idem. Legenda o Gavrah i Hersones v russkoj i sovetskoj istoriografii / V. P. Stepanenko // Istoriografiya Balkanskogo srednevekov'ya. – Tver, 1990. – S. 87–95 ; Idem. Vladeteli Feodoro i vizantiiskaya aristokratiya XV v. / V. P. Stepanenko // ADSV. – 2001. – № 32. – S. 335–353.
7. Байер Х. -Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро / Х. -Ф. Байер. – Екатеринбург, 2001. – С. 205, 224–226.
- Bajer H. -F. Istorija krymskih gotov kak interpretaciya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro / H. -F. Bajer. – Ekaterinburg, 2001. – S. 205, 224–226.
8. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей / Ю. А. Кулаковский. – Киев, 1899.
- Kulakovskii Y. A. Alany po svedeniyam klassicheskikh i vizantiiskikh pisatelej / Y. A. Kulakovskii. – Kiev, 1899.
9. Broniovis Martinus. Tartariae description cum tabula geographica eiusdem Chersonesus Tauricae / Martinus Broniovis. – Coloniae, 1595; Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен / А. И. Айбабин // МАИЭТ. – 1991. – Т. 2. – С. 43–51.
- Ajbabin A. I. Osnovnye e'tapy istorii gorodishcha E'ski-Kermen / A. I. Ajbabin // MAIET. – 1991. – T. 2. – S. 43–51.
10. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь, 1999. – С. 230.
- Ajbabin A. I. E'tnicheskaya istoriya rannevizantiiskogo Kryma / A. I. Ajbabin. – Simferopol, 1999. – S. 230.
11. Байер Х. -Ф. Указ. соч. – С. 392. Bajер Н. -Ф. Указ. соч. – С. 392.
12. Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 / А. Малиновский // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 187.
- Malinovskii A. Istoricheskoe i diplomaticheskoe sobranie del, proishodivshih mezhdru rossiiskimi velikimi knyaz'yami i byvshimi v Krymu tatarskimi caryami s 1462 po 1533 / A. Malinovskii // ZOOID. – 1863. – T. 5. – S. 187.
13. Семенова Л. Е. Некоторые аспекты международной политики Молдавского княжества во 2-й пол. XV в. / Л. Е. Семенова // Юго-Восточная Европа в средние века. – Кишинев, 1972. – Вып.1. – С. 219–220.
- Semenova L. E. Nekotorye aspekty mezhdunarodnoj politiki Moldavskogo knyazhestva vo 2-j pol. XV v. / L. E. Semenova // Yugo-Vostochnaya Evropa v srednie veka. – Kishinev, 1972. – Vyp. 1. – S. 219–220.
14. Vasiliev A. A. Op. cit. – P. 244–245.
15. Vasiliev A. A. Jörg of Nuremberg, a righter Sovremennik with the fall of Constantinople / A. A. Vasiliev // Byzantion. – 1935. – Т. 10. – P. 203–210.
16. Broniovis Martinus. Op. cit.
17. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – P. 249–266.
18. Хайбуллаева Ф. Х. Новый турецкий источник по истории Крыма / Ф. Х. Хайбуллаева // МАИЭТ. – 2001. – Т. 8. – С. 362–365 ; Герцен А. Г. По поводу новой публикации источника турецкого источника о завоевании Крыма / А. Г. Герцен // Там же. – С. 366–387.
- Hajbullaeva F. H. Novyi tureckii istochnik po istorii Kryma / F. H. Hajbullaeva // MAIET. – 2001. – T. 8. – S. 362–365 ; Gertsen A. G. Po povodu novej publikacii tureckogo istochnika o zavoevanii Kryma / Gertsen A. G. // Tam zhe. – S. 366–387.
19. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа / А. Г. Герцен // МАИЭТ. – 1990. – Т. 1. – С. 125–138.
- Gertsen A. G. Krepostnoj ansambl' Mangupa / A. G. Gertsen // MAIET. – 1990. – T. 1. – S. 125–138.
20. Герцен А. Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро / А. Г. Герцен // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 38–45.

Gercen A. G. Oboronitel'naya sistema stolicy knyazhestva Feodoro / A. G. Gercen // Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyah Vostoka i Zapada v XII – XVI vv. – Rostov-na-Donu, 1989. – S. 38–45.

21. Эвлия Челеби. Книга путешествия : Крым и сопредельные области : извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Эвлия Челеби. 2 изд. : исправленное и дополненное. – Симферополь, 2008. – С. 75.

E'vliya Chelebi. Kniga puteshestviya : Krym i sopredel'nye oblasti. Izvlecheniya iz sochineniya tureckogo puteshestvennika XVII vek / E'vliya Chelebi. 2 izd. : ispravlennoe i dopolnennoe. – Simferopol', 2008. – S. 75.

22. Яковлев В. В. Эволюция долговременной фортификации / В. В. Яковлев. – М. : Воениздат, 1931. – С. 52.

Yakovlev V. V. E'voluciya dolgovremennoj fortifikacii / V. V. Yakovlev. – M. : Voengiz, 1931. – S. 52.

23. Арендт В. В. К истории средневековой артиллерии (генезис и развитие пушек XIV в.) / В. В. Арендт // Труды Института истории науки и техники. – М., 1936. – Вып. 7. – С. 306.

Arendt V. V. K istorii srednevekovoj artillerii (genezis i razvitie pushek XIV v.) / V. V. Arendt // Trudy Instituta istorii nauki i tehniki. – M., 1936. – Vyp. 7. – S. 306.

24. Мандрыка А. П. История баллистики (до середины XIX в.) / А. П. Мандрыка. – М. ; Л., 1964. – С. 14.

Mandryka A. P. Istoriya ballistiki (do serediny XIX v.) / A. P. Mandryka. – M. ; L., 1964. – S. 14.

25. Дероко А. Наістарніє ватрено оружје у средњевековној Србији / Дероко А. // Глас САН. – № 246. – Отдельна друштвених наука. – Београд, 1961. – Кн. 9. – С. 31.

Deroko A. Naistarije vatrene oruzhie u sredn'evеkovnoj Serbii / A. Deroko // Glas SAN. – № 246. – Otdel'n'a drushtvenih nauka. – Beograd, 1961. – Kn. 9. – S. 31.

26. Иохер А. Осадная война или атака крепостей / А. Иохер. – СПб., 1880. – С. 64.

Ioher A. Osadnaya vojna ili ataka krepostej / A. Ioher. – SPb., 1880. – S. 64.

27. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси. – М. : Художественная литература, 1982. – С. 227.

Povest' o vzyatii Car'grada turkami v 1453 g. // Pamyatniki literaturi Drevnej Rusi. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1982. – S. 227.

28. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. / С. Рансимен. – М., 1983. – С. 93.

Ransimen S. Padenie Konstantinopolja v 1453 g. / S. Ransimen. – M., 1983. – S. 93.

29. Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV – XV вв. / А. М. Беленицкий // Известия Таджикского филиала АН СССР. Сер. : «История и этнография». – Сталинабад, 1949. – Вып. 15. – С. 28.

Belenickii A. M. O pojavlenii i rasprostranении ognestrel'nogo oruzhiya v Sredenej Azii i Irane v XIV – XV vv. / A. M. Belenickii // Izvestiya Tadzhijskogo filiala AN SSSR. Ser. : «Istorija i etnografiya». – Stalinabad, 1949. – Vyp. 15. – S. 28.

30. Пашкевич В. Стрельба из артиллерийских орудий и ручного оружия / В. Пашкевич. – СПб., 1882. – С. 209.

Pashkevich V. Strel'ba iz artillerijskih orudii i ruchnogo oruzhiya / V. Pashkevich. – SPb., 1882. – S. 209.

31. Милятович Ч. Деспот Чурач Бранкович / Ч. Милятович. – Београд, 1980. – Т. 1. – С. 265 ; Смирнов В. Д. Крымское ханство под главенством Османской Порты до начала XVIII в. / В. Д. Смирнов. – СПб., 1887. – С. 291–292.

Miiyatovich Ch. Despot Churach Brankovich / Ch. Miiyatovich. – Beograd, 1980. – T. 1. – S. 265 ; Smirnov V. D. Krymskoe hanstvo pod glavenstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII v. / V. D. Smirnov. – SPb., 1887. – S. 291–292.

32. Смирнов В. Д. Указ. соч. – С. 291–292.

Smirnov V. D. Ukaz. soch. – S. 291–292.

33. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – P. 262–263.

34. Новичев А. Д. История Турции / А. Д. Новичев. – Л., 1963. – С. 50.

Novichev A. D. Istorija Turcii / A. D. Novichev. – L., 1963. – S. 50.

Герцен А. Г. Молдова и княжество Феодоро перед лицом османской экспансии / А. Г. Герцен // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 167–179.

Проанализированы события последних месяцев существования княжества Феодоро, в которых активную роль играл господарь Молдовы Стефан Великий. В сложной политической обстановке, характерной для Северного Причерноморья во второй половине XV века, развивается активная дипломатическая деятельность по установлению между государствами региона политических отношений, направленных на создание антиосманской коалиции. Наиболее активными участниками этой деятельности стали Молдавское княжество, Мангуп (Феодоро) и Венгерское королевство. Заключение брачного и политического союза между Сучавой и Мангутом вызывало у исследователей предположение о претензиях Стефана, в случае изгнания турок, занять трон восстановленной Византии или, по крайней мере, стать правителем княжества Феодоро. Пытаясь найти возможность борьбы с растущей угрозой турецкого вторжения, в ответ на желание северного соседа укрепить свою византийскую родословную, князь Исаак вел переговоры о женитьбе сына великого князя Московского Ивана III Ивана Молодого на мангупской княжне, чье имя осталось неизвестным. Чувствуя неизбежность вторжения турок, князь Исаак пытался также наладить дружественные отношения с Мехмедом II. Вероятно, это было негативно воспринято как его подданными, так и союзниками. Самой резкой была реакция со стороны Стефана III. Согласно А. А. Васильеву, он инициировал в Феодоро дворцовый переворот. Нестабильная политическая ситуация до турецкого вторжения была не только в княжестве. Внутривнутриполитический конфликт развился и в Крымском ханстве, где был свергнут хан Менгли-Гирей. Его бегство к генуэзцам и обращение татарской знати за помощью к Мехмеду II стало поводом для военного вторжения турок на полуостров. Турецкий флот с экспедиционным корпусом во главе с великим визирем Кедук Ахмед-Пашой 31 мая 1475 г. появился перед Каффой и 6 июня город открыл ворота победителю. Захват Каффы был для Стефана Великого знаком усиления турецкой угрозы его владениям. Он пытается получить помощь от своего сюзерена, венгерского короля Матиаша Корвина, прозорливо намекая в своем письме об увеличении общей угрозы вторжения турок, как для Молдовы, так и Венгрии. После захвата города, Солдайи и других генуэзских крепостей на Южном побережье Крыма, наступила очередь владений Мангупа. Турецкая осада была кульминацией в жизни крепости Мангуп. Кампания определила ее сильные и слабые стороны. Здесь состоялась встреча поздней римской фортификации с новейшей осадной техникой. Как и Константинополь, Мангуп встретил турецкую осаду на рубежах, созданных в ранне-средневековую эпоху. Мужество защитников города было испытано оружием турок, обладавшим не только невиданной разрушительной силой, но и огромным психологическим воздействием, особенно на тех, кто знал об этих орудиях только понаслышке. Защитники Мангупа не дрогнули при виде пушек. Вероятно, в обороне важную роль сыграли воины, присланные Стефаном Великим. Они уже имели немалый опыт в боях с турками, и были знакомы с артиллерией, уже широко использовавшейся на балканском театре военных действий. Во время обстрелов на стенах оставались часовые, наблюдая, чтобы янычары, неожиданным броском не захватили их. Финальные мероприятия осады не отражены в письменных источниках и реконструируются на основании археологических материалов. Героическая оборона Мангупа без сомнения на какое-то время затормозила турецкое завоевание самых важных городов-крепостей на северо-западном побережье Черного моря. Только в 1484 году султану Баязиду – преемнику Мехмеда II, удалось захватить Килию и Монкастро (Аккерман). Таким образом, действия Стефана Великого в поддержку князя Александра, можно рассматривать не только как чисто политическую акцию, направленную на смену правителя, но и как попытку реализовать идею стратегической антиосманской обороны в бассейне Черного моря. Однако эти действия, во-первых, не получили должной поддержки правителей других стран в регионе, во-вторых они запоздали перед лицом безмерно усилившейся Османской империи, подмявшей под себя балканские страны и остатки Византии.

Ключевые слова: Молдова, княжество Феодоро, Мангуп, Османская империя, Стефан III Великий, Мехмед II.

Герцен О. Г. Молдова і князівство Феодоро перед лицем османської експансії / О. Г. Герцен // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 167–179.

Проаналізовано події останніх місяців існування князівства Феодоро, в яких активну роль грав господар Молдови Стефан Великий. У складній політичній обстановці, характерній для Північного При-

чорномор'я у другій половині XV століття, розвивається активна дипломатична діяльність зі встановлення між державами регіону політичних відносин, спрямованих на створення антиосманської коаліції. Найактивнішими учасниками цієї діяльності стали Молдавське князівство, Мангуп (Феодоро) і Угорське королівство. Укладення шлюбного і політичного союзу між Сучавою і Мангупом викликало у дослідників припущення щодо претензій Стефана, у разі вигнання турків, зайняти трон відновленої Візантії або, принаймні, стати правителем князівства Феодоро. Намагаючись знайти можливість боротьби зі зростаючою загрозою турецького вторгнення, у відповідь на бажання північного сусіда зміцнити свій візантійський родовід, князь Ісаак вів переговори про одруження сина великого князя Московського Івана III Івана Молодого на Мангупській княжні, чие ім'я залишилося невідомим. Відчуваючи неминучість вторгнення турків, князь Ісаак намагався також налагодити дружні відносини з Мехмедом II. Ймовірно, це було негативно сприйнято як його підданими, так і союзниками. Найбільш різкою була реакція з боку Стефана III. Згідно А. А. Васильєву, він ініціював у Феодоро палацовий переворот. Нестабільна політична ситуація до турецького вторгнення була не тільки в князівстві. Внутрішньополітичний конфлікт вибухнув і в Кримському ханстві, де було скинуто хана Менглі-Гірея. Його втеча до Генуї і звернення татарської знаті за допомогою до Мехмеда II стало приводом для військового вторгнення турків на півострів. Турецький флот з експедиційним корпусом на чолі з великим візиром Кедук Ахмед-Пашею 31 травня 1475 з'явився перед Каффою і 6 червня місто відкрило ворота переможцю. Захоплення Каффи було для Стефана Великого знаком посилення турецької загрози для його володінь. Він намагається отримати допомогу від свого союзника угорського короля Матіаша Корвіна, прозорливо натякаючи у своєму листі про збільшення загальної загрози вторгнення турків як для Молдови, так і Угорщини. Після захоплення міста Солдайї та інших генуезьких фортець на Південному узбережжі Криму, настала черга володінь Мангупа. Турецька облога була кульмінацією у житті фортеці Мангуп. Кампанія визначила її сильні і слабкі сторони. Тут відбулася зустріч пізньої римської фортифікації з новітньою облоговою технікою. Як і Константинополь, Мангуп зустрів турецьку облогу на рубежах, створених у ранньосередньовічну епоху. Мужність захисників міста була випробувана зброєю турків, що володіла не тільки небаченою руйнівною силою, а й величезним психологічним впливом, особливо на тих, хто знав про ці знаряддя тільки з чуток. Захисники Мангупа не здригнулися при вигляді гармат. Ймовірно, в обороні важливу роль зіграли воїни, прислані Стефаном Великим. Вони вже мали чималий досвід у боях з турками і були знайомі з артилерією, що вже широко використовувалася на балканському театрі військових дій. Під час обстрілів на стінах залишалися вартові, які спостерігали, щоб яничари несподіваним кидком не захопили їх. Фінальні заходи облоги не відображені в письмових джерелах і реконструюються на підставі археологічних матеріалів. Героїчна оборона Мангупа без сумніву на якийсь час загальмувала турецьке завоювання найважливіших міст-фортець на північно-західному узбережжі Чорного моря. Тільки 1484 року султану Баязиду – наступнику Мехмеда II, вдалося захопити Кілію та Монкастро (Аккерман). Таким чином, дії Стефана Великого в підтримку князя Олександра можна розглядати не тільки як суто політичну акцію, спрямовану на зміну правителя, але і як спробу реалізувати ідею стратегічної антиосманської оборони в басейні Чорного моря. Проте ці дії, по-перше, не отримали належної підтримки правителів інших країн у регіоні, по-друге, вони запізнилися перед обличчям Османської імперії, що безмірно посилювалася та підім'яла під себе балканські країни і залишки Візантії.

Ключові слова: Молдова, князівство Феодоро, Мангуп, Османська імперія, Стефан III Великий, Мехмед II.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенти:

д.и.н., проф. А. И. Айбабин

д.и.н., проф. С. Б. Филимонов

**STRUCTURE OF THE INTERNATIONAL NAVIGATION
AT THE CRIMEAN PORTS AND ITS PLACE IN FOREIGN TRADE
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF XIX –
THE BEGINNING OF XX CENTURY**

Martsynovsky P.

*National Taurida V. I. Vernadsky University, Simferopol, Ukraine
E-mail: pnmarz@mail.ru*

Features of social and economic development of the Crimean peninsula in the second half XIX – the beginning of XX century caused special interest in research of foreign trade communications of Crimean ports, in particular their participation in the Mediterranean trade. The structurally-chronological description of this process during this period consists in the following:

- On the territory of Crimea situated four basic ports – Yevpatoria, Sevastopol, Feodosiya, Kerch;

- From 1856 till 1914 the role of these ports varied;

- During 1856–1876, after termination of the Crimean (Eastern) war and until the beginning of the russian-turkish war 1877–78, main activity was concentrated in Yevpatoria and Feodosiya;

- In 1875 After the completion of railway's construction between Lozovaya and Sevastopol, the role of Sevastopol has strongly increased. It has appeared to be especially conspicuous in 1878 after the termination of the russian-turkish war (1877–1878);

- In the period from 1878 till 1897 Sevastopol was the basic export centre on the Crimean peninsula;

- In 1892 was finished the construction of a branch line from station Jankoi of the Lozovaya-Sevastopol railway, to Feodosiya. After that freight traffic to Sevastopol, began to be redistributed in a direction of Feodosiya;

- In 1897 process of redistribution of the freight traffic in favour of Feodosiya has been completed, and in 1899 Sevastopol has finally been closed as a trading port. It has become to be directed exclusively towards military goals, functioning as the main naval base of the Chernomorsky Fleet;

- The railway up to Yevpatoria has been constructed only in 1914, therefore in the second half XIX – the beginning of XX century foreign trade activities in Yevpatoria, basically, characterized agricultural area adjacent to the port and local social and economic conditions;

- The foreign trade activity in Kerch also characterized local conditions, however geographical location which stipulated function of inspection of the ships following from the Black sea to the sea of Azov, allowed to characterize all international navigation in the sea of Azov for separate years;

After the termination of the Crimean (Eastern) war the majority of foreign ships coming to two basic ports of the Crimean peninsula, Yevpatoria (**the Diagram 2; the Diagram 4**), and Feodosiya (**the Diagram 1; the Diagram 3**), were Turkish. Turks could ori-

STRUCTURE OF THE INTERNATIONAL NAVIGATION AT THE CRIMEAN PORTS AND IT'S PLACE IN FOREIGN TRADE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF...

ent themselves in the local market very well. That's why despite of disorganization of economic life in Crimea their ships while leaving Feodosiya were loaded with the Crimean goods. After the war merchants exported crackers, iron and copper scrap, bones of animals, hempen ropes etc. More than 60% of export was leather and sheep wool. These products were a basis of export.

Diagram 1. A national identity of the ships arrived to Feodosiya in 1856 - 1913

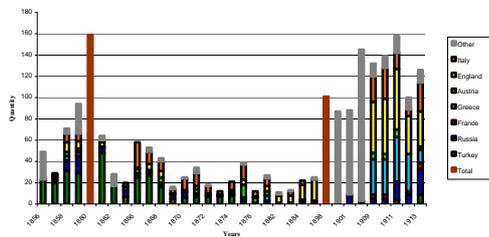

Diagram 2. A national identity of the ships arrived to Evpatoria in 1858 - 1901

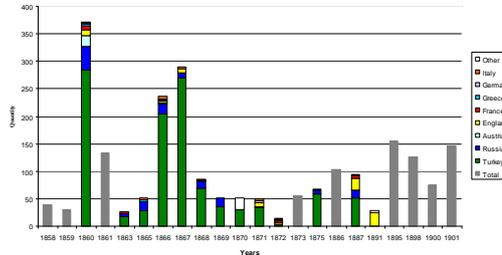

Diagram 3. A national identity of the ships arrived to Feodosiya in 1856 - 1913

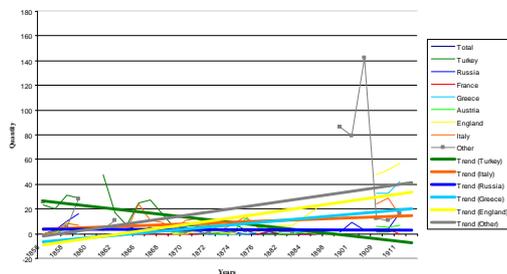
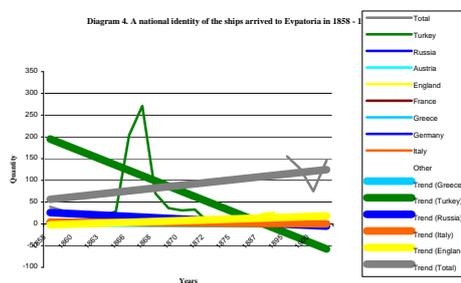

Diagram 4. A national identity of the ships arrived to Evpatoria in 1858 - 1901

The quantity of the turkish ships entering Crimean ports was usually stable. It corresponded to the structure of trade relations that have changed little since the times of the Crimean khanate.

Year 1860 was an exception because of a big number of ships transported the Tatars who were emigrating to Turkey. This event had a tremendous impact on a further development of international trade in Crimea, in particular, and all economy of peninsula, as a whole. Almost 50% reduction of population of Crimea has lowered financial resources of a local merchant class, especially in connection with decline of sheep breeding and sharp decrease of import purchases. The main reason of this was that the basic consumers of the goods from Turkey were Crimean tatars. This reason, and also more and more intensive presence of European states in the grain market of the Northern Black Sea Coast after the Crimean (Eastern) war on the terms of free trade custom duty caused gradual but steady reduction of turk's involvement in trade with Crimea. To the beginning of the russian-turkish war in 1877–1878 trade with Turkey for Crimea was not of great importance any more.

One more exception – the second half 60th of XIX century when the Turks were actively exporting salt from Crimea. To realize the necessary sum for purchase of salt, the Turks usually imported the duty-free wood and baskets which value as a result made a significant sum. This illicit craft was so profitable that in 1864 and 1866 the significant amount of salt was imported from Feodosiya, from where salt has never been imported before. In years 1866 and 1867 crimean salt has been intensively exported from Yevpatoria with small

size ships on average tonnage of 31,2 tons. Turkish government has taken strict measures against smugglers, however in 1868 the order has not reached the remote provinces of Turkey and the Turks in 1868 and 1869 had time to export large parties of salt from Crimea.

Against a background of decrease of a role of Turkey more and more trading ships under the flags of the European countries were coming to the Crimean ports for grain bread. It was an evidence of essential re-structuring of the market.

The merchant marine fleet also underwent qualitative changes. So, if in 1856 steamships were only a twentieth part of all coming ships, in 1893 their number reached 71%. From 1875 average capacity of all steamships has increased from 709 up to 978 tons. It is well visible from **Diagrams 5–12**, describing navigation through Kerch strait to the sea of Azov.

Geographical position of Kerch allows to supervise all navigation through Kerch strait, from the Black sea to Azov. Such a supervision was one of the port custom-house's functions in the second half XIX – the beginning of XX century. Unfortunately, we have no data for every year, however even available data are informative and illustrative enough. (**diagrams 5–12**)

Diagram 5. A national identity of the steamships lasted through Kerch strait to sea of Azov in 1887 - 1903r. (quantity).

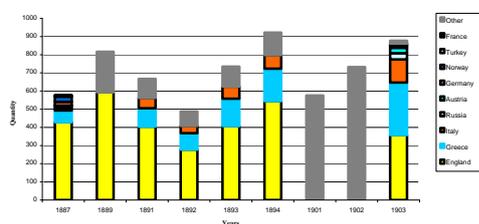

Diagram 6. A national identity of the steamships lasted through Kerch strait to sea of Azov in 1887 - 1903 (quantity).

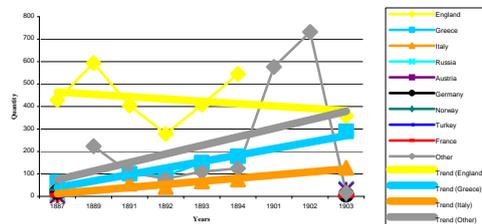

Diagram 7. A national identity of the steamships lasted through Kerch strait to sea of Azov in 1891 - 1903 (tonnage).

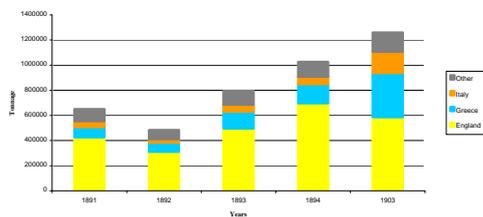

Diagram 8. A national identity of the steamships lasted through Kerch strait to sea of Azov in 1891 - 1903 (tonnage).

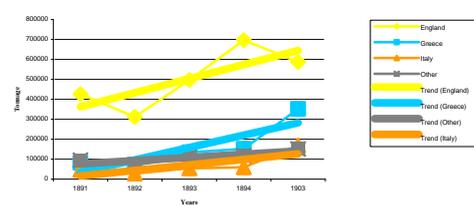

Diagram 9. A national identity of the sailing ships lasted through Kerch strait to sea of Azov in 1887 - 1903 (quantity).

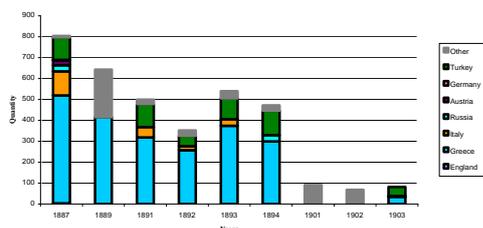
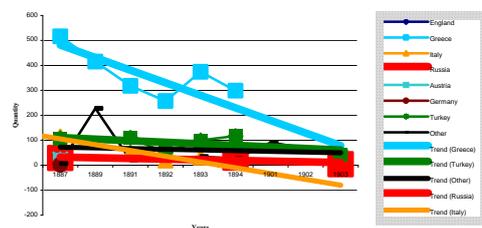

Diagram 10. A national identity of the sailing ships lasted through Kerch strait to sea of Azov in 1887 - 1903 (quantity).

STRUCTURE OF THE INTERNATIONAL NAVIGATION AT THE CRIMEAN PORTS AND IT'S PLACE IN FOREIGN TRADE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF...

Diagram 11. A national identity of the sailing ships lasted through Kerch strait to sea of Azov in 1891 - 1903 (tonnage).

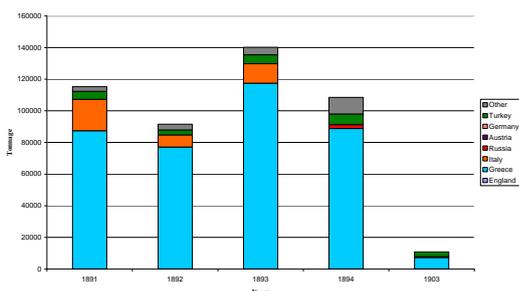
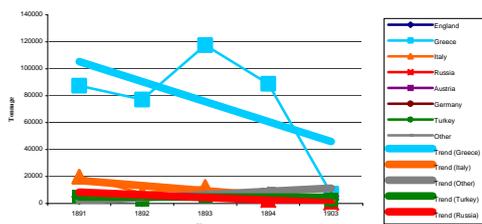

Diagram 12. A national identity of the sailing ships lasted through Kerch strait to sea of Azov in 1891 - 1903 (tonnage).

This data serve as an evidence of full prevalence of British, Greek and Italian steam and sailing merchant marine fleets in water area of the sea of Azov.

Thus through Kerch strait to the Azov ports in navigation of 1886 proceeded 1011 ships, among which 421 steamship with general tonnage of 382622 tons, from them of 304517 tons or 79,6% – under British flag; 590 sailing vessels, tonnage in 139619 tons, from which 90787 tons or 65% under the Greek and 34717 tons or 24,9% under Italian flags.

From 524585 tons of tonnage of the steamships, which have proceeded through Kerch strait in 1887, 407941 tons were British and 48218 tons – greek; from 209551 tons of tonnage of sailing vessels of 141290 tons were Greek and 43543 tons Italian. The picture of navigation characterizes well not only a qualitative and quantitative level of the merchant marine fleets served the Azov ports, but also specificity of the trade. There were much less ships coming loaded with the goods, than with a ballast. The vessels loaded by the ballast were destined to transport grain and belonged in overwhelming majority of cases to the European shipowners.

At the same time fast technical improvement of British steamships was is visible. Despite of some decrease in their quantity, the total tonnage, nevertheless, has essentially increased. Thus 74,9% from 32708 register tons of the ships which have left Yevpatoria in 1885, belonged to the Great Britain. From 31 ships, departed from Feodosiya, – 20 were British steamships. Tonnage of 29 turkish ships which have left in 1885 Yevpatoria has made only 1712 tons. Average carrying capacity of a British, French, Greek or Italian steamship made almost one thousand tons, and a turkish sailing vessel was no more than sixty. In 1903 in the strait it has been looked inspected on 158 vessels more, than in 1902 and on 290 more, than in 1901. Has been taken out cargoes from the Azov ports (including Kerch) 164385000 poods, i.e. on the average 171412 poods on each vessel. The share of the sailing ships promptly decreased, and the tonnage of steamships enlarged.

As to sailing ships, here we can see full advantage of Greece, both by quantity, and on the tonnage. However, the quantity of sailing vessels was inevitably reducing in favour of the steam merchant marine fleet.

In 1885 on volumes of grain export from 121 export points of the empire Sevastopol occupied 12 place (7 681 010 poods), Feodosiya – 19 place (2 402 559 poods), Kerch – 26 place (1 439 538 poods), Yevpatoria – 27 place (1 157 474 poods).

However in Russia - the country of great concentration and poorly developed capitalism, enormous gap between leaders and outsiders was a normal phenomenon. So, the

same year from Odessa was exported 75 617 207 poods of bread, Nikolaev – 17 580 667 poods, Taganrog – 14 937 923 poods, Berdyansk – 10 633 628 poods.

Diagram 13. Export of grain, including wheat, through the Black Sea, Azov Sea and Crimean ports in 1878 - 1914 (poods)

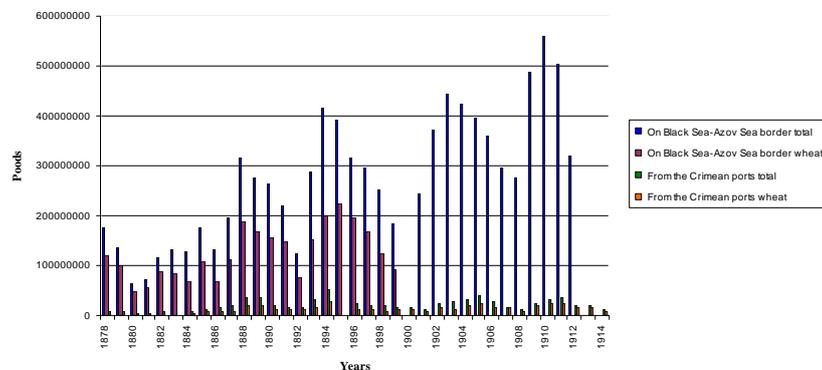

Table 4. Ports of the Russian empire on the general turn of capacity of ships of long voyage (the sum of the tonnage of the arrived and departed ships):

Ports	1856	%	1881	%	1893	%
Odessa	662748	18,6	1849750	21,4	2666234	17,5
St.-Petersburg	979008	27,5	1701504	19,6	2364444	15,5
Riga	562112	15,8	1616554	18,7	1593060	10,5
Batum	-	-	298862	3,5	1581002	10,4
Taganrog	552076	15,5	495874	5,7	1212078	7,9
Nikolaev	10496	0,3	373324	4,3	989286	6,5
Libava	24726	0,7	492668	5,7	958560	6,3
Sevastopol	-	-	199616	2,3	663472	4,4
Novorossisk	-	-	3894	0,05	601532	3,9
Revel	35802	1,0	562142	6,5	349844	2,3
Arkhangelsk	258982	7,3	277712	3,2	343580	2,2
Mariupol	112070	3,1	50790	0,6	288620	1,9
Berdyansk	169458	4,8	124338	1,4	229378	1,5
Poti	-	-	140714	1,6	219936	1,4
Yevpatoria	11630	0,3	11416	0,1	190518	1,3
Kerch	19656	0,6	56310	0,7	181768	1,2
Feodosiya	12902	0,4	17500	0,2	103506	0,7
Other ports	148998	4,2	365060	4,2	698702	4,6
Including the Black Sea – Azov Sea ports:		43,6		41,9		58,6
Including ports of Crimea:		1,3		3,3		7,6
Total	3560664		8638028		15235520	

In the beginning of XIX century from seaports of Russia the first place on number of departing and coming ships was occupied by St.-Petersburg. Behind it there were Riga, Revel, Libava, Narva, Pernov, Arensburg, Arkhangelsk, Odessa, Taganrog, Yevpatoria, Feodosiya, Kerch and Astrakhan. In the end of a century all these ports still took part in foreign trade, but their relative value has changed. In 1900 among 86 ports leading statistics, Feodosiya occupied 13 place, and Yevpatoria – 17.

To a total sum of sea transportations contributed all the settlements located along coast. If to be limited to the points considered by customs statistics (not less than 50000 poods a year, including big and small cabotage), by Black and Azov seas their number was 45, including in Crimea: Bakal, Yevpatoria, Sevastopol, Балаклава, Yalta, Alushta, Sudak, Feodosiya and Kerch.

In 1908 on a full turnover of goods they occupied accordingly places: Feodosiya – 10, Kerch – 11, Yevpatoria – 13, Sevastopol – 19, Yalta – 20, Bakal – 28, Alushta – 38, Sudak – 41, Balaklava – 44.

However Yevpatoria, Sevastopol, Feodosiya and Kerch participated in export only.

Table 5. Distribution of 76,4 % of export of wheat on the Black Sea – Azov Sea border of the Russian empire in 1909г.:

Item of sending	Millions poods	%
Rostov	48,8	20,3
Nikolaev	46,5	19,4
Novorossiysk	32,7	13,6
Kherson	25,5	10,6
Taganrog	24,4	10,2
Berdyansk	18,6	7,7
Feodosiya	16,1	6,7
Mariupol	9,8	4,1
Odessa	7,8	3,2
Yeysk	5,6	2,3
Genichesk	4,3	1,8

Note:

All digital data in article are calculated on the basis of materials of State Archive funds of the Autonomous Republic of Crimea, including:

- Yevpatoria seaport custom house (fund 369);
- Kerch seaport custom house (fund 359);
- Feodosiya seaport custom house (fund 221);
- Yalta seaport custom house (fund 220);
- The chief of the Taganrog customs district (fund 600);
- The chief of the Crimean customs district (fund 361);
- Office of Kerch-Enikale town governor (fund 162);
- Yevpatoria commercial port administration (fund 737);
- Commercial port of Kerch (fund 601);

Commercial port of Feodosiya (fund 481);
 Commercial port of Yalta (fund 158);
 Crimean railways Society (fund 152);
 Taurian provincial statistical committee (fund 39).

Марциновский П. Н. Структура международного судоходства в крымских портах и его место во внешней торговле Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / П. Н. Марциновский // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 180–186.

Проанализированы структуры международного судоходства в крымских портах, а также месту и значению этих портов во внешней торговле Российской империи во второй половине XIX – начале XX века с учетом особенностей социально-экономического развития Крымского полуострова в этот период. Представлено структурно – хронологическое описание этого процесса при помощи математических методов на основе массива цифровых данных, которые содержатся в делах, хранящихся в Государственном архиве в Автономной Республике Крым. Определены роль и место торговых флотов отдельных государств в судоходстве при крымских портах. Выявлены и описаны изменения в участии различных флотов в международной торговле в Крыму в контексте становления отечественного рынка.

Ключевые слова: судоходство, торговля, флот, грузооборот, рынок.

Марциновський П. М. Структура міжнародного судноплавства в кримських портах та його місце у зовнішній торгівлі Російської імперії в другій половині XIX – початку XX століття / П. М. Марциновський // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 180–186.

Проаналізовано структури міжнародного судноплавства в кримських портах, а також місце і значенню цих портів у зовнішній торгівлі Російської імперії в другій половині XIX – початку XX століття з урахуванням особливостей соціально-економічного розвитку Кримського півострова в цей період. Представлено структурно-хронологічний опис цього процесу за допомогою математичних методів на основі масиву цифрових даних, які містяться в справах, що зберігаються в Державному архіві в Автономній Республіці Крим. Визначено роль і місце торгових флотів окремих держав в судноплавстві при кримських портах. Виявлено та описано зміни в участі різних флотів у міжнародній торгівлі в Криму в контексті становлення вітчизняного ринку.

Ключові слова: судноплавство, торгівля, флот, вантажообіг, ринок.

Martsynovsky P. N. Structure of the international navigation at the Crimean ports and its place in foreign trade of the Russian empire in the second half XIX – the beginning of XX century / Scientific notes of Navrida V. I. Vernadsky National University. – Series «Historical Science». – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 180–186.

This article is devoted to analyzes the structure of international shipping in the Crimean ports, as well as the place and importance of these ports in the foreign trade of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century, taking into account the features of the socio-economic development of the Crimean peninsula during this period. There is structural and chronological description of the process by means of mathematical methods, based on an array of digital data that is contained in archival file stored in the National Archives in the Autonomous Republic of Crimea. Define the role and place of merchant fleets of varied states in the navigation at the Crimean ports. Identified and described the changes in the participation of the various fleets in international trade in the Crimea in the context of developing the domestic market.

Keywords: shipping, trade, fleet turnover, market.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. В. М. Хмарский
 д.и.н., проф. С. С. Щевелев

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айбабаин Александр Ильич	доктор исторических наук, профессор, директор Крымского отделения Института востоковедения имени А. Е. Крымского НАН Украины (г. Симферополь)
Акимченков Виктор Владимирович	аспирант Центра памятниковедения НАН Украины и УТОПИК (г. Киев)
Андреева Лариса Юрьевна	ведущий специалист, заведующая архивом Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Ищенко Элеонора Сергеевна	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Герцен Александр Германович	кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, декан исторического факультета Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Кохан Андрей Алексеевич	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Кравчук Александр Сергеевич	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Леписевич Наталья Зеноновна	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Марциновский Павел Николаевич	кандидат исторических наук, доцент истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Нигматуллин Эмиль Рауфович	соискатель кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Османов Элвис Эдемович	преподаватель кафедры истории РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Парафило Денис Михайлович	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Пасечников Игорь Александрович	аспирант кафедры истории Украины и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Руев Владимир Леонидович	кандидат исторических наук, главный специалист Республиканского комитета Автономной Республики Крым по охране культурного наследия (г. Симферополь)
Юрочкин Владислав Юрьевич	кандидат исторических наук, ученый секретарь Крымского отделения Института археологии НАН Украины (Симферополь)

СОДЕРЖАНИЕ

Акимченков В. В.	
К истории военно-исторического музея Севастополя в конце 20-х – 30-е годы XX века	3
Андреева Л. Ю.	
Неизвестные страницы биографии Е. П. Самокиш-Судковской: к 150-летию со дня рождения	15
Ищенко Э. С.	
К истории церкви Воскресения Христова при исправительном приюте малолетних преступников	26
Кохан А.	
«Современник» 1943 года: к вопросу о деятельности редакционной коллегии и подбору опубликованных материалов	34
Кравчук А. С.	
К биографии таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина	45
Леписевич Н. З.	
События Первой мировой войны на Черном море в изложении журнала «Морской сборник»	67
Нигматуллин Э. Р.	
Характеристика указов «Полного собрания законов Российской империи», касающихся распространения и развития овцеводства на Юге Украины	79
Османов Э.Э.	
Ремонтно-реставрационные работы в архитектурном комплексе Ханского дворца в 1944–1990 гг.	96
Парафило Д. М.	
К вопросу о формировании книжной коллекции «Карай-Битиклиги»	112
Пасечников И. А.	
Становление и развитие органов политической полиции Севастополя в XIX веке	125
Рувев В. Л.	
Захват Солдаи турками в 1475 г.	143
Юрочкін В. Ю.	
Достойне поповнення скарбниці кримського краєзнавства	152
Aibabin A. I.	
Written sources on Byzantine ports in the Crimea from the fourth to seventh century	156

СОДЕРЖАНИЕ

Gertsen A. G.

Moldova and Feodoro principality before the face of the Ottoman expansion.....167

Martsynovsky P.

Structure of the international navigation at the Crimean ports
and it`s place in foreign trade of the Russian empire
in the second half XIX – the beginning of XX century180

Сведения об авторах187